

Родной и близкий

Издательство
"Детская литература"

В. Буланкин. В. И. Ленин среди детей.

Родной и близкий

Рассказы
о Владимире
Ильиче
Ленине

Издательство
"Детская
литература"
Москва · 1964

В этой книге помещены рассказы и воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, написанные на протяжении ряда лет разными людьми — близкими и родными, соратниками по работе и борьбе, писателями.

Жизнь и деятельность Владимира Ильича — необозримо и передать в одной книге всё величие сделанного им невозможно. Прочитав эти рассказы, наши читатели познакомятся лишь с некоторыми эпизодами его жизни, получат представление о том, какие трудности и невзгоды пришлось ему перенести, узнают, как он жил и работал в ссылке, подполье и эмиграции, как возглавил революционную борьбу за народное счастье.

В заключительной части книги дано несколько рассказов, посвящённых той гигантской созидательной работе, которую вёл Владимир Ильич после победы революции, когда он был во главе нашего первого в мире социалистического государства.

Владимир Ильич Л е н и н

В ко́мнате на стене висит портрёт.

Вáся сказа́л отцу́:

— Па́па, расскажи́ мне про него́.

— А ты зна́ешь, кто э́то?

— Зна́ю. Э́то Ле́нин.

— Да, э́то Влади́мир Ильи́ч Ле́нин. Наш люби́мый, родно́й, наш вождь...

Ну, слу́шай. Был я мо́лод. Пло́хо жилóсь тогда́ нам, рабо́чим. Рабо́та была́ тяжёлая. Рабо́тали мы с утра́ до по́зdney но́чи, а жи́ли впро́голодь. Мнóго нас на заво́де рабо́тало. Хозя́ин заво́да был Дани́лов. Он не рабо́тал. Спины́ не гнул, а жил он ох как богáто!

Отку́да всё бы́ло у него́? Мы на него́ рабо́тали. Он нам за рабо́ту плати́л ма́ло — пря́мо сказа́ть, гра́бил нас. На на́шем труде́ наживáлся. У него́ заво́д был, де́ньги, маши́ны, а у нас ничегó, крóме на́ших рабо́чих рук, не́ было. Вот и приходи́лось к нему́ на рабо́ту иди́ти.

Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков — много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне — бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними был и самый главный, самый богатый помещик — царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капиталистов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работает, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочими. Всё больше их становилось, всё крепче становилась рабочая партия — партия коммунистов. Партия видела, что без борьбы ничего не добьёшься. Стали это понимать и рабочие всех стран.

Рабочие любили Ленина, а помещики и капиталисты его ненавидели. Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьму, ссылала в далёкую Сибирь, хотела его навек в тюрьму засадить. Ленин уехал за границу и издали писал рабочим, что им надо делать. А потом опять приехал и руководил всей борьбой.

В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом,

7 ноября 1917 года, прогнали и помещиков и капиталистов. Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свой порядок. Не царь, не помещики и капиталисты, а сами рабочие и крестьяне стали обсуждать и решать свои дела в Советах.

Новое это было для них дело. Ленин и его партия вели рабочих по этому трудному пути и помогали им налаживать жизнь по-новому. Много пришлось работать Ленину. Много у него было забот. Здоровье его стало плохо, и в 1924 году Владимир Ильич умер.

Очень горевали мы, когда Ленин умер, но то, что он говорил, мы никогда не забудем. Мы стараемся всё делать так, как он советовал. Работу, жизнь по-новому налаживаем.

Н. К. Крупская

О детстве Владимира Ильича

Я часто спрашивал родных Владимира Ильича о его детских годах. Особенно любила рассказывать об этом его старшая сестра Анна Ильична.

— Волóдя вставáл в определённый час, — рассказывала она. — В гимназию он дóлжен был являться к половине девятого утра. Рóвно в семь часóв Волóдя просыпáлся сам — его никто не будíл. Проснóвшись, он сейчáс же вставáл, не позволяя себе валяться в

постѣли. Чѣистил зѣбы, хорошѣ умывѣлся и обтирѣлся водѣй по поѣяс. Волѣдѣя сам убирѣл постѣль. У нас в семьѣ был такѣй порѣядок: дѣти сѣми себя обслѣживали. Дѣвѣчки должнѣ были следѣть, чтѣбы и у них самѣх и у мѣльчиков всѣ было зашѣто, заштѣпано.

Затѣм Волѣдѣя садѣлся за повторѣние уроѣков, котѣрые он всегдѣ дѣлал с вѣчера. В ѣто врѣмя мать гѣтѣвила зѣвтрак. Мы все сходѣлись в столѣвой и съедѣли всѣ, что нам давѣли. Осѣбенно за ѣтим следѣл Волѣдѣя; у негѣ был прекрѣсный аппетѣт, и он смѣялся над тѣми, кто вѣло ел.

«Ест, как бѣдѣто воз с сѣном в гѣру везѣт! — приговѣривал он. — Вот бѣдѣшь больнѣя, малосѣильнѣя», — подтѣрунивал¹ он надѣ мной. (Я по утрѣм плѣхо ѣла.)

Из нѣших ѣкон бѣло вѣдно, как возѣ с сѣном подымѣлись от прѣстани парѣма² в крутѣю гѣру, от Вѣлги в гѣрод. Мѣленький Волѣдѣя чѣсто наблѣдѣл, как на ѣту крутизнѣ вползѣли тяжѣлые возѣ, запряжѣнные небѣльшѣми крестьянскими лошадьмѣ, котѣрым изѣ всех сил помогѣли вѣзчики.

Мать давѣла всем дѣтям с собѣю зѣвтрак. Волѣдѣя уклѣдывал егѣ в рѣнец³ и был ѣчень довѣлен, когдѣ в придѣчу получѣл ѣблоко. Дѣсять минѣт он смѣрно высѣживал, так как мать не позволѣяла нам сейчѣс же

¹ Подтѣрунивать — подшѣчивать, добродѣшно смѣяться.

² Парѣм — плоскодѣнное сѣдно, котѣрое передвѣгается с помѣщѣью канѣта, прѣтянутого от одногѣ бѣрега к другѣму, и слѣжит для перепрѣвы через рекѣ или ѣзеро.

³ Рѣнец — шѣольная сѣмка с ремнѣми, котѣрую нѣсят на спѣнѣ, за плѣчѣми.

после чая выходить на улицу, чтобы не простудить горло. Ровно в десять минут девятого Володя вставал, прощался с матерью и отцом, быстро одевался, застегивался по форме на все пуговицы и уходил.

Придя домой из школы, он гулял во дворе около часа или двух, смотря по погоде.

Володя очень любил играть в лапту, в салки и особенно в казаки-разбойники. Его всегда выбирали атаманом. В игре он был очень справедлив. Он был сильный мальчик, но терпеть не мог драк, никогда в них не участвовал и всегда прекращал игру, как только начинались недоразумения.

«Это не игра, — говорил он, — это безобразия».

Бывали случаи, что он осуждал себя в игре, доказывая, что он неправильно поступил как атаман.

К обеду мы собирались все вместе за столом и рассказывали, что произошло за день. Мать и отец внимательно выслушивали нас и принимали близко к сердцу все наши дела.

Мать требовала, чтобы один день мы говорили с ней и между собой по-русски, другой — по-французски, третий — по-немецки. Это очень помогало всем нам изучить эти языки. Володя знал их в совершенстве. Позднее он сам изучил английский, итальянский и польский языки. Особенно любил он с первых классов гимназии латинский и греческий языки. Эти языки довольно трудно давались ученикам, а ему — легко.

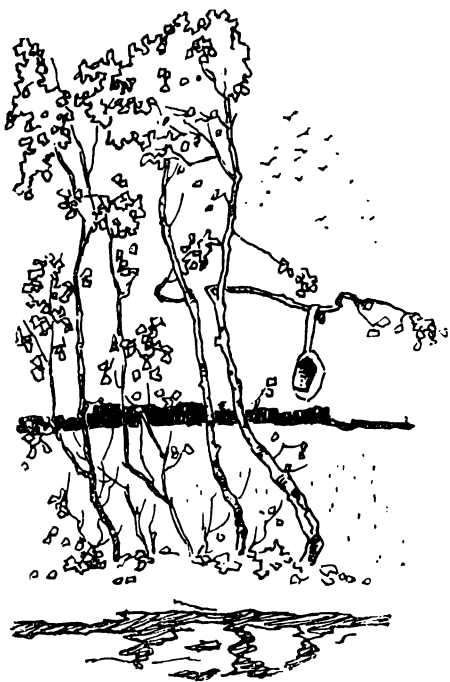
После обеда Володя садился за уроки. Он всегда по всем предметам делал больше, чем давали.

Много читал. Переходил Володя из класса в класс с наградами и кончил гимназию первым учеником, с золотой медалью.

В его комнате всегда было чисто, книжки завернуты в газетную бумагу, в тетрадках всё было аккуратно. Володя как-то посадил на страницу большую кляксу. Это его очень взволновало. Он вынул этот лист из тетради, вшил другой и сейчас же переписал все три страницы, ранее им сделанные. Во время занятий он был очень сосредоточен, не отвлекался. Кончив уроки, нужные книжки и тетради он убирал в рюкзак, а всё остальное — в стол или на полки шкафа, в свою библиотеку, на которую у него был составлен в тетрадке каталог¹.

Приготовив уроки, Володя с увлечением играл с младшими сестрами. Потом мы все пили чай и ужинали ровно в восемь часов вечера, а в половине девятого Володя шёл чистить зубы, умывался перед сном и, простившись со всеми, ложился спать и засыпал немедленно. Хотя он и любил пошалить, но был послушным: слово матери и отца для него было законом. Он выполнял всё, что они ему говорили. И в семье его очень любили.

¹ Каталог — здесь: перечень книг в определённом порядке.

След человека

Однажды Володя и его старший брат Саша шли лесом по чуть заметному следу какого-то человека. Потоптанная им трава поднялась, вмятины, оставленные его ногами, были давно засыпаны листвой и хвоей. Иногда приходилось угадывать его путь только по тем разным замечкам, которые он оставлял мимоходом. Вот повесил берестяной ковшик над расчищенным родником. Можно чистой водицы выпить.

Вот положил две жердинки через топкий ручей. Можно пройти не замочившись. Вот убрал с пути опасно нависший, поломанный бурей большой дубовый сук.

Саша шёл и хмурился. Он выбрал путь напрямик, чтобы покороче пройти к избушке лесника, — там остановились Ульяновы, всем семейством приехавшие собирать грибы, — да вот заблудился.

«В конце концов, конечно, выберемся, — думал он, — вот только Володя устанет — маленький». И с тревогой поглядывал на младшего брата.

Но, к его удивлению, приуставший и вспотевший от лесной духоты Володя улыбался.

— Чему ты радуешься? — спросил Саша. — Отчего тебе так весело?

— А ты ничего не замечаешь? — лукаво прищурившись, сказал Володя. — Как приятно, что перед нами прошёл очень добрый человек, сколько хорошего оставил он на своём пути.

Саша остановился поражённый: откуда такие детские мысли у школьника? Тут же ему стало неловко — мы всегда недооцениваем своих младших братьев.

Он порывисто обнял Володю, а потом, после некоторого раздумья, сказал слова, которые младшему брату очень запомнились:

— Вот так, Володя, и жизнь надо пройти — оставив след своих добрых дел, полезных народу!

В семье Ульяновых

Вечером в доме Ульяновых шумно и весело. Дети давно вернулись из гимназии, приготовили уроки. Теперь можно и отдохнуть, сыграть партию-другую в шахматы.

Шахматы — любимая игра в семье. И самые заядлые игроки¹ — Володя, его старший брат Саша и

¹ Заядлыми игроками называют людей, которые очень любят играть в какую-либо игру.

отец, Илья Николаевич. Иногда они устраивают турниры на первенство. Илье Николаевичу приходится гуго. Надо обдумывать каждый ход: Володя — серьёзный противник.

Особое оживление в доме бывает в субботу. В этот день дети выпускают свой еженедельный журнал. Он выходит по субботам, поэтому его так и называли: «Субботник».

Главный редактор журнала — Саша. Цветными карандашами он разрисовал обложку, крупными фигурными буквами написал название.

Сотрудниками журнала были все дети. Каждую субботу они вручали главному редактору свои рассказы, загадки, ребусы. Без всяких изменений Саша вкладывал их в обложку.

Журнал был готов.

Володя учился в первом классе, но отставать от старших не хотел. Он тоже писал рассказы о гимназии и своих товарищах.

И вот все собрались в столовой. Журнал торжественно прочитывается от первой до последней страницы. Его передают из рук в руки. Дружный смех вызывают карикатуры, которые Саша сделал на своих братьев и сестёр.

Вечерами мама садится за рояль. Музыку в доме Ульяновых любят все. Мария Александровна очень рано начала учить детей музыке.

Володя терпеть не может грустных, слезливых мелодий, но зато с удовольствием поёт песни, в которых звучит удаль, размах, отвага.

Особо́нно хоро́шо у него́ получа́ется «Нелюди́мо
на́ше мо́ре»:

Но ту́да выно́сят во́лны
То́лько си́льного душо́й!..
Сме́ло, бра́тья!
Бу́рей по́лный,
Прям и кре́пок па́рус мой!

Ле́том семья́ Улья́новых выезжа́ла в Коку́шкино.
Село́ раски́нулось на вы́соком бере́гу ре́ки. Со всех
сторóн его́ обступáли глубо́кие и кривы́е овра́ги. На
их склóнах впереме́жку с крапíвой росли́ крыжóвник,
сморо́дина и мали́на. Сра́зу за овра́гами начина́лся
лес. Ту́да ходи́ли Улья́новы по гри́бы и по я́годы.

Ве́село в лесу́! Ребя́та шали́ли, бе́гали наперегон-
ки́, во весь го́лос чита́ли стихи́. На поля́не разводи́ли
костёр. Пекли́ карто́шку и ди́кие я́блоки. Я́блоки бы́-
ли ки́слые-преки́слые. Никто́ не осме́ливался съесть
хотя́ бы одно́.

В Коку́шкино день у Володи́ начина́лся ра́но. Он
бы́стро вставáл, на́спех за́втракал — и на у́лицу.
Здесь его́ уже́ поджида́ли това́рищи. Начи́налась бе-
готня́. Игра́ли в лапту́, в са́лки и, коне́чно, в казаки́-
разбо́йники. Атама́ном всегда́ выбира́ли Воло́дю.

Одна́жды Воло́дя и его́ това́рищи реши́ли сде́лать
большо́й бума́жный змей. Онí до́лго и старáтельно
кле́или его́. Змей и впра́вду получи́лся большо́м и
краси́вым. Посмотрéть на дико́винку сбежа́лись де́-
ти со всего́ села́. Все отпра́вились на луг. Ве́тер под-
хватíл змей, и он взлетéл вы́соко-вы́соко. «Ура́!» —

закричали дѣти. Конечно, всем захотѣлось подержать шнур в руках. Все ребята уцепились за него и сильно рванули. Змей сломался.

Дома за ужином Волбдя рассказывал о своих приключеніях маме и папе. За день столько было событий! Ведь змей, если бы не случайность, долетел бы до самых облаков! Рассказов хватает на целый вечер.

В. Сидоров

Вночное

Кокúшкинские ребята взяли Волóдю с собой в нoчное отказáлись...

— Нет, Волóдя, не просись лúчше... — говорил Грúша, ударяя íвовым прúтиком по пыльной доро́ге.

Другие молчáли, видно, соглашáлись с Грúшей. Молчáл и Фéдя, осóбенно, как казáлось Волóде, доро́живший дрúжбой с ним.

— Не можем... И не просись... — повторил Гриша и увёл ребят.

Они шли к себе домой стайкой, в старых картузах, домотканых¹ рубашках без поясов, в длинных, обтрёпанных вниз штанах, босые, с цыпками на ногах. А Володя, вместо того чтобы повернуть к себе, к дому на высоком берегу Ушней, стоял и смотрел им вслед.

Они вместе играли в бабки, ловили рыбу, катались на лодке, бегали наперегонки... Дружили... А вот взять в ночное отказались...

«Почему? — думал Володя. — Не хотят отвечать за чужого?»

Но никто из семьи Ульяновых не был чужим крестьянам Кокушкина. Володя чувствовал это. Почти ежедневно он наблюдал, с каким завидным почтением относились крестьяне к отцу и матери. Конечно, уважение надо заслужить.

«Решили, что я испугаюсь ночи, что со мною что-нибудь случится... Побегу от страха, и меня зубастый волк унесёт в тёмный лес...» — упрямо сощурился Володя, улыбнулся.

После ужина, когда совсем стемнело, он тихонько вышел на улицу.

Вот и остались позади старый дом и флигель², сад и заборы. Где-то далеко — луг с ребятами, лошадьми, сказками и страшными рассказами о леших и водя-

¹ Домотканый — сделанный домашним, кустарным способом.

² Флигель — жилая пристройка сбоку главного здания или стоящая отдельно.

ных, с чём-то ещё не известным ему и таким интересным.

Было свежо и тихо. Кусты по сторонам казались то человеком в огромной папаше и с растопыренными в разные стороны руками, то медведем, вставшим на задние лапы, который вот-вот бросится на тебя, то таким страшлищем, которого и в сказке не найдёшь. Одинокó здесь всё-таки, среди ночных лугов, лесов и оврагов.

Волóдя пóнял, что он боится немногó. И сáми по себе замедлились шагí.

А куст, похожий на разбойника в папаше, вдруг взмахнул веткой-рукой: мол, иди, иди! Сейчас я тебе покажу! А вот за тем кустом, если присмотреться, прячутся двое... Конечно, лихие люди, кому жизнь человека ни в грош...¹ Совсем неподалёку, в соседнем лесу, у ключа в ложбине², грабителями был убит лесник. До сих пор стояли там два деревца, к которым убийцы привязали свою жертву. Деревья засохли. Когда? Почему? Может быть, с горя?

Дети семьи Ульяновых часто отправлялись в этот лес на прогулку. Волóдя бегал к страшному ключу за водой и не испытывал страха. А сейчас хотя и не так уж страшно, но всё-таки...

А впередí на десятки вёрст³ густой кустарник, лесá, овраги и темнотá.

¹ Жизнь... ни в грош — выражение означает: жизнь человека не дорога.

² Л о ж б и н а — узкий неглубокий овраг.

³ В е р с т á — русская мера длины, немного больше километра.

Было бы не так неприятно и не так страшно, если бы не эта тишина: будто всё вымерло и никому нет до тебя дела.

Вперед, за кустами, он уви́дел большо́е тёмное пятно́. На нём поблёскивала кака́я-то то́чка. От пятна́ отделилось друго́е. Подво́да... и челове́к рядом! Во́дя вздохну́л облегче́нно. Он уже́ слы́шал, как фы́ркала ло́шадь. Но что это поблёскивает? Во́дя уви́дел колесо́, лежа́вшее на теле́ге, дегтя́рницу¹, висе́вшую сза́ди... Ага́! Это она́ блести́т. Ста́ло ви́дно, что челове́к поправля́ет жердь, прила́женную вме́сто задне́го пра́вого колеса́.

— Эй, ми́лый! — крикну́л он Во́де.

Во́дя подбежа́л к теле́ге.

— Подсоби́², родно́й... — попроси́л челове́к и, вдруг рассмотре́в Во́дю, удиви́лся. — Улья́нова сын?! Влади́мир, что ль?

— Влади́мир...

Во́дя не знал, кто и́менно говори́т с ним. Мужи́к был не из коку́шкинских, наве́рное, из како́й-нибудь сосе́дней дере́вни. Мо́жет, будь немно́го светле́е, Во́дя и узна́л бы его́.

— А я не узнаю вас, — призна́лся Во́дя. — Не зна́ю, как звать.

— Да я тебя́ ещё вот тако́го по́мню. — Мужи́к нагну́лся и поднёс ладо́нь с то́лстыми загрубе́вшими па́льцами чуть не к са́мой земле́. — Матве́ем меня́

¹ Дегтя́рница — посу́да с дёгтем.

² Подсоби́ть (разгово́рное) — помо́чь.

зову́т. Твой дед, ца́рствие е́му́ небесное, от болéзни животá спасáл... И не раз...

— Тепе́рь я уж не забúду. Что у вас случи́лось?

— Телéга дрéвняя... Не вынесла, когдá с гóрки съезжа́л... Вот и бьюсь. Подойди́, Влади́мир! Я телéгу приподниму́, а ты, сыно́к, э́ту жерди́ну поста́вь на ме́сто... Суме́ешь? Да́й-ка ру́ку.

Матве́й, борода́тый могу́чий челове́к лет сорока́ пяти́, взял Воло́дину ру́ку в свою́ и сýнул её под телéгу.

— Вот ко́нec жерди́ны. Чу́ешь? — спроси́л мужи́к, помога́я Воло́де ошúпать жердь.

— Чу́ю... — с удово́льствием повто́ри́л Воло́дя ёмко́е коро́ткое сло́во. — Чу́ю.

— Вот тут верёвкой я её прихвати́л, как мог кре́пче... Чу́ешь?

— Чу́ю, чу́ю, Матве́й!

— Жерди́на не оторве́тся. Но в сто́рону свихну́ться мо́жет, е́сли ко́нec не за́править вот сюда́. — И Матве́й показа́л Воло́де, куда́ и́менно ну́жно за́прáвить ко́нec же́рди. — Чу́ешь?

— Чу́ю, Матве́й!

— Ну вот. Тепе́рь я телéгу приподниму́, а ты де́йствуй.

Матве́й поплева́л на́ руки, потёр их и, сказа́в: «Раз-два! Взя́ли!» — легко́ по́днял задóк телéги.

Воло́дя навали́лся рука́ми на ко́нec же́рди и сказа́л:

— Есть, Матве́й! Отпуска́йте!

Матвѣй отпустил и, провѣрив, всё ли так, одобрил:
— Чок в чок! Тепѣрь и закури́ть мо́жно.

Он закури́л, нѣсколько раз удáрив кресáлом о кремѣнь, пока́ не задыми́лся трут, и спроси́л:

— А ты куда́ дѣржишь путь, Влади́мир? Ночь на дворе́!

Матвѣй говори́л э́то вѣсело, одобри́тельно, ви́дно любя́ беспокóйных люде́й, кото́рые не ложáтся спать с петухáми¹.

— Гуля́ешь, что ль? Гуля́ть-то есть чего́ ра́ди: вѣчером всё друго́е, не то что днѣм. И ра́но у́тром всё друго́е. Вот и получа́ется, что как бы три ра́за жизнь живѣшь. Так куда́ же наостри́лся², Влади́мир?

— Я в ночно́е иду́, к ребя́там...

— О-о! Хорошо́, — одобрил Матвѣй. — Люби́л я ночно́е... До сих пор всё по́мню, а что бы́ло потóм, мно́гое забы́л... Ну что ж, садись, подвезу́.

— Спаси́бо, я пешко́м, — отказáлся Воло́дя.

— Да тебе́ куда́? Кокúшкинские обы́чно за э́тими овра́гами лошаде́й пасу́т... Тебе́ туда́?

— Туда́, Матвѣй. Чок в чок!

Матвѣй улыбну́лся.

— «Чок в чок». Ну, а мне крюк небольшо́й. Сверну́ и доста́влю тебя́ к ребя́там. Садись! Садись! В компáнии всегда́ веселѣ́й.

— В компáнии веселѣ́й, — подтверди́л Воло́дя, — но я пойду́ пешко́м.

¹ Ложит́ся спать с петухáми — ложит́ся спать ра́но вѣчером.

² Навостри́ться (разговóрное) — пригото́виться уйти́, убежа́ть.

— Что так? — Матвѣй в недоумѣнии развѣл рука-ми. — Одолжаться не хочешь? Так я тебя свезу за твою работу, всё равно теперь у тебя в долгу. По-ѣхали!

— Спасибо. Рад был бы освободить вас от тягот, но я должен идти — и один.

Матвѣй только и воскликнул в удивлѣнии:

— О-о!

Тогда Володя рассказal ему, как ребята отказались взять его с собой в нoчнoе и как он решил прийти туда ночью один.

Матвѣй молча потрепал мальчика тяжёлой большо́й рукой по плечу, явно одобряя его. Потом он сел на телегу и, тронув вожжи, уѣхал.

Володя снова остался один.

Справа — кусты, слева — кусты и берёзы. Вперёд — овраги и лесок. И всё это — в густой, пугающей темноте.

Володя подождal, пока вдаль постепенно затих стук колёс, пофыркивание гнедой¹, и тронулся дальше.

Ребята лежали у костра на зипунах². Неподалёку, стреноженные³, бродили кони, сонливо бряцая колокольцами.

Если посмотреть на костёр, а потом на небо, то звёзд сначала не увидишь. И вокруг костра, когда

¹ Гнедая — лошадь красновато-рыжего цвета.

² Зипун — крестьянская верхняя одежда из толстого сукна.

³ Стреноженный; стреножить — связать у лошади передние ноги с задней или только передние.

глядíшь на нéбо с землí, звёзд тóже нé было. Грíша отверну́лся от огня́ и восклицнул:

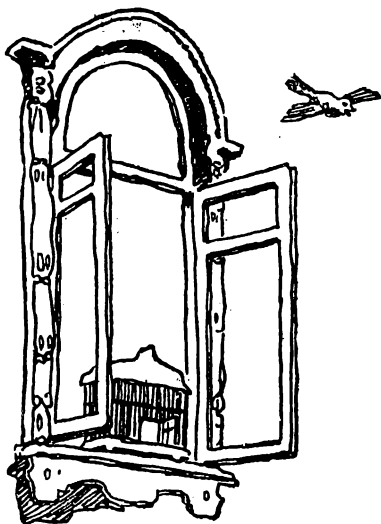
— Глянь-ка!

Он дóлго никак не мог понять, что ёто за фигу́ра направляется к ним.

— Волóдя! — наконец узна́л он с радостью. — Оди́н? Сам?

— Оди́н. Сам, — отве́тил Волóдя.

С. Анто́нов

В ГИМНАЗИИ

В гимна́зию Воло́дя поступи́л де́вяти с полови́ной лет, в пе́рвый класс. Гото́вили его́ к ней две зимы́ — снача́ла учи́тель, а пото́м учи́тельница горо́дско́го учи́лища, са́мого бли́зкого от нас...

...Учи́лся он легко́ и охо́тно. И спосо́бности у него́ бы́ли хоро́шие, да и оте́ц приуча́л его́, как и ста́рших бра́та с сестро́й, к усидчи́вости, к то́чному и внима́тельному исполне́нию за́данного. Учи́теля́ его́ гово́рили, что Воло́де о́чень помога́ет то, что он всегда́

внимательно слушает объяснение урока в классе. При своих прекрасных способностях он запоминал обыкновенно в классе новый урок, и дома ему приходилось лишь немного повторить его...

Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, навёрх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой¹ фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна — получалась обычно одна отметка — 5.

Отец говорил в те годы матери, что Володе всё слишком легко даётся и он боится, что в нём не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

Но Володя любил и посмеяться. Когда собира-

¹ Коренастый — невысокий, широкоплечий, крепко сложенный.

лись его сверстники или в семье с меньшими (Олей и Митей), он был коноводом всех игр. И каждый день слышался его смех и неистощимый запас шуток и рассказов.

Вера Васильевна Кашкадамова, учительница городской школы и близкая знакомая нашей семьи, рассказывает в своих воспоминаниях, какое веселое настроение царило у нас обычно, когда вся семья собиралась к вечернему чаю. «И всех громче, — говорит она, — звучали голоса Володи и его второй сестры, Оли. Так и раздавались их звонкие голоса и заразительный смех». Они рассказывали о разных происшествиях в гимназии, о разных проделках, шалостях. Отец был тоже не прочь поболтать с нами и, оставляя в кабинете серьезные дела, рассказывал о своих гимназических годах, о различных случаях с его товарищами, разные шутки и анекдоты из школьной жизни. «Все смеются, всем весело. И хорошо чувствуется в этой дружной семье», — пишет Кашкадамова.

Некоторые проказы Володи остались у меня в памяти. Так, приехала к нам двоюродная сестра, женщина-врач. В то время женщины-врачи были редкостью. Эта двоюродная сестра была одной из первых. Сидит она в зале и разговаривает с отцом и матерью. У двери в залу смех, шушуканье. Вбегает Володя и бойко обращается к госте:

— Анюта, я болен, — полечи меня.

— Чем же ты болен? — снисходительно спрашивает молодой врач, видя, что мальчик шалит.

— Никак не могу дóсыта наесться: скóлько ни ем, всё голоден.

— Ну, пойдí в кúхню, отрёжь ломóть ржанóго хлéба во весь каравáй, посоли покру́че и съешь.

— Я ужé пробовал, — не помогаёт.

— Ну, так повторí это лека́рство, тогда навéрно помо́жет.

Воло́де остаётся то́лько ретировáться¹.

Любил Воло́дя и му́зыку. Ма́ма показáла ему́ нача́льные упражне́ния, далá ему́ разыграть не́сколько прóстеньких дётских пёсенок и пьесок, и он стал играть о́чень бóйко и с выраже́нием. Мать жалéла по-то́му, что он забро́сил му́зыку, к кото́рой проявлял большие спосо́бности.

В старину́ был обы́чай весно́ю выпуска́ть на волю птíчек. Воло́дя любил э́тот обы́чай и просил у ма́тери де́нег, что́бы купíть птíчку, а по́том вы́пустить её.

Любил ма́ленький Воло́дя лови́ть птíчек, ста́вил с това́рищами на них лову́шки. В кле́тке у него́ был ка́кто, по́мню, реполо́в. Не зна́ю, поймáл он его́, купíл и́ли кто́-нибудь подарíл ему́, по́мню то́лько, что жил реполо́в недóлго, стал скучен, нахо́хлился и у́мер. Не зна́ю уж, отчего́ э́то случíлось: был ли Воло́дя винова́т в том, что забывáл корми́ть птíчку, и́ли нет.

По́мню то́лько, что кто́-то упрека́л его́ в э́том, и по́мню серьёзное, сосредото́ченное выраже́ние, с кото́рым он погляде́л на ме́ртваго реполо́ва, а по́том

¹ Ретировáться — отступить, уйти́, скрýться.

сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать».

И больше он действительно не держал их.

Бегал он и рыбу ловить удочками на Свиягу (речка в Симбирске), и один его товарищ рассказывает о следующем случае. Предложил им кто-то из ребят ловить рыбу в большой, наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водою, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло, — рассказывает этот товарищ, — если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволяли нам бегать и на Свиягу».

Но, занимаясь в детстве ловлею рыб и птичек, Володя не пристрастился¹ ни к тому, ни к другому и в старших классах гимназии не рыбачил и не ставил ловушек на птиц. И на лодке с Сашей, когда тот приезжал на лето из университета, он обычно не ездил, а ездил младший брат Митя, который очень любил сопровождать Сашу в его разъездах по Свияге, в поисках разных червей и всяких водяных жителей. Саша занимался естественными науками, ещё будучи гимназистом, а в университете поступил на естественный факультет и в летнее время занимался исследованиями, готовил материал для своих сочинений.

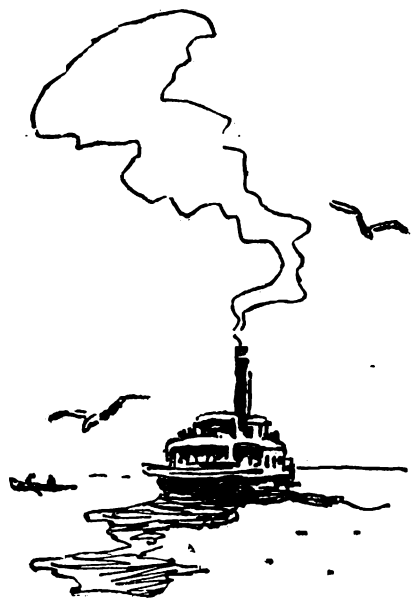
Володя же не любил естественных наук. В гимназии он интересовался латинским языком, чтением

¹ Пристраститься — сильно увлечься каким-то занятием.

класіков, історыяй, геаграфіяй, любіў пісаць сочиненія і пісаў іх вельмі добра.

Он не абмежавалася ўчэбнікамі і расказаў учыцеля, каб напісаць сочиненне, а браў кнігі з бібліятэкі, і сочиненія яго атрымаліся абстайтальныя, тема была вельмі добра разрабтана і изложена хоршым літэратурным языком. Директор гимназіі, преподававший в старшем классе словесность, вельмі любіў Володю, хваліў пастаянна яго работы і ставіў яму лухшыя отметки.

А. И. Ульянова

Треби вперед!

В жаркие дни купец любил почаёвничать¹ прямо на пристани, в холодке, поглядывая вокруг хозяйским глазом. Здесь у него было местечко под навесом, стоял столик, уютно пытел самовар, сиял белобóкий чайник, а в нескольких шагах степенно, не торопясь, текла Вólга, поблёскивая солнечными чешуйками.

¹ Почаёвничать; чаёвничать — пить чай.

И сегодня, как водится, пребывал он в своём излюбленном уголке. Мальчишка поставил перед ним начищенный до яростного блеска самовар, пристань чуть покачивалась, пароходик с косою трубой пускал пар у причала, на барже хлопотали босые матросы, и медленно подходили к пристани пассажиры, разолёвшие от жары.

— Слышь, хозяин? — Матрос с закатанными штанами остановился возле стола. — Сейчас иду мимо лодок, а там один подряжается¹, чтоб перевезли. «Я спешу, говорит, мне некогда дожидаться баржи!» Те мнутя, а он им своё: «Дёскать, не имеет такого права запрещать перевоз... Река, мол, не принадлежащая...»

Не оборачиваясь, купец лениво спросил:

— Всё?.. Ступай куда шёл!

Ниже по берегу, там, где стояли лодки, какой-то молодой человек, в лёгкой рубашке с раскрытым воротом, настойчиво говорил седоусому волгарю с глубокими, точно высеченными морщинами:

— Да поймите вы, что никто не может запрещать вам перевозить людей! Не существует такого закона... даже у нас! — добавил он, и смешливые искорки мелькнули у него в глазах.

— Нам тут, господин, не разобратся, — ответил седоусый, — он есть арендатель², денежки кладёт горю в карман — вот и весь закон!

¹ Подряжаться (разговорное) — договариваться.

² Правильно: арендатор — человек, который получает право владеть чём-то за определённую плату.

Молодой человек нетерпеливо сдвинул брови:

— То; что он арендует перевоз, это его дело, но запрещать перевозить другим — я повторяю — он не имеет ни малейшего права! У вас есть все основания подать на него в суд!

Седоусый плюнул на истлевшую сигарку, но не бросил окурок в воду (надо уважать Волгу-матушку), а затоптал в песок.

— У него мощная тугая¹, он купит и судью! У него все свои... С сильным не борись, с богатым не судись! Слыхал, барин?

— Невѣрно! — упрямо ответил молодой человек. — Он вас просто запугал. Самоуправство здесь налицо, не нуждается в доказательстве! Если вы подадите в суд, его вынуждены будут наказать!

Махнув рукой, седоусый ничего не ответил. Второй лодочник, в обтрѣпанном картузе², стоял, переминаясь с ног на ногу и как-то нерешительно поглядывая на пристань.

— Поѣдем? — спросил у него молодой человек.

— Да ведь всё равно воротит, дело известное! — неуверенно произнёс лодочник.

— А вот и поѣдем! Пусть попробует!

Не дожидаясь ответа, молодой человек сильно толкнул лодку, вскочил в неё и, ловко балансируя³,

¹ Мощная тугая — так говорят о людях, у которых много денег; мощная (устар.) — мешок для хранения денег.

² Картуз — головной убор с козырьком.

³ Балансировать — сохранять равновесие.

В. Прагер. Лѣнин в юности.

добрался до кормы. Лодочник прошёл несколько шагов по воде, покачивая головой, точно удивляясь, что дал себя уговорить, и тоже полёз через борт.

Заскрипели уключины¹, мягко заплескалась под вёслами вода. Пассажир задумчиво смотрел перед собой. Этот вольный простор исполинской² реки, эти необозримые дали он видел с первых своих шагов по земле, но никогда не насытится глаз любоваться³ ими. Лодка двигалась быстро, они уже порядочно отъехали от берега, а та сторона казалась всё такой же далёкой. Вдруг лодочник с силой стукнул вёслами.

— Переехали! Всё! — злобно выкрикнул он. — Да вы не туда смотрите! На пристань глядите!

С лодки хорошо было видно, как к самому краю пристани подошёл бородатый мужчина в длинной рубахе, выпущенной из-под пиджака, и сложил руки трубой.

— Эге-ге-ге-э-эй! — донеслось до них. — По-во-рр-ачи-вай обр-р-атно!

— Это что, он сам упражняется? — сощурился, спросил молодой человек.

— А кто же? Самолічно!.. Во как орёт, на всю Болгу! Хозяин! — Лодочник криво усмехнулся. — Спросить, какая мы помеха ему?! Весь народ к нему

¹ У к л ю ч и н а — приспособление на борту лодки, куда вкладывается весло для упора.

² И с п о л и н с к и й — громадный, гигантский.

³ То есть: никогда не надоест любоваться.

валит, а всё одно не даёт заработать копёйку... И всегда он правый. Большую силу забрал...

Фигура на пристани замахала руками, точно сигнализируя:

— Э-эй... Оглох, что ли-и... Гребёй наза-а-д!

— Гребёй вперёд! — коротко бросил молодой человек. Глаза у него сузились, потемнели. — Эх, нет второй пары весел!

— Без пользы это! — уныло сказал лодочник. — Сейчас, глядите, начнёт даровое представление... А народу что собралось, а? Бегут со всех сторон!

— Пусть! Гребёй вперёд!

Невольно подчиняясь этому уверенному голосу, лодочник продолжал грести. Они уже миновали середину реки, когда над трубой пароходика точно вспыхнуло облачко. Послышался сильный, петушиный вскрик гудка, с баржи поймали отцепленный конец, и пароходик бойко побежал по воде, оставляя за собой как будто неподвижные складочки волн. На борту его стояли матросы с грозно поднятыми баграми — готовился настоящий абордаж¹. Какой-то мужчина, тоже босой, с подвёрнутыми штанами, но в морской фуражке с белым чехлом — очевидно, капитан, — командовал хриплым, пропитым басом:

— Пр-р-ава руля! Полный х-х-од!

Когда до винтовников погони осталось не более двух сажёней², капитан прохрипел:

¹ Абордаж — атака судна в морском сражении.

² Саженё — старая русская мера длины; морская сажень равна 1,83 метра.

— З-з-адний х-х-од! Стоп-п!

Машина глухо стукнула несколько раз и застыла¹. Пароходик причалил к лодке почти вплотную. Несколько багров сразу вцепились в её борт.

— Запрещается тут перевоз! — веско сказал капитан. — Прошу подняться на палубу.

— Не имёте права задерживать, — быстро ответил молодой человек, — будете привлечены к ответственности!

— Это до нас некасается! Наше дело телячье! Как нам хозяин приказал, так мы и поступаем! Желаете на тот берег — пожалуйте сюда! Дальше лодку не допустим!..

Молодой человек подал лодочнику деньги, взобрался на палубу и тотчас же, достав из кармана записную книжку, потребовал сообщить ему фамилии команды.

— Это мы можем! — равнодушно ответил капитан. — Пишите, если желаете!

Когда пассажира доставили на пристань, к нему собственной персоной подошёл хозяин и сказал со снисходительной улыбкой:

— И к чему вы себе делаете усилие, господин? Соберётся публика в должном числе и перевезём вас законным манером...² А пока не желаете ли откупиться со мной чайку? С мёдом, с бубликами...

Пассажир точно не слышал приглашения:

¹ Застыть — остановиться.

² Законным манером — то есть так, как заведено, как всегда здесь делается.

— А кто установил этот, как вы выражаетесь, законный манёр?!

— Я-с!¹ — Купец всё так же улыбался. — Я плачу за аренду и не могу позволять! Посему не допускаю!.. Так не желаете чайку?.. Как угодно-с!

А люди всё шли и шли к пристани, — с котомками, мешками, узлами. Подъехало несколько гружёных подвод. Наконец матросы положили с баржи широкие сходы, началась посадка, погрузка. Пароходик свистнул, затарахтел, но тут с высокого берега слышались крики. Опоздавшие бежали рысью, махая руками, подымая тучи ржавой пыли. Капитан подождал их — не терять же хозяину пассажиров.

— Отчали-ва-ай! — раздалась хриплая команда.

Пароходик натянул скрипучий канат и потащил барку на тот берег.

Купец вернулся к себе на балкончик. Услужавший мальчишка принёс в противне раскалённых углей, подсыпал в самовар. К столу подсёл знакомый чиновник. Он тоже видел погоню за лодкой и теперь обсуждал с хозяином происшествие.

— Норовистый! — говорил купец, дую в блюдечко. — Из молодых, да ранний...

— Нынче таких много развелось! — Чиновник деликатно прихлёбывал с ложечки. — А только к чему это! Так, сотрясение воздуха!.. Вот катится волнишка по воде, тоже хочет подняться выше, а ткнется в пристань — и аминь. Тут ей и окончание!..

¹ Я-с! — частица «с» образовалась от слова «сударь»; придаёт речи оттенок вежливости, подобострастия или шутовства, раздражения.

Позабыв вскорѣ и о лодкѣ и о пассажирѣ, они занялись городскими новостями и сплетнями, и ни один из них никогда бы не повѣрил, что придет время, когда весь город заговорит об этой исторіи.

Началась она с того, что купцу дали знать по добродушему знакомству, что на него идет из Самары жалоба по обвинению в самоуправстве. Сразу купец не понял, о чем тут речь. Многие дела доводилось делать, из многих выкручиваться, но такого еще не бывало. Ему объяснили, что именно означает эта жалоба и что подал ее некто Ульянов, помощник присяжного поверенного¹, практикующий в Самаре. В памяти всплыло молодое упрямое лицо, прищуренные глаза с пристальным взглядом. Вспомнились слова чиновника про волну. «Вишь ты! — усмехнулся купец. — Этак он меня напугает!» Ему никак не верилось, что из-за босяков лодочников может возникнуть судебное дело.

Тогда купцу яснее растолковали, что дело, конечно, небольшое, но подсудное и как раз подходит под статью о самоуправстве, по каковой предусмотрен мѣсяц тюрьмы без замены штрафом. Чтобы не имѣть излишнего беспокойства, тут же порекомендовали ему и адвоката.

Адвокат — по всему видно — был опытный, седой волчьей масти, ходил в потертом фраке², нюхал табак. И он тоже дал своему клиенту разъясне-

¹ Присяжный поверенный (дореволюц.) — то же, что адвокат: человек, занимающийся ведением судебных дел.

² Фрак — мужская одежда (вроде пиджака), с вырезанными спереди плечами и длинными узкими фалдами сзади.

ние, что дело небольшое, но кляузное¹, поскольку имеется бесспорное самоуправство и суду трудно будет изворачиваться, но тут же добавил, что страшен, мол, сон, да милостив бог.

Получив аванс², он в положенное время выехал на разбирательство. Дело о самоуправстве загна́ли далеко, в уезд, откуда происходил ответчик. Когда адвокат явился к земскому начальнику, то уже застал обвинителя на месте и любезно с ним поздоровался:

— Из Самáры изво́лили прибýть, колле́га? Далеко́нько! Я дýмаю, что не мéнее ста вёрст... да ещё по нашим российским доро́гам!

Приезжий коротко ответил, что расстояние действительно не маленькое, но разговора не поддержал. Вскоре их позвали в камеру земского начальника. Представительный мужчина с благородными подтёками под глазами, зачитав жалобу, сразу предложил сторонам пойти на мировую³, ибо дело это нестоящее, мелко-житейское и вполне может быть улажено полюбовно. Приезжий решительно ответил, что и сегодня и в дальнейшем он категорически отказывается от мировой и требует суда по существующему закону. Через некоторое время земский начальник объявил своё решение: дело слушанием отложить ввиду неясности некоторых обстоятельств.

Вернувшись в город, адвокат изложил своему подзащитному всё виденное и слышанное. Купец был

¹ Кляузное — здесь: подлежащее судебному наказанию.

² Аванс — часть платы; выдаваемая вперёд, в счёт будущего расчёта.

³ Пойти на мировую — помириться и прекратить дело.

задумчив, теребил бороду, несколько раз принимался выпрашивать:

— Нет, ты мне скажи, для ради чего он старается?! Не пойму, разрази меня гром! Я тебе плачу денежки, ты хлопочешь, а задаром ты бы и пальцем не шевельнул. Что, не так? А ведь он ещё и свой прикладывает, время теряет, ездит... Это что?!

— Молодо-зелено! — ответил адвокат, пожимая плечами. — Амбиция¹, и всё такое. Но тут нашла коса на камень! Научит его земский! Нескоро он теперь достанет дельце из-под сукна.

Адвокат знал, что говорит.

Уже осень была на исходе, Волга дышала стужей, заходившие берега казались остриженными под нулёвку², когда в ненастнейший день стороны получили вызов.

На этот раз купец беспокоился, томился, ожидая адвоката.

— Отложил вторично земский! — приветствовал его на другой день адвокат, хихикая и потирая руки. — Земский дело знает. Нашёл причину! Но уж нестерпим сей юноша, доложу вам, — в голосе адвоката слышалось даже что-то похожее на восхищение, — явился весь вымокший, забрызганный, нету сухого местечка... Как нынче добираться от Самары — сами знаете. Всемирный потоп!.. А он будто и не замечает ничего. Предлагали опять мировую —

¹ Амбиция — здесь: самолюбие, чувство чести.

² Остричь под нулёвку — остричь наголо.

ни за что!.. Ну, да ничего, поедит к зёмскому — оботрётся... Измóром возьмём... Отстанет!

Купец молчал. Было у него такое ощущение, будто он шёл по ровному месту и вдруг ударился лбом обо что-то невидимое им, но кремнёво-твёрдое...

А время не останавливалось.

Волгу уже давно сковало льдом. Казалось, что по этой огромной белой равнине никогда не ездили на лодках и не было никакого перевоза, и сама пристань была теперь похожа на сказочный ледяной дом.

За несколько дней до Нового года помощнику присяжного поверенного Ульянову Владимиру Ильичу доставили повестку от зёмского начальника. Дома всем было известно о его тяжбе с купцом. Глядя на сына, который играл сейчас в шахматы со своим гостем, мать с тревогой думала о том, что ему опять предстоит бессонная ночь, опять надо тащиться невесть куда, в поезде, на лошадах, пешком. Она знала, что никаким уговорам он не поддаётся, но всё же не могла смолчать:

— Бросил бы ты этого купца, Володя! Напрасно проездишь, только измучаешься.

— Придётся ехать, мама, — мягко ответил сын, поднимая голову от шахматной доски, — надо довести дело до конца! Такого случая нельзя упустить! Сколько они ни откладывают, а приговор вынести придётся! О нём узнают сотни людей, весь город — очень полезный урок!.. Тактика¹ зёмского ясна — за-

¹ Тактика — здесь: поведение, политика.

тягивать, откладывая, потому что другого хода нет... Вот как у вас, — улыбнулся он своему партнёру и громко возгласил: — Мат... Но меня они этой тактикой не собьют... Вот только поезд идёт ни свет ни заря... придётся вставать ночью...

*

Была весна. Ослабевшие, истаявшие льдины медленно плыли по вздувшейся воде, с тихим шуршанием задевая одна другую, всё шире становились разводья. Мокрые поля слегка дымились, в каждой луже валялись червонные слитки солнца. Навигация¹ ещё не началась, пароходы ещё только прочищали глотки, перекликаясь простуженными гудками, на затоках и пристанях скалывали лёд, а перевоз уже работал.

Целая флотилия перевозила людей на тот берег. Были тут и грузные рыбацьи посудины, и солидные ялики, и юркие лодчонки.

И как только затевался где-нибудь разговор, — сразу поминали купца, владельца пристани, сидевшего ныне в арестном доме.

Лодочник в обтрепанном картузе чувствовал себя гербом. Он уже в сотый раз, наверное, рассказывал, как вёз пассажира, который «засудил такого купчину», и понемногу добавлял всё новые краски:

— Наш, волжский! Сразу видать с обличия! Выюноша, но богатырь, голос зычный. Как отрезал

¹ Навигация — период времени, когда возможно судоходство.

мне: «Гребі вперед!» — так у меня сами заходили вёслы!

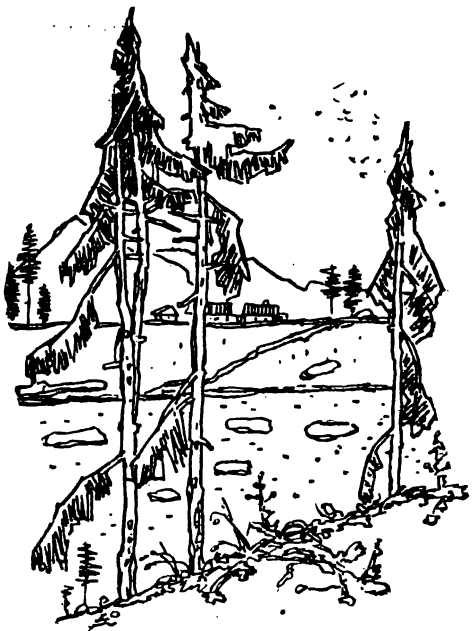
— Вот обожди, купцу-то сидеть недолго! Выйдет, покажет вам: свет станет в копеечку!¹

Лодочник торжествующе засмеялся:

— Нет, подавился купец чаем! Больше в тюрьму не захочет! А если что-нибудь удумает, то мы ему... — Лодочник втянул в себя побольше воздуха и прохрипел: — З-а-а-дний х-х-од! Стоп-п!

¹ Свет станет в копеечку — здесь: будет очень плохо.

Леонид Радіщев

Ма́й

За шу́шенскими изба́ми ещё лежа́л снег. А по реке́ уже́ плы́ли больш́ие се́рые льди́ны — с шу́мом и ро́котом встреча́лись одна́ с друго́й, раска́львались на куски́. Весна́...

Наступи́ло 1 ма́я 1899 го́да. Ра́зве мо́жно бы́ло не отпра́здновать э́тот день, да́же в са́мом глухо́м углу́ Сиби́ри, куда́ ссыла́ли революционе́ров ца́рские вла́сти!

Утром к Влади́миру Ильичу́ пришёл ссы́льный, кото́рого в Шу́шенском все зва́ли ша́почником. Это был со́сланный в Сиби́рь рабо́чий по́льской фа́брики, где де́лались шля́пы и ша́пки. Потому́ его́ так и прозва́ли.

Он наряди́лся в тот день по-пра́здничному: наде́л но́вый пиджа́к, бе́лый воротничо́к. И лицо́ у него́ то́же бы́ло пра́здничное, весе́лое.

— Пора́ собира́ться! — кри́кнул он ещё́ с поро́га.

Собира́ться бы́ло недолго́. Через мину́ту Влади́мир Ильи́ч, Наде́жда Константи́новна и их гость ша́почник уже́ шли по у́лице. А впереди́ бежа́ла соба́ка Влади́мира Ильи́ча — зва́ли её Же́нькой. Это была́ хоро́шая, весе́лая соба́ка.

Влади́мир Ильи́ч обуча́ил её вся́ким соба́чьим нау́кам: она́ уме́ла носить поно́ску, зна́ла, как вести́ себя́ на охо́те, и не боя́лась ни ледяно́й воды́, ни колю́чих кусто́в. Тепе́рь она́ скака́ла впереди́, пра́мо-таки одуре́в от ра́дости, от весе́нного со́лнца, от лесных за́пахов, кото́рые приноси́л с собо́й ве́тер. И все смея́лись, глядя́ на её забавные прыжки́.

Так, смея́сь и разгова́ривая, пришл́и к изб́е, где жил ещё́ оди́н ссы́льный — молодо́й пути́ловский рабо́чий.

Пути́ловец о́чень обра́довался гостя́м и хоте́л бы́ло усади́ть их, но э́то оказа́лось де́лом нелёгким: в кро́шечной ко́мнатке был то́лько оди́н стул. Тогда́ пути́ловец принёс от хозя́ев дли́нную скамью́; на ней всем хвата́ло бы ме́ста, е́сли усе́сться в ряд.

Но се́годня сиде́ть в изб́е не хоте́лось: за окно́м

светило солнце, тёплый ветер гулял по улицам, шумели на реке льдины.

— В поле! — сказал Владимир Ильич. — Будем там праздновать.

Идти в поле надо было берегом реки Шушь. Женька смело кинулась в реку — погналась за льдинами.

А шушенские собаки, увидав это, стали на неё лаять. Сами они ледяной воды боялись.

Прилетела из лесу сойка, очень нарядная в своих чёрных и белых перьях, с любопытством поглядела одним глазом на Женьку, протрещала что-то на своём сойчьем языке и улетела.

С берега все поднялись на пригорок. Тут было совсем сухо. Солнце не только высушило рыжую прошлогоднюю траву, но и хорошо нагрело землю. И на одной стороне пригорка, там, где каждый день дольше светило солнце, уже пробивались кверху новые травинки, острые и тоненькие, похожие на зелёные игёлки.

Пригорок всем понравился. Каждый стал выбирать себе местечко получше, где бы сесть.

Владимир Ильич сейчас же предложил:

— Ну что ж, давайте песню!

И первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Революционные песни Ленин всегда пел с большим увлечением.

И ёсли ему́ при ётом казало́сь, что дру́гие подтя́-
гивают пло́хо, то он да́же хму́рился, начина́л нетер-
пели́во прито́пывать ного́й и сердито́ погля́дывал на
тех, кто пел не так, как на́до.

Но на ётот раз он оста́лся дово́лен: все пёли с та-
ким же увлече́нием, как и он.

По́сле изве́стных революцио́нных пёсен пришёл
черёд задорной пёсенке: «День настáл весёлый ма́я,
песнь разда́йся удала́я».

А когда́ уже́ конча́ли припе́в, увидáли: бегу́т к
приго́рку со стороны́ Шу́шенского дво́е ребя́тишек.
Это бы́ли сыновья́ ша́почника. Они́ ещё́ издали кри-
ча́ли:

— Гоп-га́! Гоп-га́!

Вме́сте с ними́ прискака́ла и Же́нька, совсе́м мо́к-
рая, прямо́ из реки́. Она́ отряхну́лась, побрызгала́ на
всех холо́дной водо́й и, так как ёто нико́му не понра́-
вилось, усéлась виновáто в сторо́нке.

— Вме́сте ра́зом! гоп-га́! гоп-га́! — попроси́ли ре-
бя́та.

В уго́ду им все запёли ещё́ раз:

...Полице́йские до по́ту
Пра́вят по́длюю рабо́ту,
Нас хотя́т изловить,
За решётку поса́дить.

Мы плюём на ёто де́ло,
Ма́й отпра́зднуем мы сме́ло.
Вме́сте ра́зом:
Гоп-га́! Гоп-га́!

Вот это «Вместе разом: гоп-га! гоп-га» и нравились ребятам больше всего. Припев этот выходил хором очень дружно. Чем больше людей, тем лучше получалось.

Спели песенку сначала по-русски, потом по-польски, потом опять по-русски.

Когда пропели все песни, шапочник вынул из кармана большой платок и объявил:

— Начинается цирковое отделение!

Он разостлал платок на земле и стал на голову. Это называлось «поставить свечку».

Ребята, хотя и видели это представление не в первый раз, завопили от восторга.

А Женька прыгала вокруг и лаяла.

Путиловец сперва смеялся, как и все, а потом вдруг спросил Лёнина серьёзно:

— Владимир Ильич, а когда же мы будем праздновать Первое мая в свободной России?

— Скоро! — уверенно ответил Владимир Ильич и задумался, глядя вдаль.

А вдаль виднелись высокие Саянские горы. Только в ясный день и можно было разглядеть их из Шүшенского. Они казались лёгкими, голубыми — чуть темнее неба.

Закончили встречу Первого мая на квартире у Лёнина.

Здесь опять составили хор; он получился сильней: голосов стало больше. К поющим присоединились мать Надежды Константиновны и одна шүшенская девушка, по имени Паша.

Вспомнили погибших товарищей и в их память запели любимую песню Владимира Ильича:

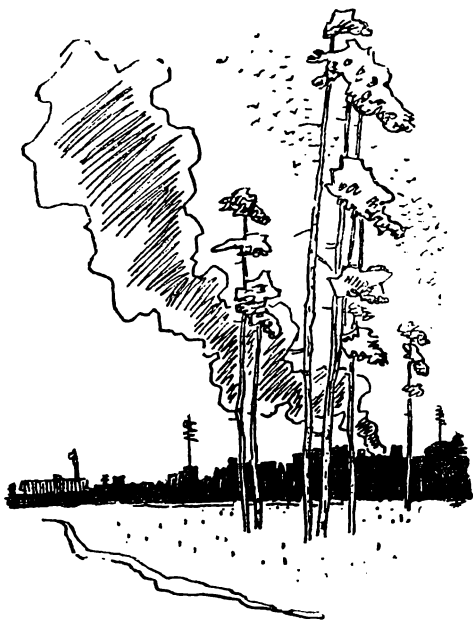
Замучен тяжёлой неволей...

И долго ещё раздавались в тесной деревенской избе революционные песни.

А когда гости разошлись по домам, Владимир Ильич никак не мог уснуть.

Взволнованный, он всё ходил из угла в угол по комнате и до утра говорил с Надеждой Константиновной о том, каким прекрасным будет праздник Первого мая в свободной России.

А. Кононов

Ленинская бумага

Лесов в Сибири много. Есть там такие леса, что идёшь день, идёшь два, а конца-краю не видно.

И у сибирских крестьян ещё с давних времён заведён был такой порядок: когда земли для посева не хватало, они вырубали участок леса, раскладывали там весной большие костры, выжигали огнём старую траву, пни, сучья. А потом распахивали этот участок. Получалось поле, и на этом поле сеяли хлеб.

Так дѣлали и шүшенские крестьяне. И вот один раз произошёл такой слүчай: принялись крестьяне на своихъ участкахъ жечь прошлогóдную траву и сухой хвóрост, а огóнь разгорѣлся и перекинулся в казѣнный лес. И в ѣтом казѣнном лесу сгорѣло много сóсен.

Приѣхал лесной объѣздчик — он казѣнный лес караулил — и стал разузнавать, кто виноват. Но ничего не узнал и уѣхал.

Через нѣкоторое время прослышали в Шүшенском: донѣс объѣздчик начальству, что лес загорѣлся бѣдто бы по винѣ одного шүшенского крестьянина, Дмїтрія Данїловича.

Вїдно, не хотѣлось объѣздчику признаться, что он ничего не знает, вот и указал он на кого попало.

Крестьянин ѣтот жил недалекó от той избы, где поселился Лѣнин.

Вот идѣт однажды Дмїтрїй Данїлович по улице невесѣлый. А навстрѣчу ему — Лѣнин.

— Что невѣсел, Дмїтрїй Данїлович?

— Да что ж... гóре одно, Владїмир Ильич.

И рассказал он Лѣнину про своё гóре: рѣшило начальство взыскать с него все убытки от лесного пожара. А ѣто значит, что и он и дѣти его нїщими станут.

Выслушал его Владїмир Ильич и говорит:

— Без судá рѣшать ѣто дѣло не имѣют права. Я тебе, Дмїтрїй Данїлович, бумагу такую напишу, а ты её в гóрод свезѣшь, глáвному лесничему.

— А ну-кось он у меня не возьмѣт бумагу-то?

— На стол ему положи.

— А он её со стола скинет.

Владимир Ильич поглядёл на Данилыча, головой покачал:

— Всё равно дела этого оставлять нельзя. Скинет начальник бумагу — ты её подыми.

— Да он меня вон выгонит.

И ведь верно: мог выгнать вон. Знал про это и Владимир Ильич.

— Тогда ты опусти бумагу в почтовый ящик. Дойдёт бумага к начальству по почте — ему трудней будет от неё отказаться.

На том и порешили. Владимир Ильич написал нужную бумагу, и Дмитрий Данилович уехал с ней в город.

Вернулся Дмитрий Данилович из города — и опять что-то невеселый.

Позвал его Ленин к себе в избу:

— Ну, как дела?

— Да что ж дела... горе одно, Владимир Ильич.

Говорит, а сам на Ленина и не глядит. Видит Владимир Ильич — что-то неладно.

— А бумага где? Возил ты её в город?

Закашлялся Данилыч, в карман зачём-то полёз. Да ничего не подделаешь, на прямой вопрос надо ответ давать.

Покраснел он.

— Да нет... жена её куда-то сунула.

Уж потом Данилыч рассказывал: рассердился Ленин.

Рассердился, вскочил, по комнате заходил. Но не

стал бранить Дмитрия Даниловича. Видел Ленин: побоялся крестьянин начальства, побоялся отдать бумагу.

Помолчал Владимир Ильич. А потом говорит:

— Дмитрий Данилович! Надо учиться защищать себя. Ты зайдёшь ко мне завтра утром.

Заходит тот поутру, а у Ленина новая бумага написана. Дал он её подписать Данилычу. И отправил в город её на этот раз сам.

Прошёл после этого год, потом другой. Видят крестьяне: не трогает начальство Дмитрия Даниловича, не разоряет его хозяйство.

Уж и Ленин уехал из Шушенского, а крестьяне всё вспоминали про тот случай с лесным пожаром:

— Помогла ленинская бумага.

А. Кóнонов

Кольца дружбы

Наступил май. Чёрные пашни вокруг села Шущенского покрылись нежной зеленью. Редкий, наполовину вырубленный лесок прихорошился. Дороги высохли.

Оскар сидел на завалинке и угрюмо наблюдал, как быстро мелькают спицы в руках старой хозяйки.

— Что, недужится¹, сыно́к? — спросила женщина.

¹ Не дужится (разговорное) — нездоровится.

Оскар́ ничего́ не отве́тил. Да и что бы́ло отве́чать? Он сам не зна́ет, что́ с ним. Неда́вно Влади́мир Ильи́ч це́лый час расспра́шивал его́: где бо́лит, как бо́лит? Оскар́ то́лком объясни́ть не мог. Пропа́ли си́лы — и всё, и э́то в два́дцать два го́да! С рука́ми беда́, меша́ют. Ля́жет спать — рука́ под бо́ком как ка́мень, иде́т — ру́ки по сторо́нам болта́ются, сядет — не зна́ет, куда́ их деть.

— Больша́я помеха́ для челове́ка ру́ки, — жа́ловался Оскар́.

А Влади́мир Ильи́ч смеётся:

— Вы́лечим вас, Оскар́ Алекса́ндрович, непременно́ вы́лечим.

Удиви́тельный он челове́к, Влади́мир Ильи́ч. Всегда́ ве́сел, и ссы́лка ему́ нипочём. Рабо́тает мно́го, пи́шет, а успева́ет и на охо́ту сходи́ть, и какие́-то мудре́ные ша́хматные зада́чи решáть. Вече́рами Оска́ра просвещáет: чита́ют вме́сте политиче́ские кни́ги.

Ми́мо пробежа́л сосе́дский парни́шка Лёнька с холщóвой шко́льной сума́жкой чере́з плечó. Взметну́л босы́ми нога́ми о́блако пы́ли.

Был Оскар́ чуть побóльше Лёньки, когдá оте́ц — фи́нский рабо́чий — повёл его́ отдава́ть в лю́ди¹. Останóвились на Не́вском у витри́ны. За зерка́льным стекло́м на лило́вом ба́рхате бы́ли рассы́паны не-сме́тные сокрови́ща: то́нкие золоты́е цепóчки с подвёсками, тяжёлые бра́слеты, ко́льца и бро́шки с кро́хотными букéтами из драгоце́нных каме́й. Бы́ли по-

¹ Отдава́ть в лю́ди — отдава́ть в учёные.

хóжи эти кáмни то на кáпли мёда, то на ўтреннюю росу... «Вот и ты такие штúчки бúдешь дéлать, — сказál отéц, — я определíл тебя к золотýх дел мáстеру». Мáльчик дáже зажмúрился от рáдости. Он предстáвил себе, как бúдет сидéть на бáрхатном стúле, в бáрхатном колпакé и какíм-то необыкновенным шíльцем мастерíть эти скáзочные вéщи.

Пéрвое, с чем познакóмился Оскáр, был рíгель — длиннóщий стальнóй пáлец, на котóром прáвят кóльца. Ско́лько шíшек на головé Оскáра насажáл éтим рíгелем мáстер Тáйфер — не сосчитáть. Тáйфер никогдá не назывáл егó по ймени, окликáл презрíтельно: «Эй ты, чухнá!»

Четы́ре гóда присмáтривал Оскáр за хозяйскими детьми́, бéгал за сítным, за вóдкой, урýвками обучáлся ювели́рному ремеслú, а в шестнáдцать лет распрощáлся с хозяином и нанялся на Пути́ловский завóд.

Был ювели́ром, стал тóкарем. Был прóсто ученикóм, котóрого всякий обíдеть мог, стал смéлым революционéром. Хлípкий¹ парнíшка вýровнялся в лáдного пíтерского мастеровóго. О крéпости егó кулакóв мог рассказáть провокáтор, котóрого разоблачíли на завóде. Из-за éтого провокáтора и угодíл Оскáр в ссы́лку на три гóда.

...Оскáр поднялся с завáлилки и пошёл в избú, к себе в кóмнату. Лежáл, закíнув рúки за гóлову: не то дремáл, не то о чём-то думáл.

¹ Х л í п к и й — слáбый, некрéпкий.

Очнулся от телёжного скрипа и ребячьего гомона¹. Подошёл к окну. Напротив, у дома Зыряновых, остановилась телёга. На ней сидели две женщины в городских платьях, в шляпках. Орава² ребятёшек облепила телёгу, и Лёнька был среди них.

— Да ведь это невеста Владимира Ильича приехала! — ахнул Оскár, выбежал из избы и в три прыжка перемахнул через улицу.

— Вы — Надёжда Константиновна? Здравствуйте! — привётствовал Оскár девушку с тонкой талией, в серенькой блузке.

Девушка посмотрела на него смелыми светлосерыми глазами, и её пухлые губы дрогнули в весёлой усмешке.

— А вы, наверное, и есть болящий Оскár Александрович? Что-то не похоже! Здравствуйте! — Она протянула ему руку. — Познакомьтесь с моей мамой Елизаветой Васильевной. А почему Владимир Ильич нас не встречает? Он не болен?

— Он на охоту ушли, — разгребая пыль ногóй, доложил Лёнька.

Мальчишки хором подтвердили.

— Владимир Ильич очень вас ждал, волновался, а вот сегодня, как нарочно, уехал на охоту, — попытался Оскár смягчить огорчительную весть.

— Что же нам делать? — улыбнулась Надёжда Константиновна. — Неужели уезжать обратно?

¹ Г о м о н — крик, шум.

² О р á в а — много народу, толпа.

— Ника́к нельзя́, — решительно возразил Лёнька, — они́ к вѣчеру верну́тся.

Оскар с мальчи́шками помо́г же́нщинам перетащить ве́щи в дом и ушёл к себе́.

А вѣчером Лёнька постучал в окно́ и сказа́л, что его́ зовет Влади́мир Ильич. Оскар стал приводить себя́ в пара́дный вид.

В до́ме Зыря́новых бы́ло шумно, вѣсело. Сияющий Влади́мир Ильич помога́л Наде́жде Константи́новне расставля́ть ча́шки и упра́шивал её поскорѣе вы́дать подар́ки, а гла́вное — не тайть кни́ги.

— Ну уж нет, — отрицательно качала головой Наде́жда Константи́новна. Она́ пыта́лась вы́глядеть сердитой, но глаза́ у неё смея́лись. — За такую́ встречу подар́ки отменя́ются. Подар́ки полу́чат то́лько Лёня и Оскар Алекса́ндрович, они́ нас хорошо́ встрѣтили. — И Наде́жда Константи́новна протяну́ла Лёньке но́вую блестя́щую кни́жку с я́ркими карти́нками. — А вот лека́рство от ва́шей болѣзни, — показа́ла она́ Оска́ру на плетёную корзи́ну.

— Да, да, да! Сильнодействующие пилю́ли, — подтверди́л Влади́мир Ильич.

Оскар нерешительно подошёл к корзи́не, присел на ко́рточки и стал её распако́вывать. Развяза́л ве́рёвки, по́днял кры́шку. Ви́дит — корзи́на напо́лнена какими-то свѣртками в си́ней прома́сленной бума́ге. Разверну́л о́дин — и глаза́м не пове́рил: шпѣрак — ма́ленькая накова́льня для ювели́рных рабо́т. Разверну́л друго́й, трѣтий, четвѣртый — по́лный набор ювели́рных инструме́нтов, и на са́мом дне — ри́гель.

— А, ненавистный вам ригель! — воскликнул Владимир Ильич. — Дайте-ка взглянуть.

— Ненавистный, когда он в злой руке, — возразил Оскар и встал в величайшем смущении.

Две худенькие женщины четыре с половиной тысячи верст везли такую тяжёлую корзину. Одних пересадок сколько, а ведь где помогут, а где и самим тащить приходилось.

— Это вы виноваты, — сказал с укоризной Оскар Владимиру Ильичу, — я ведь не просил, нет, не просил, только мечту имел.

На токарном станке в деревне делать нечего было, а вот ювелирной работы у здешних богатеев было много. Оскар как-то сказал об этом Владимиру Ильичу. Сказал — и забыл. А он помнил.

— Владимир Ильич такое письмо о вашей болезни написал, что мы готовы были тащить сюда токарный станок, — сказала, смеясь, Елизавета Васильевна, но Владимир Ильич сделал ей «страшные глаза» и приложил к губам палец.

Утром Оскар прибрал комнату, как к большому празднику: вымыл пол, выскоблил стол, постелил на нём кусок чистой холстины и разложил свои сокровища.

Он уже знал, с чего начать.

Вынул из кармана пятак, посмотрел на него: двуглавый орёл. Сразу вспомнил — полицейская кокарда¹, герб Российской империи. В правой лапе орёл

¹ Кокарда — жёстяной значок на форменной фуражке.

сжимáл скипетр¹, напóмнивший Оскáру рíгель в ру-
кé мáстера Тáйфера.

Положíл пятáк на наковáльню и со злóстью хва-
тил по нему́ молоткóм. Монéта расплóщилась. Оскáр
сбил монéту в бесфóрменный комóк крáсной мéди
и зажéг паяльную лáмпу. Скóро метáлл в лúnке из
углjá расплáвился и задрожáл, как ртуть. Оскáр вы-
лил егó в фóрму, сýнул в ведрó с водóй и забыл обо
всём на свéте... Он пилíл, шлифовáл, прáвил на рíгеле
мáленькое мéдное колéчко, заблестéвшее крáс-
ным зóлотом. В пóлдень хозяйка пришлá звать Оскá-
ра обéдать, но он тóлько рукóй махнул. Нéкогда!
Теперь у него́ былá рáбота. Он глянул на свой рúки.
Жíлы на них чуть-чúть вздúлись, но рúки стáли лёг-
кие, живые и совсём не лишние. Растопырил пáльцы
и сжал их, растопырил и снóва сжал. Вёсело!

Он рáботал, напевáя какую-то фíнскую пёсенку.
К вéчеру сдéлал и вторóе кольцо. Вычертил замыс-
ловáтый орнáмент на листóчке бума́ги и оклéил им
спíчечную корóбку.

По úтренней росé побежáл на бéрег Шúши. В то
мáйское úтро там цвели лáндыши, одувáнчики, куро-
слéп. Оскáр набрáл цветóв и связáл их нítкой. Вы-
нул колéчко из корóбки, сóлнце так и сéло на нём
бриллиáнтовой кáплей. Никогдá он не вíдел кольца́
чудёсней.

Оскáр мéдленно пошёл к дóму Зыряновых. По-
тóm не вытерпел, сорвáл с головы́ картуз и побежáл.

¹ Скипетр — жезл, украшенный драгоценными камнями и резь-
бой — знак царской власти.

Ему хотѣлось поскорѣе отнесті свой подарок Влади́мира Ильичу и Наде́жде Константи́новне.

Сибі́рский ве́тер разно́сил по степи́ слова́ приду́манной Оскáром пѣсни о чі́стых озѣрах, о души́стых лесáх и о сáмом большóм сча́стье для челове́ка — имѣть хоро́ших друзѣй.

*

Эти ко́льца храня́тся в Центра́льном музе́е Влади́мира Ильича́ Ле́нина. От вре́мени ко́льца потемнѣли, но оні́ по-пре́жнему прекра́сны. Потому́ что сде́ланы по велѣ́нию се́рдца рука́ми, стоскова́вшимися по рабóте. Это дар челове́ческой любви́. Это ко́льца дру́жбы.

3. Воскресѣ́нская

Минька

Солнце встало румяное, морозное. Оно осветило заснеженные вершины Саян, бескрайнюю тайгу с вечнозелеными елями, вековыми кедрами, пихтами и лиственницами, необъятные степные просторы Сибири. Луч солнца пришёл и в большое село Шушенское. Заглянул в необычный для здешних мест дом с высокими окнами. Смотрит, а там уж гость появился.

Хло́пнув, как всегда́, двéрю, гость вéсело, с задо́ром сказа́л:

— А вот и я!

Гость ма́хонький, нахо́хленный и похо́ж на весéнего воробья́-забияку. Это Ми́нька, юный друг Влади́мира Ильича́ Ле́нина, сыни́шка сосéда, поселе́нца.

На ма́ленькой, ху́денькой фигу́рке ма́льчика — я́ркая стёганая ко́фта ма́тери, бара́шковая отцо́вская ша́пка и огро́мные ва́ляные сапоги́. То́нкая, вы́тянутая, сло́вно у гусёнка, ше́я ма́льчика замо́тана ша́рфом. Дли́нные концы́ ша́рфа скресты́лись на груди́ пове́рх ко́фты и ту́го подпоя́сывают ма́льчика.

Ми́нька стои́т посре́ди ко́мнаты, у́сланной чи́стыми домотка́ными доро́жками.

Пе́рвой встрéтила гóстя охóтничья соба́ка Же́нька. Она́ вы́скочила из сосéдней ко́мнаты и, ра́достно взвизгивая и виля́я хвостóм, запры́гала вокру́г своего́ прия́теля, пыта́ясь лизну́ть его́ шерша́вым язы́ком.

Ми́нька уклоня́ется и дли́нным рукаво́м ко́фты отгоня́ет Же́ньку.

— До́брое у́тро, Ми́ня! — говори́т Наде́жда Константи́новна, за́нятая у ру́сской пе́чи пригото́вления за́втрака.

Она́ ра́да ю́ному гóстю.

Ми́нька кива́ет голово́й так, что с него́ едва́ не слéтает отцо́вская ша́пка, и выжида́юще смóтрит на боковую́ дверь, отку́да то́лько что вы́скочила Же́нька.

Он жде́т, когда́ войде́т в ко́мнату Влади́мир Ильич и спрóсит, как всегда́: «А кто там пришёл? Что за шум?»

У Мíньки изо дня в день «серьёзные дела́» к Лéнину.

Владíмир Ильи́ч за́рание знает, о чём пойдёт разговор. Он де́лает вид, что для него́ важны́ сообще́ния Мíньки. И, что́бы никто́ не меша́л, откла́дывает разговор до оконча́ния за́втрака.

По́сле за́втрака Лéнин и Мíнька ухо́дят в соседнюю ко́мнату.

Владíмир Ильи́ч сади́тся на стул у конто́рки, кото́рая заменя́ет ему́ пи́сьменный стол. Мíнька взби́рается ему́ на колéни. Нетру́дно догада́ться, что и Жéнька мо́лча слéдует за ни́ми. Она́ ложи́тся на подсти́лку в углу́ и смóтрит то на своего́ хозя́ина, то на ма́льчика.

Разговóр, по обыкнове́нию, начина́ет Владíмир Ильи́ч.

— Я к ва́шим услу́гам, су́дарь... — серьёзным то́ном говори́т он.

Мíнька тя́нется к у́ху Лéнина и так, что́бы не слы́шала в соседней ко́мнате Наде́жда Константи́новна, произно́сит:

— Пойдём гуля́ть.

— У тебя́, ока́зывается, сегóдня не то́лько серьёзный, но и секретный разговор? — смеётся Владíмир Ильи́ч.

Мíнька понима́ет шу́тку, утверди́тельно кива́ет головой и упóрно повто́ряет:

— Пойдём гуля́ть.

— Не могу́, дружо́к, у меня́ сегóдня мно́го рабо́ты.

— Хочешь, помогу, а потом пойдём?

— Спасибо, только моя работа трудная.

— Я и трудную умею делать. Спроси мамку...

А мать легка на помине. Стоит в дверях и укоризненно смотрит на сына. Она не пускает Меньку к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне, чтобы он не мешал им работать. Но разве за Менькой уследишь? Стоит ей отвернуться — он за шапку и был такъв¹. На все упреки матери Менька доказывает своё: он Владимиру Ильичу не мешает, он нужен Владимиру Ильичу. А называл Ленина Менька не иначе, как Владимиром Ильичём. Так его звали все крестьяне села Шушенского и дети, с которыми Ильич дружил, ходил на прогулки, устраивал на речке каток, катался на коньках.

Вот и на этот раз, увидев сына на колёнях Ленина, мать всплеснула руками и смущённо сказала:

— Опять ты уже здесь?.. Владимир Ильич, не приваживайте¹ его!

— Что вы! — улыбается Ленин. — У нас с ним только деловые отношения...

Мать Меньки уходит. Менька снова повторяет:

— Пойдём гулять. Хотя малость, вот столечко...

Для убедительности мальчик показывает кончик своего крохотного мизинца.

— Ну, если такую малость, отказаться не могу, — говорит Ленин и поднимается со стула.

¹ Был такъв — исчез, убежал.

² Приваживать (разговорное) — здесь: возбуждать симпатию, располагать к себе, привлекать, баловать.

В. Басов. Письма из России. Ленин и Крупская в селе Шүшенском.

Сáмая срóчная рабóта отклáдывается в стóрону. Рáзве мóжно отказáть мáльчику!

— Пошли! Пошли! — говорит решительно Влади́мир Ильи́ч и щекóчет Ми́ньку.

Тот дово́лен и залива́ется счастливым сме́хом.

Же́нька вска́кивает и направляется к вы́ходу.

Влади́мир Ильи́ч, Ми́нька и Же́нька выхóдят в сад. На ярком у́треннем со́лнце снег й́скрится и ослепля́ет.

На стебля́х хме́ля, кото́рый обви́л бесéдку, постро́енную э́тим лéтом Влади́миром Ильичём и Наде́ждой Константи́новной, морóз сплёл искúсные кружева́. Ку́сты сирéни и жи́молости заपो́рошены чи́стым пуши́стым сне́гом и ка́жутся каки́ми-то возду́шными, ска́зочными.

Миновáв око́лицу¹ селá, Лéнин и Ми́нька оказа́лись на бере́гу замёрзшей реки́.

Как всегда́ во вре́мя таки́х прогу́лок, Ми́нька забрасывает Влади́мира Ильича́ са́мыми нелéпыми вопро́сами. Почему́ то, почему́ э́то. И сего́дня, предложив Влади́миру Ильичу́ пойти́ на Журавли́ную го́ру, Ми́нька вдруг спроси́л:

— А почему́ го́ра так назывáется? Там журавли́ живу́т?

— Журавли́ там не живу́т, а во вре́мя перелёта в жа́ркие стра́ны останáвливаются на горé на́ ночь.

— Останáвливаются на́ ночь? Э́то чтоб спать?.. А как они́ спят?

¹ О к о л и ц а — йзгородь вокруг селá или при вы́езде из него́.

— Об этом тебе лучше, пожалуй, расскажет сам Иван Осипович. Смотри, он идёт к нам навстрёчу...

Минька встаёт на цыпочки и кричит:

— Сосипаты-ы-ыч!..

Крестьянина Ивана Осиповича Ермолаева в Шушенском все почему-то звали просто Сосипатычем. Он был постоянным спутником Лёнина на охоте, интересным собеседником.

Зимой он ходил в старых подшитых валенках, облёзлом заячьем треухе¹ и овчинной шубе с многочисленными заплатами. Подпоясывался верёвкой, за которую засовывал меховые рукавицы. А если шёл в лес за дровами, засовывал за пояс и топор.

У него доброе лицо с редкой бородой и умными светлыми глазами. Старый крестьянин после первой же охоты всей душой привязался к Ленину и всегда старался сделать ему что-нибудь приятное. Сосипатыч любил природу, любил наблюдать за журавлиными стаями во время их перелёта и при случае говорить о них.

Однажды он подарил Владимиру Ильичу молодого журавля. Журавль был слаб и плохо держался на длинных ногах. Принимая подарок, Ленин хотел было поглядить птицу, но журавль сердито зашипел и, вытянув шею, попытался ущипнуть Ленина за руку.

Вскоре журавль привык к новому своему хозяину, смело бродил по двору и ходил с Лениным на прогулки.

¹ Треух — мужская тёплая шапка.

Но наступили осенние холода, и Жúrка, как его лáсково назывáли, забеспокоился, стал грóмко и тревожно курлыкать. Стоя на одном месте, он то и дело взмахивал окрѣпшими крыльями, как будто проверял, смóжет ли улететь.

И как-то утром, услыхав трубный призыв летящей стаи журавлей, Жúrка разбежался и, рассекая воздух крыльями, полетел вдогонку за своими собратьями.

С тех пор журавля больше не видели.

Сосипáтыч поздоровался с Лéниным и Мíнькой за руку и угостил кедровыми орѣшками, доставая их из глубоких карманов своей залатанной шубы.

— Ивáн Осипович, — с улыбкой обращается к крестьянину Владíмир Ильич, — наш юный друг интересуется, как журавли спят. Расскажите, пожалуйста,

— Журавль — птица осторожная, — медленно и тайнственно начинаёт Сосипáтыч. Чувствуется, что он рад этому разговору. Обняв мальчика за плечи, Сосипáтыч шагает рядом с Владíмиром Ильичём. — Стая останавливается на ночь не иначе как на открытой местности, чтобы заранее увидеть опасность. А одного какого-нибудь журавля обязательно оставляют часовым, чтобы зорко смотрел да предупредил вовремя, если хитрая лиса или другой какой зверь станет подкрадываться. Дежурный журавль в клюв возьмёт камень и стоит то на одной, то на другой ноге.

Мíнька смеётся:

— Зачём журавлю камень? Чтобы в лису запустить?

— Нет, чтобы не заснуть, — серьёзно говорит Сосипатыч. — Смотрит часовой, как его товарищи сладко спят, и самого в сон клонит. «Засну хоть одним глазом», — думает он. Только зажмурит один глаз, а другой сам закрывается. Едва часовой задремлет, камень из клюва и выпадает. Хлопнется на землю — дежурный вздрагивает. Остальные журавли тоже просыпаются и поднимают крик: «Курлы! Курлы!» Ты что, мол, зеваешь?.. Часовой снова берёт камень в клюв и ещё зорче смотрит по сторонам.

— А где журавль камень возьмёт, если его близко нет? — спрашивает недоверчиво Мinya.

— Камень журавль с собой приносит. Рассказать тебе про гнёздó журавля, так ты и совсем не поверишь, — продолжает Сосипатыч и поглядывает на Лёнина: слушает ли? — Иная птица строит себе дом из прутьев, ласточки лепят гнёздó из глины, пичуги разные роют ямку в земле и выкладывают её сухой травой и волосом. А журавль гнездится что ни на есть в чистом поле. И даже под кусты не прячется. Отложит на голой земле пару крупных яиц с бурыми пятнами, а вокруг них разложит речную гальку. Вот и всё. Камушки для гнезда иной раз за десяток километров приносит.

Лёнин любит рассказы Сосипатыча. А на этот раз решил, что он шутит, и, прищурив один глаз, спрашивает:

— Это вы, Иван Осипович, начали уже из области

«охóтничьих» рассказов? Мíнька подúмает, что у журавля и вправду такóе гнездó.

— Тóчно говорю, сам víдел.

Мíнька довóлен журавлиной хитростью. Он шагáет по бéрегу, дёржится за руку Владíмира Ильичá и, чтóбы лúчше слýшать рассказ Сосипáтыча, задирáет гóлову квéрху.

Шли, да так и не замéтили, как оказáлись на льду рекí. Лéнин смóтрит на своíх друзéй и смеётся:

— Что я вам сейчáс покажú!..

— Что покажешь? — спрашивает Мíнька, поправляя спóлзшую на глазá шапку.

— Посмотри вниз.

Мíнька смóтрит, а под их ногáми прозрачный, как стекло, лёд. Сквозь негó видно дно с бéлыми, жёлтыми, рóзовыми камушками. Виднá берёзовая ветка с тёмно-зелёными и слéгка пожелтévшими лúстьями. Она зацепíлась за корягу¹ да так и лежít подо льдом, слóвно вýросла на дне рекí. Вокрúг ветки вьётся стáйка рыбок с крáсными плавникáми.

Скáзочная картинá поразíла Мíньку. Он застыл от изумлénия и спросíл:

— Рекá зимóй тóже течёт?

— Конéчно, — отвечáет Лéнин. — Слышишь её гóлос: «Шу-шу-шу!» Оттого она́ и назывáется Шúша.

Мíнька прислúшивается и разочарóванно отвечáет:

— Нет, не слýшу.

¹ Коряга — суковáтое дéрево, затонúвшее в волé.

Но Лёнин и сам не слышит шума воды подо льдом, он только любит о нём говорить. Когда-то он пытался сочинить о рекé стихи и написал даже первую стрóчку:

В Шúше, у подно́жья Сая́на...

«...да́льше пёрвого стиха́ ниче́го, к сожалéнию, не сочинил!» — писал потóм Владíмир Ильи́ч своéй ма́тери.

Увлёкшись разгово́рами о журавля́х, подво́дном ца́рстве, Владíмир Ильи́ч, Сосипа́тыч и Ми́нька за́были про Же́ньку. Она́ метáлась из сторо́ны в сто́рону, обню́хивала ка́ждый ку́стик: не притай́лся ли там зайчи́шка? И действíтельно, спугну́ла беляка́. Косой вски́нулся со своéй ле́жки и дал стрекача́¹ через ре́чку в за́росли куста́рника...

Одна́жды э́тот поря́док был неожíданно нару́шен. Утром, как и всегдá, Ми́нька появи́лся чуть свет и, по обыкнове́нию хлопнув двёрью, крикнул на весь дом:

— А вот и я!

Из сосéдней ко́мнаты ему́ никто́ не отве́тил. Будь Ми́нька наблюдáтельней, он замети́л бы отсутст́вие Владíмира Ильича́ сра́зу, по одному́ поведе́нию Же́ньки. Она́ не вы́скочила навстрéчу ма́льчику, не вы́разила ра́достного востóрга по по́воду его́ прихода́, а то́лько подняла́ на него́ гру́стные глаза́ и оста́лась лежа́ть на прэ́жнем ме́сте.

¹ Дать стрекача́ — удрáть, бы́стро скры́ться.

Миньке сказали, что Владимир Ильич уехал по делам в Красноярск и вернётся не скоро. Но у мальчика свой счёт времени. Через час он пришёл в дом к Ленину и спросил:

— Владимир Ильич приехал?

И снова Миньке пришлось вернуться домой...

Тосковала без хозяина и Женька. Она неотступно ходила за Надеждой Константиновной из одной комнаты в другую. При малейшем шуме на улице Женька вскакивала передними лапами на подоконник и смотрела в окно. На улице, кроме маячившего¹ Миньки, никого не было.

В сибирской ссылке было тогда много революционеров — товарищей Ленина. Они жили в разных сёлах, терпели лишения и нужду. Владимир Ильич всё время искал случая встретиться с ними, поговорить о делах, поддержать тех, кто пал духом или заболел.

Однажды Ленин добился разрешения поехать в Красноярск «зубы полечить». А сам воспользовался этим случаем и заехал по пути к товарищам.

Так, даже находясь в ссылке, Ленин продолжал руководить революционным движением в России.

Вернулся Владимир Ильич ночью. Минька уже крепко спал. Но только рассвело, а он тут как тут. Всё в той же отцовской шапке и мамкиной кофте. Не вошёл, а вбежал в дом:

— А вот и я!

¹ Маячивший; маячить — виднётся вдаль.

Из соседней комнаты вышел Влади́мир Ильи́ч. В руках он держал лошадку. И хотя Ми́нька давно мечтал о такой игрушке, он не бросился к ней. Он был рад, что снова видит Влади́мира Ильича́.

Весь день Ми́нька не отходил от Влади́мира Ильича́, а ве́чером отказался идти́ домой спать.

На друго́й день он вынес доро́гой подаро́к на у́лицу — похва́литься перед соседскими ребята́шками.

Но оказа́лось, что Влади́мир Ильи́ч привёз подаро́ки и им.

Прошёл год. Ми́нька подро́с и ещё бо́льше сдру́жился с Влади́миром Ильичём. И как забеспоко́ился ма́льчик, когда одна́жды в до́ме Ле́нина вме́сто обы́чного стро́гого поря́дка он уви́дел сдви́нутые с приви́чных мест ве́щи, разбро́санные на полу́ бума́ги!

Наде́жда Константи́новна укла́дывала ве́щи в сунду́к. Влади́мир Ильи́ч снимал с по́лок кни́ги и связы́вал их па́чками. На ла́вке сидели гру́стные шу́шенские ссы́льные — знако́мые Ле́нина. Был здесь и крестья́нин Сосипа́тыч.

Уви́дел Ми́нька э́ту карти́ну да так и остано́вился у поро́га, не сказа́в обы́чного приве́тствия.

Беспоко́йство ма́льчика разделя́ла и Же́нька. Она́ уны́ло бродила́ из угла́ в у́гол, тихо́нько скули́ла и растя́гивалась у дверёй, сло́вно загоро́живала кому́-то доро́гу.

Постоя́в не́сколько мину́т, Ми́нька по́нял — в до́ме сейча́с не до него́, и стал мо́лча подбира́ть с полу́ разбро́санные бума́жки.

Первой Мiньку заметила Надежда Константиновна и подарила ему много цветных карандашей, картинок и перьев. Не подозревая близкой разлуки, Мiнька суетился и перетаскивал к себе домой неожиданные дары.

Ссылные стали выносить из дома вещи и укладывать их в сани. Мiнька забеспокоился сильнее. Он подошел к Владимиру Ильичу.

— Прощай, друг мой, уезжаю из Шуши навсегда, — сказал Ленин. — Вырастешь — увидимся, быть может. Я буду всегда помнить тебя. — Он склонился и крепко поцеловал мальчика.

Мiнька смотрел на сани, в которые сели Владимир Ильич и Надежда Константиновна, смотрел на Женю, уже лежавшую в санях, и все ждал, что и его пригласят с собой.

Мiнька не знал, что Владимир Ильич отбыл свой срок ссылки и возвращается домой, чтобы снова продолжать борьбу, за которую он был сослан царским правительством в дальнюю Сибирь.

Сани укатили...

На следующий день Мiнька встал по привычке рано, торопливо оделся и побежал к дому, в котором жил Ленин.

Мiнька не хотел верить, что его друг Ленин уехал. Он думал, что сейчас его встретят, как всегда, приветливо, что он услышит ласковые слова Владимира Ильича:

«А кто это там пришёл?..»

Мiнька мигом взбежал на крыльцо, привычным

жестом открыл дверь и хотел уже крикнуть: «А вот и я!» Но из соседней комнаты не послышалось ласкового голоса Владимира Ильича, навстречу ему не выскочила собака Женька. Стоявшая у печки незнакомая женщина спросила:

— Тебе что нужно, мальчик?

— Владимир Ильич не вернулся?

— Так он же уехал навсегда!

Только теперь Минька понял всё, что случилось...

Он молча вышел из дома, сел на ступеньку и горько заплакал.

П. Макрушенко

В тёмную ночь

Это было давно. В 1907 году. В Финляндии.

Стоял декабрь, а настоящей зимы ещё не было. Юго-западный ветер взламывал неокрепшие льды Ботнического залива. Тысячи небольших островов и островков — шхеры, покрытые снегом, были похожи на вздыбленные и застывшие волны.

По дороге, ведущей из города Або по островам,

лѡшадь тащѣла сѡнки. На облучкѣ¹ сидѣл финн Вѣктор Кѡрлсон. Он вѣз на ѡстров Лѣлльмѣло человѣка, про которѡго Кѡрлсону сказѡли, что ѣто враг рѣсского царѣя и что он скрываетсѣ от царской полицѣи. Вот и всѣ, что знал о своѣм седокѣ Кѡрлсон.

А седокѡм был Владѣмир Ильѣч Лѣнин.

Рѣсские жандѡрмы получѣли прикѡз разыскѡть и арестовѡть Лѣнина, поѣтому Владѣмиру Ильѣчу нѣжно было немѣдленно вѣехать за границу.

На закѡте дорѡга привелѡ к одѣнокѡму красному дѡмику на скалѣстом холмѣ.

— Приѣхали, — вѡжно сказѡл Кѡрлсон.

Он слез с облучкѡ, привязѡл лѡшадь и с сѣлой толкнул ногѡй дверь.

Небольшѡя кѡмната-кѣхня, в которѡую онѣ вошли, блестѣла чистотѡй. На полѣ были разѡстланы свѣтлые половики, самодѣльные кѡврики украшѡли бревѣнчатые стѣны, на полке у большѡй пѣчки сияли начищенные мѣдные кастрѣи. От пѣчи до стен под сѡмым потолкѡм тянѣлись тѡнкие шестѣ с нанѣзанными на них круглѣми, плѡскими, как лепѣшки, ржанѣми хлебѡми.

Стѡя у порѡга, Кѡрлсон о чѣм-то вполголѡса поговорѣл с хозяѣном дѡма Бѣргманом, попрощѡлся со своѣм пассажѣром, кивнул хозяйке и ушѣл.

Владѣмир Ильѣч сел рѣдом с хозяѣном на ширѡкую скамѣю и, положѣв рѣку емѣ на плечѡ, сказѡл:

— Друг, мне нѣжно скорѣе попѡсть в Стокголѣм. Как ѣто сдѣлать?

¹ Облучѡк — мѣсто, на которѡм сидѣт кѣчер.

Рыбáк коричневым, как сук, пáльцем набивáл трúбку. Он молчáл, потому́ что не мог дéлать два дéла рáзом: набивáть трúбку и разговáривать. Наконéц трúбка разгорéлась, рыбáк затыну́лся, окинул мéдленным взгля́дом приэзжего, слóвно оцéнивая егó силы, и произнёс:

— Не пойдёт! Нет дорóги. Ни пешкóм, ни на лóдке. Нáдо ждать, пока́ стáнет лёд.

— Вы говорíte: «Ни пешкóм, ни на лóдке». А ёсли и пешкóм и на лóдке? Идти́ по льду, а лóдку толкáть перед собóй? — живо подхватил Владíмир Ильич.

— Не пойдёт, — упрýмо повторил рыбáк. — Лёд не вы́держит человека. Лóдка не пробьётся сквозь густой лёд.

Утром Владíмир Ильич поднялся вмéсте с хозяином. Умы́вшись, он сразу сел за стол у окнá и разверну́л тетрадь.

Из мáленького окóнца бы́ли видны́ невысо́кие гряды скали́стых островóв, порóсших рéдкими деревьями. Какáя сила удéрживала деревья на гóлых и глáдких скáлах? Семенá их находили присы́панные землёй щербинки, кóрни нащúпывали трéщинки, росли́ и крéпли, вгрызáясь в гранит. Тепéрь уже никакие штóрмы не могли свалить эти деревья.

Бéргман из кúхни поглядывал в приоткрýтую дверь спáльни и, вспоминая слова́ Кáрлсона, думал: «Неужели это и есть сáмый сильный враг царя́? А с виду́ — обыкновённый человек. Вот он сидит у столá, опустив лéвое плечó, чуть склонив нáбок большúю

голову, и быстро-быстро пишет, не обращая внимания ни на вой ветра, ни на рокот волн. Потом просматривает какие-то таблицы, греет руки под мышками и снова пишет».

Семья садится завтракать. Хозяйка ставит на стол медный кофейник, снимает с шеста круглые хлебы.

— Пожалуйста, к столу, — приглашает хозяйин.

Владимир Ильич выходит в кухню, приветливо улыбается, и вот он уже полон доброжелательного внимания и интереса к жизни этой семьи, их заботам. Он спрашивает, как Бергман умудряется сеять на скалах, какие культуры выращивает, интересуется уловом рыбы, даже молчаливую хозяйку вовлекает в разговор.

*

Несколько дней Владимир Ильич живёт у Бергмана. А медлить нельзя — его ждут большие, неотложные дела. Во что бы то ни стало надо скорее попасть в Стокгольм и затем в Швейцарию, чтобы оттуда наладить связь с рабочими России, с партией и готовиться к будущим революционным боям.

Прошло ещё два томительных дня.

Утром, после обычного вопроса «как лёд?», Бергман ответил:

— Лёд ещё не стал. Ветер не переменился. Раньше нового года отсюда не выбраться. На следующей неделе начинаются рождественские праздники¹, а кто в праздники отправляется в путешествие?

¹ Зимние церковные праздники в дореволюционной России.

— Нет, — твёрдо сказа́л Влади́мир Ильи́ч. — Мне на́до быть в Стокго́льме до рождёственских пра́здников. За́втра мы долж́ны вы́ехать. За́втра!

Рыба́к молча́л, продолжа́я занима́ться свои́ми дела́ми.

Но по́сле обе́да он вы́ташил из-под наве́са небольшо́ую плоскодо́нную ло́дку и на́чал её оснаща́ть: впе́редí уклю́чин приб́ил пра́чные сто́йки вы́со́той в полме́тра, а на них, попере́к ло́дки, прикрепи́л шест.

Ве́чером Бе́ргман сообщи́л, что к отъезду всё гото́во. Отправля́ться на́до до рассв́ета, что́бы в темноте́ минова́ть¹ населённые места́ и во́время добра́ться до водяно́й доро́ги, проло́женной ледоко́лом. Он неодобрíteльно посмотре́л на хро́мовые сапоги́² го́стя и по́сле обе́да куда́-то ушёл. Верну́лся с о́гро́мными рыба́цкими сапога́ми.

До конца́ но́чи остава́лось ме́нее двух часо́в. Хозя́йка пода́ла на стол жа́реную ры́бу, хлеб, ко́фе.

Влади́мир Ильи́ч отхлебну́л не́сколько глотко́в и подо́йдя к хозя́йке, крё́пко пожа́л ей ру́ку:

— Большо́е спаси́бо! Большо́е спаси́бо за всё!

Скупа́я, как зи́мнее се́верное со́лнце, улы́бка освети́ла лицо́ же́нщины.

¹ Минова́ть — здесь: прое́хать.

² Хро́мовые сапоги́ — сапоги́, сде́ланные из мя́гкой то́нкой ко́жи (хро́ма).

С моря доносились тревожные гудки пароходов. Лунá, выбираясь из тумана, освещала тёмную поверхность Ботнического залива.

Держась с обеих сторон за шест, путники двигали лодку вперёд. Она гроыхала деревянным днищем по неровной поверхности льда, ноги спотыкались о замёрзшие комья снега. Владíмир Ильич правой рукой держался за шест, а в левой нёс рыбацкий фонарь.

Бéргман вёл каким-то хитрым, извилистым, одному ему известным путём. Каждый пятьдесят — сто шагов он останáвливался, брал из лодки багор с острым наконечником и сильным движением с возгласом «я-гхá!» вбивал его впередí лодки, проверяя, насколько прочен лёд.

Северный ветер усиливался, стегал по воспалённым лицам, мимо фонаря проносились густые космы игóльчатого снега.

Прошли не больше двух километров, а уже устали, пот заливал глаза.

Наметился мутный рассвет, серый и нёмощный¹. Казалось, он никогда не превратится в белый день.

Ледяные пространства между островами становились всё шире. Перед одним островком была огромная полынья². Путники в первый раз забрались в лодку и в несколько взмахов весел подвели её к

¹ Нёмощный — слабый.

² Пóлынья — незамёрзший участок поверхности моря, реки.

ледяной кромке. Потом волоком перетащили лодку через островок.

— Теперь надо перебраться на тот остров. — Бёргман показal рукавицей прямо перед собой.

Впередí виднелись ледяные торосы, запорошённые снегом.

Держась за шест, который вырвался из руки, стараясь согласовывать свои движения с Бёргманом, Владíмир Ильич всматривался в даль.

— Много ли мы прошли? — спросил он.

— Самое длинное — позади, самое трудное — впередí, — загадочно ответил Бёргман.

Он всё чаще останавливался, произнося своё «я-гха». Оно звучало то как тревога, то как вопрос, а то и как яростное ругательство.

На большой плоской льдине Владíмир Ильич хотел перевести дыхание, расправит руки и ноги. Но не успел он сделать и двух шагов, как льдина накрепко ныла и левая нога скользнула в воду.

Владíмир Ильич ещё крепче ухватился за шест и широко занёс правую ногу, чтобы опереться ёю на ребро прозрачной льдины, выпиравшей из-под снега. Но едва он ступил на неё, ледяная глыба нырнула, вода залила сапог, шест затрещал...

Льдины, зловеще шурша, стали расходиться в разные стороны, лёд уходил из-под ног: велика была опасность!

Владíмир Ильич взглянул на своего спутника: лицо Бёргмана потемнело, глаза округлились; гулко ухая, он проваливался по пояс в воду.

— В лóдку! Скорée в лóдку!

Кто сказа́л э́то? Мо́жет быть, Бе́ргману почу́дилось?

Бы́стро перехва́тывая рука́ми шест, оба прибли́зились к лóдке. Шест гну́лся и скрипéл. Спúтники схватились за уклю́чины и рывко́м, одновременно с обе́их сторо́н, перебро́сились в лóдку.

Влади́мир Ильи́ч почувствовал внеза́пный озно́б. Не в си́лах сдержáть дробно́го сту́ка зубо́в, он неожиданно грóмко рассмеялся:

— А вода́ дово́льно прохлáдная...

Бе́ргман трясу́щимися рука́ми разверну́л большо́й тюк во́йлока. Он вы́нул оттúда сапоги́ Влади́мира Ильича́. Сапоги́ бúдто сняли с пéчки — они́ бы́ли со-всём тёплые, а внутр́и лежа́ли шерстяные носки́, за-сúнутые тудá заботливой хозяйкой. Рыба́к пойма́л весёлый благода́рный взгляд своего́ спúтника и отвёл глаза́ в сто́рону.

Держá в руках носки́, Влади́мир Ильи́ч спроси́л, не промо́к ли Бе́ргман. Нет, не промо́к. На нём был брезéнтовый комбинезо́н с прита́ченными сапога́ми. Влади́мир Ильи́ч смени́л носки́ и сапоги́ и стал де́лать энерги́чные движе́ния рука́ми, что́бы согреться.

Бе́ргман тем вре́менем извлёк из во́йлока фла́гу и осторо́жно открути́л кры́шку. Из посу́дины повали́л пар горя́чего ко́фе.

— Чудéсно! — с восхище́нием сказа́л Влади́мир Ильи́ч, отпивáя из кру́жки горя́чий напíток.

Подкреп́ившись, двину́лись в путь. Добра́лись до ледяно́й кро́мки и сно́ва потащи́ли лóдку.

Теперь уже не более полукилометра отделяло пúтников от óстрова Нáгу, у которóго проходíла водяная доро́га. Там ну́жно бы́ло дожидáться шведско-го парохода, идúщего из Або в Стокго́льм.

Эти сотни мэтров, казáлось, бы́ли са́мыми трудными.

Но вот блесну́ла узкая лэнта воды, пролóженная ледоко́лом. Ещэ́ немно́го усíлий, и оба пúтника, забрáвшись в лóдку, ста́ли ждать пароход.

Бэ́ргман отбíл стóйки от борто́в. Бо́льше о́ни не нужны́. Лóдку он оста́вит у знако́мого рыбака́, а сам вернётся́ домо́й на пароходе.

Тумáн рассеивался. Ледяные простóры из серых ста́ли зеленова́то-голубы́ми. Наступíл день.

Сíдя в лóдке, Владíмир Ильи́ч и Бэ́ргман смотре́ли на се́веро-восто́к, отку́да до́лжен был прийти́ пароход.

И вот над вы́соким óстровом показáлся двíжущийся султа́н се́рого ды́ма. Пароход! Он казáлся о́громным на узкой водяно́й доро́ге. Пúтники энергично замаха́ли ша́рфами... Их замéтили.

С бо́рта спуска́ли шлю́пку с матро́сом.

Владíмир Ильи́ч обеими рука́ми сжал ру́ку Бэ́ргмана, потóм привлёк его́ к себе́ и обнял за плéчи.

— Счастли́вого пути́! Счастли́вого пути́! — тихо́ повторя́л Бэ́ргман.

Мочёные яблоки

Гудит по лесу ветер, гнёт высокие сосны, силится сломить их. Пружинят золотистые стволы, не поддаются ветру.

Низко над лесом несутся тёмные облака.

Настя идёт против ветра. Руки засунуты в рукава. Взвизгивает под ногами снег. Гулко и тревожно бьётся сердце.

На вид Насте лет пятнадцать: маленькая и лёгкая, тогó и гляди́, вѣтер унесёт. Кольца волос над больш́ими встрево́женными глаза́ми и платоќ вокрúг лица́ опуши́лись йнеем. Длинная юбка хлещет по ногáм. Корóткий мáтерин жакёт не придаёт соли́дности. Девчóнка, как есть девчóнка. Сегóдня у Финля́ндско-го вокзáла остано́вил её како́й-то дед: «Скажи́, де-вочка, как мне добра́ться до Нѣвского проспéкта?» Настя объясня́ла совсѣм по-взрóслому, а старик на проща́ние сказа́л: «Дай бог тебе́ здоро́вья, де́вочка», — так и не призна́л за взрóслую.

Настя шага́ет по пло́хо ука́танной, засне́женной доро́ге и про себя́ отмеча́ет: вот забóр с на́дписью «Во дворе́ зла́я соба́ка». И впрямь, к забóру кину́лся о́грóмный пегий пѣс.

На всякий слúчай Настя перешла́ на друго́ю сто́рону.

Михаи́л Степа́нович говори́л, что потóм должна́ быть кра́сная да́ча в два окна́ на úлицу, а там неда́леко и до да́чи «Ва́за».

Навстрéчу мчи́тся парни́шка на фи́нских саня́х. Одно́й ного́й бежи́т по доро́ге, друго́й стои́т на дли́нном по́лозе саней. Смешно́. Кивну́л ей голово́й, бúдто знако́мой.

Вот показáлась островёрхая крýша двухэта́жной да́чи с разноцвѣтными стѣклышками на верáнде. Вокрúг да́чи мохна́тые ёли. Это и есть «Ва́за». Дѣвушка оглянúлась. Нака́з ей дан строжа́йший: зайти́ в дом никѣм не замѣченной, не приве́сти, чего́ до́брого, за собо́й шпика́. На úлице ни души́, то́лько вѣтер но́сится

и ревёт как оглашённый¹. Хотела уже свернуть на тропинку, как послышался грозный окрик:

— Эй, поберегись!

Настя вздрогнула и заметалась по дороге, побежала назад, словно и не собиралась сворачивать на тропинку, оступилась на обочине² и увязла в снегу по колёно. Мимо проехали сани, и на девушку глянули из-под башлыка³ недружелюбные глаза. Сердито топорщились заиндевшие усы.

«Откуда он взялся? Какой сердитый! Уж не шпик ли?» Настя долго следила за санями, и чем дальше они удалялись, тем спокойнее становилось на сердце.

Теперь можно повернуть к даче. Сделала два шага и видит: из калитки вышли двое — мужчина и женщина. Женщина в белых валенках впереди, мужчина в чёрных валенках сзади. Рванул вихрь, женщина отвернула лицо в сторону, мужчина подошёл к ней, заботливо поднял воротник её пальто, взял под руку, и они пошли прямо по снежной целине в лес. Настя пригнулась и сделала вид, что зашнуровывает ботинок. Выждала, пока они скрылись в лесу, осмотрелась вокруг и побежала к калитке, потом — через двор. Дощатая дверь с широкой щелью во всю длину легко открылась. В сенях вторая дверь, обитая войлоком. Постучала в планку, ответа нет. Дёрнула за ручку — дверь заперта. «Значит, это они вышли по-

¹ О г л а ш ё н н ы й — здесь: сумасшедший.

² О б о ч и н а — край дороги.

³ Б а ш л ы к — тёплый головной убор, надеваемый чаще поверх шапки.

гулять. Боялась опоздать, приехала раньше, вот теперь и жди».

Настя стояла, переминаясь с ноги на ногу. Звякнуло кольцо на калитке. «Вернулись!» И Настя стала вспоминать, что сказать. «Не надо ли вам мочёных яблок? Не надо ли вам мочёных яблок?» — твердила она шёпотом пароль и отвечала себе: «Если недорого, возьмём фунта два».

Девушка прильнула¹ к щели в двери и тотчас отпрянула²: по расчищенной дорожке, между высоких снеговых стен, шёл высокий человек с заиндевевшими усами, в башлыке.

«Тот самый... Сердитый... Высмотрел... Вернулся...» Настя кинулась подальше от двери, натолкнулась на большой ларь³. Приподняла крышку — на дне несколько поленьев. Подумать не успела: некогда было. Прыгнула в ларь и осторожно опустила над собой крышку. Хотела устроиться поудобнее, но сердитый уже вошёл в сени. Настя сжалась в комок, ей сразу стало жарко. Человек постучал в дверь и стал ходить по сеням взад-вперёд, взад-вперёд, потом подошёл к ларю и остановился. Настя замерла: «Сейчас откроет... Выскочу и выцарапаю проклятому глаза! Самá привела, самá с ним и расправлюсь». Крышка ларя затрещала. Настя зажмурилась. Нет, не открыл, а просто уселся на ларе. Стучит ногой об ногу: наверно, ему тоже холодно. Ну и пусть, хоть бы

¹ Прильнуть — плотно прижаться.

² Отпрянуть — отскокить, отпрыгнуть.

³ Ларь — деревянный ящик для хранения вещей.

совсѣм закоченѣл! «Дура, дурѣха, — думала горестно Нѣстя, — ни рѣстом, ни умѣм не вышла. Вот и сиди тепѣрь, как разнесчѣстная мышь в мышелѣвке. Вот тебѣ и первое партійное поручѣние...»

Клѣнит в сон. Нет, спать нельзя, соображать надо, как усѣтого выпроводить. «Закричу. Он испугается и соскочит с ларя. Я откряю крышку и побегу. Схватить не успеет, а как опомнится, я буду бежать в другую сторону от леса. Догонит? Пусть, а беду от этого дома я отведу».

Нѣстя набрала воздуху, чтобы крик получился погромче, пострашнее, но в это время в сенях заговорили.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! Добрый день, Владимир Ильич!

Владимир Ильич? Ленин? Да не слышалась ли Нѣстя? Так, значит, и человек на ларе не шпик, а свой!..

— Вы нас долго ждете? — спросила Надежда Константиновна.

— Минут двадцать. Привез вам почту.

— Вот хорошо, что мы раньше вернулись, а то вы совсем замёрзли бы...

Это голос Владимира Ильича.

Это он, он! Вот кого могла бы она погубить, вот почему так строго предупреждал Михаил Степанович об осторожности!

— Заходите обогреться. — Это опять Владимир Ильич.

— Нет, нет, я спешу. Возле вашего дома болта-

лась какáя-то подозрительная девчóнка. Мне пришлóсь проехать до концá посёлка, я там оставил лошадь. Благополúчно оставáться!

— Спасíбо, до свидáния!

В замóчной сквáжине заскрежётáл ключ. Нáстя собралáсь с сýлами:

— Мочёные яблоки... Не нýжно ли вам яблок... мочёных?.. — Прозвучáло это и глухо и жáло-сливо.

В слéдующий миг открýлась крýшка, и над дéвушкой склонíлось встревоженное лицó Владíмира Ильичá. Прищуренные глазá всмáтривались в ларь.

— Владíмир Ильич... Мочёные яблоки... — всхлípнула Нáстя.

— Надýша, поддержи-ка пóчту. — Владíмир Ильич подхватíл дéвушку нá руки и вýнул из ларя. — Не плáчьте, пожáлуйста, не плáчьте! И мочёные яблоки мы возьмём — фýнта два, ёсли недóрого. Боюсь, что это слíшком дóрого вам обошлóсь.

Надéжда Констáнтиновна спешíла открýть дверь.

Владíмир Ильич внёс дéвушку в кóмнату, усадíл на дивáн, осмотрёл её рýки.

— Ай-яй-яй, мочёные яблоки стáли совсём морóженые!

— Я сейчáс вскипячú чай. — И Надéжда Констáнтиновна, как былá, в пальтó и шáпке, стáла разжигáть прýмус. Вскóре под чáйником задрожáла сýняя áстра огня.

Надéжда Констáнтиновна бýстро снялá пальтó,

переобулась, поставила вáленки на пéчку и принялась разувáть дéвушку.

Владíмир Ильи́ч вынул из карма́на ва́режку и стал растира́ть На́стины ру́ки.

На́стя не могла́ говори́ть, и её ни о чём не спра́шивали. А слéзы, проти́вные, са́ми кати́лись по щекáм, и не сто́лько от бо́ли, ско́лько от досáды и стыда́.

Наде́жда Константи́новна посмотре́ла На́стины но́ги и покача́ла головóй.

— Ещё́ бы немно́го и бы́ло бы совсе́м ху́до, но, ка́жется, отде́лались сча́сливо.

Па́льцы на рука́х пока́лывало горя́чими игóлками, а мизíнец распу́х и болéл.

Владíмир Ильи́ч встал:

— Уфф! Тепéрь объясните, пожа́луйста, для чего́ вам потре́бовалось забира́ться в ла́рь?

На́стя рассказа́ла. Владíмир Ильи́ч смея́лся до слéз, и На́стя смея́лась.

— А наш вели́кий конспира́тор¹ вас перепугáлся. Какáя-то, говори́т, подозри́тельная ли́чность ходи́ла перед да́чей, — сквозь смех говори́л Владíмир Ильи́ч.

«И во́все не ли́чность, а девчо́нка, и глупая при-то́м», — ду́мала На́стя.

— А ско́лько вам лет? — поинтересова́лся Владíмир Ильи́ч, гляну́в на распу́хшее от слéз и хо́лода ли́цо дéвушки.

¹ Конспира́тор — человек, стро́го соблюда́ющий ка́кую-нибудь та́йну.

— Восемна́дцатый, — не совсе́м уве́ренно отве́тила На́стя и покрасне́ла.

— Я так и ду́мал.

И На́стя не могла́ понять, что хоте́л сказа́ть э́тим Влади́мир Ильи́ч.

— Так вы прие́хали за моёй ста́тьей в «Пролета́рий»? Я так по́нял?

— Да, да, Михаи́л Степа́нович велел её доста́вить к ве́черу, и я должна́ немедлен­но е́хать. Я уже́ могу́...

— А ста́тья-то у меня́ ещё не гото́ва, да-с, не гото́ва, — сказа́л виноваты́м го́лосом Влади́мир Ильи́ч. — Мне пона́добится ещё́ часа́ два-три, не ме́ньше. Как ты ду́маешь, Надю́ша?

Наде́жда Константи́новна взгляну́ла на пунцо́вые но́ги де́вушки и сказа́ла:

— Да, я ду́маю, часа́ три.

— Как же не гото́ва? — недове́рчиво спроси́ла На́стя. — Михаи́л Степа́нович сказа́л, что должна́ быть гото́ва.

— Непредви́денные обстоя́тельства, — пожа́л плеча́ми Влади́мир Ильи́ч. — Заме́шкался...¹ Прогуля́л... Пока́ я зако́нчу, вы мо́жете поспа́ть. Вам архинеобхо́димо² вздремну́ть. Как то́лько я спра́влюсь, мы вас разбу́дим.

На́стя се́ла пить чай с Наде́ждой Константи́нов-

¹ За́мешкаться — задержа́ться, запозда́ть, проме́длить.

² Архинеобхо́димо; а́рхи — приставка. Обознача́ет вы́шую ме́ру признака: о́чень, кра́йне необходи́мо.

ной. Влади́мир Ильи́ч устро́ился в сосе́дней ко́мнате писа́ть.

«Зна́чит, и впра́вду не зако́нчил», — поду́мала На́стя.

Её отта́явшие во́лосы завива́лись ко́льцами на лбу, шпи́лки из пучка́ вы́пали, и две коро́тенькие ко́сы болта́лись по плеча́м.

А пото́м На́стя покоро́но положи́ла го́лову на поду́шку, подсу́нутую ей Наде́ждой Константи́новной, с наслажде́нием вы́тянула но́ги под тёплым одея́лом и не по́мнила, как засну́ла.

Разбуды́л её Влади́мир Ильи́ч:

— Вам порá ехать. Если то́лько но́ги не бо́лят.

— Нет, нет, — вскочи́ла На́стя.

— И, кста́ти, — продо́лжа́л Влади́мир Ильи́ч, — я не то́лько э́ту статью́ зако́нчил, но и написа́л второ́ую, весьма́ и весьма́ ну́жную.

На́стя шла по у́лице. Ве́тер дул ей в спи́ну и сло́вно подгоня́л её. Бе́лые и такие тёплые ва́ленки похру́стывали по́ снегу. Па́льцы в тех са́мых ва́режках, кото́рыми ей растира́л ру́ки Влади́мир Ильи́ч, чуть пощи́пывало, но не от хо́лода, а от тепла́. Вот то́лько болёл забинтованны́й мизи́нец на пра́вой руке́.

За забо́ром ла́ет пе́гая соба́ка, грóмко ла́ет, но не стра́шно.

— Вы, де́вушка, не бо́йтесь, она́ не куса́ется! — кричи́т ей кто́-то из-за забо́ра.

— А я и не бою́сь, — отвеча́ет На́стя.

Ей не страшно. Вот идёт мужчина с сундучком железнодорожника в руках. «Наверно, со смены идёт. Ну и пускай себе идёт. Он по своим делам, я по своим. Не все же шпикі на свете, хороших людей куда больше».

Под суконным жакетом на груди у Насти прижаты две статьи Ильича для большевистской газеты «Пролетарий».

3. Воскресенская

Большое и малое

Однажды группа московских пионеров пришла в Музей Революции. Было это утром. Ребята — они учились во второй смене — долго ходили по гулким, пустынным в такое раннее время залам, рассматривали картины, статуи, документы.

Экскурсовод подвёл их к портретам старых большевиков.

— Вот это — Григорий Иванович Петровский,

боевой соратник Лёнина, — сказал экскурсовод, под-
няв указку к пожелтевшей фотографии.

Со снимка пристально глядел на пионеров про-
стой парень, по виду рабочий, с зачёсанными навёрх
волосами и густыми усами.

Экскурсовод оглянулся и, заметив, что в зал во-
шёл невысокий седой мужчина в синем костюме,
улыбаясь, шёпотом сказал:

— А это — заместитель директора нашего му-
зея...

Пионеры удивились: почему экскурсовод ни с
того ни с сего вдруг заговорил о нём?

Но тут же всё разъяснилось.

— Его зовут Григорий Иванович Петровский, —
также шёпотом добавил экскурсовод.

Ребята даже растерялись. Им казалось — всё, о
чём рассказывает экскурсовод, было давным-давно.
Ведь со времени первой русской революции прошло
уже больше пятидесяти лет! А Петровский стал рево-
люционером ещё задолго до того, ещё в прошлом
веке! И вдруг — вот он!..

— Тот самый? — недоверчиво воскликнула Катя
Свиридова, маленькая девочка с косичками, уложен-
ными крендельками.

— Тот самый, — подтвердил экскурсовод.

Ребята во все глаза смотрели то на пожилого
мужчину, стоящего в зале, то на его фотографию на
стенё.

Григорию Ивановичу уже, вероятно, лет восемь-
десять; волосы у него седые, маленькая острая бород-

ка и усы — тоже седые. Нет, на портрете он совсем не такой! И только глаза за толстыми стёклами очков поблёскивают по-прежнему молодо и пылливо. И усы тоже уцелели, хоть и стали седыми.

— А нельзя ли... — торопливо спросила Катя Свиридова, — нельзя ли нам поговорить с... — она от волнения, очевидно, забыла имя и, совсем смутившись, быстро закончила: — с товарищем Петровским...

— Вот уж не знаю... — замаялся¹ экскурсовод.

— С товарищем Петровским? Отчего же нельзя? — раздался мужской голос. Это был сам Петровский. Он, улыбаясь, разглядывал пионеров.

Вскоре ребята сидели на широком кожаном диване и в глубоких кожаных креслах. Кабинет Григория Ивановича был большой, но ребят было ещё больше. Поэтому в каждое кресло сели по двое. А на диване уместилось сразу двенадцать пионеров.

Григорий Иванович сказал секретарю, что он занят, пусть к нему никто не входит. Он долго беседовал с ребятами. Рассказал о своём друге — известном революционере Бабушкине, о встречах с Лениным...

— Ещё что-нибудь, — попросила Катя.

— Ну, слушайте. — Григорий Иванович задумался. — Было это в самом начале 1913 года. Я в то время был депутатом от рабочих в Государственной думе. Во всей этой царской Думе нас — большевиков — было всего шесть человек.

¹ Замяться; маяться — испытывать нерешительность, смущение.

Однóй из глáвных нáших задáч бы́ло помогáть гáзете «Прáвда». И вот однáжды, зимóй, Лéнин в́ызвал нас — всю большев́истскую фрáкцию¹ Дúмы, — а тáкже руководящих рабóтников «Прáвды» в Крáков, на совещáние.

Лéнин тогдá в Крáкове жил. Да и совещáться там бы́ло удóбнее: вдáли от цáрских сýщиков и жан-дáрмов.

Приéхали мы в Крáков. Идём по úзким úлочкам, у прохóжих спра́шиваем дорóгу.

Лéнин встрéтил нас у подъезда: навёрное, из окнá увидел. Очень обра́довался. Он всегдá рáдовался товáрищам из Россíи.

Вошли. Квартíрка мáленькая, неказíстая². И мéбель óчень простáя, стáренькая. Но мы не удивíлись: знáли, что Лéнин скрóмно живёт и в деньгáх óчень нуждáется. Надéжда Константíновна Крúпская покáзала нам, где раздевáться. Сняли мы пальтó.

«Огó, — улыбáясь, говорít Лéнин. — Какíе фрáнты³ пожáловали!»

Мы смутíлись. Приéхали мы, рабóчие-депутáты, в чёрных, хорошó сш́итых костю́мах, в тугíх накрахмáленных бéлых мани́шках⁴. В Дúме нам приходíлось фасóн держáть! Хóчешь не хóчешь — напáливай⁵ мани́шку!

¹ Фрáкция — организовáнная грúппа членов какóй-нибудь пáртин.

² Неказíстый — некрасíвый, невзрáчный.

³ Фрáнт — нарядно, мóдно одéтый человек.

⁴ Мани́шка — нагрúдник из бéлой ткáни, приш́итый íли пристёгиваемый к сорóчке.

⁵ Напáливать (разговóрное) — надевáть.

А Лёнин рядом стоит в понóшенном пиджачкё. Рукава́ на локтя́х блестя́т. Под пиджако́м — синья са-ти́новая косоворо́тка. И Кру́пская — в прóстеньком, гла́дком пла́тье.

Уви́дел Лёнин, что мы смути́лись, засмея́лся и го-ворит:

«Да я не в укор! Молодцы́! Так и на́до!..»

Прошли́ мы в столо́вую. Эта ко́мната то́лько назы-ва́лась столо́вой. На са́мом де́ле там повсю́ду лежа́ли кни́ги, бума́ги: тут Лёнин и рабо́тал. Чувствую́ я — холоднова́то в э́той столо́вой. В сосе́дней ко́мнате — ещё подхо́дящая температу́ра. А здесь пря́мо-таки мура́шки по ко́же бе́гают.

«Неужели́ у Лёнина де́нег на дрова́ нет? — ду-маю. — Ведь он тут це́лые дни сиди́т, прости́нет...»

Шепну́л я об э́том Бада́еву — това́рищу моему́, то́же депутату́. Тот у Наде́жды Константи́новны бу́д-то бы ме́жду прóчим насче́т дров осведо́мился.

«До тако́го мы ещё́ не дожи́ли! — засмея́лась На-де́жда Константи́новна. — Дрова́ есть. То́лько Влади́мир Ильи́ч не люби́т, когда́ си́льно нато́плено. На хо-лодке́, говори́т, лу́чше рабо́тается...»

Вскóре должно́ бы́ло нача́ться совеща́ние. Лёнин не люби́л зря́ теря́ть вре́мя. Да и нам то́же бы́ло не-когда́.

На́до бы́ло обсуди́ть, как нала́дить рабо́ту «Пра́вды», где доста́ть де́ньги на опла́ту типогра́фских расхо́дов и поку́пку бума́ги, как увели́чить число́ под-пи́счиков... Ну, и други́е вопро́сы.

На пе́рвом же заседа́нии Лёнин нам предложил:

«Столу́йтесь¹ у нас. Что вам вре́мя зря трати́ть: на о́бед куда́-то е́здить».

Наде́жда Константи́новна — она́ протоко́л велá — отложи́ла перо́ и то́же говори́т: «В са́мом де́ле, столу́йтесь у нас!»

Мы не зна́ем, что и де́лать. Вообщи́-то, конечно́, э́то о́чень удо́бно для нас. И хо́чется нам побольше́ с Ильичём побы́ть, погово́рить обо всём. Но, с друго́й сторо́ны, чу́ствуем, что лишней копе́йки в до́ме нет. А тут — така́я свóра нахле́бников!..

Бада́ев пе́рвый нашёлся: «Спаси́бо, — говори́т. — С удово́льствием принима́ем ва́ше приглаше́ние...» А сам мне подми́гивает: «Не беспоко́йся, мол. Всё бу́дет в поря́дке».

В переры́ве подхо́дит он ко мне и шепче́т: «Ско́лько у тебя́ де́нег с собо́й? Всё выкла́дывай! То́лько на о́братный биле́т оста́вь...»

Я, понятнó, вы́ложил. И други́е — то́же. А Бада́ев все э́ти де́ньги Кру́пской передал. С трудо́м, но всё же уговари́л её взять: ина́че, заяви́л, мы вы́нуждены́ бу́дем о́бедать в рестора́не. Хоть и накла́днее², а приде́тся...

И вот, сиди́м мы у Ле́нина за столóм, о́бедаем, и о́чень дово́льны, что так благополóчно ко́нчилось э́то щекотли́вое де́ло³.

И то́лько одно́й «ме́лочи» мы не учли́. Из-за э́той-то «ме́лочи» и пришло́сь нам потóм красне́ть.

¹ Сто́ловáться — пита́ться.

² Накла́дно. — до́рого, невы́годно.

³ Щекотли́вое де́ло — де́ло, тре́бующее о́собого подхо́да, та́кта

Так вот... Я не стану подробно рассказывать о самом совещании. Скажу только, что прошло оно быстро и организовано. Ленин не терпел болтунов. Всю жизнь. Многие из старых большевиков помнят, что даже на заседаниях Совнаркома выступавшим в прениях полагалось всего три минуты. Как хочешь, так и укладывайся. А если кто «разговорится», Ленин сразу на часы показывает: мол, ваше время истекло...

...Прошло несколько дней. Совещание наше кончилось.

Был уже поздний вечер. Сидим мы в «столовой», беседуем. Завтра утром — уезжать.

Вышел я в коридор, мимоходом случайно заглянул в кухню. Дверь туда была приоткрыта, вижу: Надежда Константиновна в переднике, закатав рукава, стоит у плиты и тряпкой с песком чистит кастрюлю.

Вот так так! Стою не шевелясь. А Надежда Константиновна меня не замечает, кончила кастрюлю надраивать, отставила в сторону и за другую, медную, посудину принялась.

Стою я и чувствую — краснею.

«Простофили¹ мы, — думаю. — Дали деньги и решили — всё в порядке. Совсем забыли, что у Надежды Константиновны прислуги в доме нет. Всё сама делает. И теперь, значит, она днём вместе с нами заседает, выступает, протокол ведёт, а вечером для наших милостей кастрюли чистит...»

¹ Простофиля — глупый, несообразительный человек.

Сты́дно мне ста́ло. И за мани́шку свою́ крахма́льную сты́дно, и за хоро́ший костю́м сты́дно.

«Выхо́дит, — ду́маю, — пона́ехали «фра́нты», а Наде́жда Константи́новна нас должна́ обслуживать. Позо́р!»

Подошёл я к Бада́еву. Он в это́ время с Ле́ниным и други́ми това́рищами в столо́вой бесе́довал. Отозва́л я его́ в сторо́нку, сказа́л, как Кру́пская кастрю́ли чи́стит.

Бада́ев то́же смути́лся.

«Я, — говори́т, — ещё́ вчера́ это́ заме́тил. И не то́лько это...»

И расска́зывает мне, что вчера́ он ви́дел, как Наде́жда Константи́новна по́сле заседа́ния, когда́ Ле́нин увёл нас всех на прогу́лку по Кра́кову, мы́ла по́лы в столо́вой и коридо́ре.

«Одно́ к одному́», — поду́мал я.

Посмотрёл на́ пол. Полови́цы ста́рые, рассу́хшиеся, кра́ска с них почти́ слезла. Тако́й пол мыть — одно́ муче́ние.

И предста́вил я себе́, как Наде́жда Константи́новна в своём скро́мном пла́тье, с гла́дко причёсанными волоса́ми, стои́т, согну́вшись в три поги́бели, с ведро́м и тря́пкой, грязь за на́ми смыва́ет.

«Скве́рно», — ду́маю.

А Бада́ев говори́т:

«Зна́ешь что? Помо́жем ей по хозяйству. А то, выхо́дит, мы врёде бело́ручек...»

Это он здо́рово придумал. То́лько чем, как помо́чь?

«Дровец наколом», — предложил Бадáев.

«В темноте-то?» — говорю я.

«Ну и что? А лампа зачём?..»

Скинули мы хомуты наши — манишки крахмальные, взяли топор один на двоих и пошли в сарáйчик.

Надежда Константиновна не пускает, смеётся:

«Да там почти все дрова уже расколоты. Только чуточку осталось...»

Но мы всё равно пошли. Проверим, какой величины эта «чуточка».

В сарае вдоль стены лежала полёница дров, но уже расколотых. И лишь в углу — кучка чурбаков. Мы с ними в два счёта расправились. Хотя и немного поработали, а всё-таки на душе поспокойнее стало.

Вернулись в дом.

«А эту полёницу вы что — сами колёли?» — спрашивает Бадáев Крупскую.

«Нет, — говорит. — Это Владимира Ильича рабóта...»

Легли мы спать. А наáвтра чуть свет встали. Пора на вокзал.

На столе уже чай стоит, еда. Значит, опять Надежда Константиновна раньше всех поднялась. Успела уже и завтрак приготовить, пока мы спали.

Поели мы, стали прощаться. Подошёл я к Надежде Константиновне, хочу ей сказать что-то очень хорошее, но... не получается. Только жму ей руку и повторяю:

«Спасибо вам, Надежда Константиновна. Большое спасибо! От всей души спасибо!..»

А сам чувствую в своей ладони её руку, кожа на её руке жёсткая, шершавая и в ссадинках.

Но мне в тот момент казалось, что руки у неё — самые что ни на есть прекрасные: умелые, сильные.

Скажу прямо: с большим уважением смотрел я на эти руки, которые никакой, даже самой чёрной работы не гнушаются¹.

Она, конечно, не понимает, почему я её руку всё не отпускаю и с таким волнением повторяю: «спасибо» да «спасибо».

Улыбается и говорит:

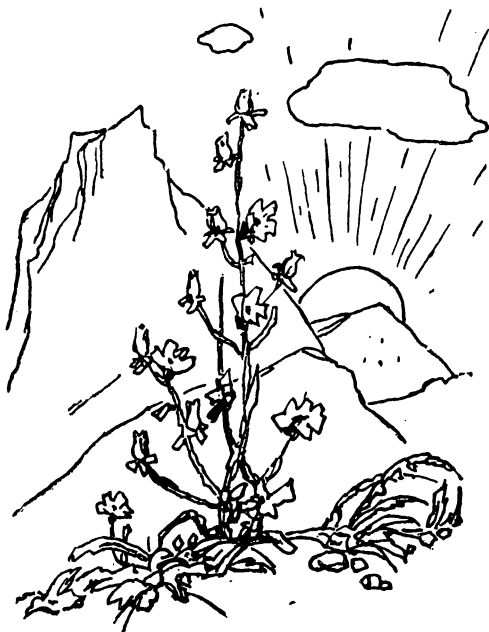
«Да не за что меня благодарить!..»

А я думаю:

«Нет, есть за что...»

¹ Г н у ш а т ь с я — считать для себя унижительным, противным, постыдным.

Борис Раевский

В горах

Это случилось ещё при царё. Лёнин тогда скрывался от царской полиции и жил за границей, в посёлке Порóнино.

Посёлок Лёнину нравился. Он был окружён высокими, красивыми горами, а Лёнин всегда любил бродить по горам.

И вот однажды Лёнин решил отправиться в горы.

Об этом узнал один польский революционер и сказал Ленину:

— Позвольте мне сопровождать вас, Владимир Ильич. В этих горах я бывал не раз и знаю здесь все тропки и дорожки.

Ленин обрадовался, что у него будет такой хороший спутник. А польский революционер — его звали Багоцкий — начал рассказывать:

— Здесь есть такая одна вершина... такая вершина... Вот бы нам туда взобраться!

— Чем же хороша эта вершина? — спросил Ленин.

— С неё открывается удивительный вид, ну просто сказочный! Особенно при восходе солнца.

— Решено! — сказал Ленин. — Воскресное утро мы встретим на этой вершине! И увидим восход солнца в горах!

В субботу под вечер Ленин и Багоцкий подошли к подножию горы и начали подъем. Багоцкий сказал:

— На полдороге мы заночуем в туристской хижине. А утром, чуть свет, продолжим своё путешествие.

Поначалу всё было хорошо. Ленин и Багоцкий благополучно добрались до хижины и расположились на ночлег.

— В четыре утра начнём подъем, — сказал Багоцкий. — Тогда к восходу солнца мы достигнем вершины.

— Только бы не проспять, — беспокоился Ленин.

— Не проспим, — успокаивал Багоцкий. — Я до-

говорился со сторожем, Он разбудит нас около четырёх часов.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Владимир Ильич...

Первым проснулся Лёнин. Неясный сумеречный рассвет едва-едва пробивался в крохотное оконце хижины. За тонкой перегородкой слышался безмятежный храп сторожа. Лёнин взглянул на часы и мгновенно вскочил:

— Проспали! Безобразия! Уже пятый час!

Вскочил и Багоцкий. Ругая сторожа, он поспешно натягивал на себя одежду.

Подъём начался с опозданием. Ночной туман ещё не рассеялся, идти приходилось медленно.

Вскоре Багоцкий остановился и сокрушённо развёл руками:

— Боюсь, к восходу не успеть. Подвёл нас сторож. Всё из-за него.

— Не сторож, а мы виноваты! — сердито возразил Лёнин. — Не могли сами проснуться вовремя! Срам!

— Пусть не сторож, пусть сами, — грустно согласился Багоцкий. — Но восхода солнца мы сегодня не увидим. Не успеем подняться...

— А нет ли иного пути к этой вершине? Покороче?

— Есть. Я трижды хаживал по нему, но... вас я не могу вести по этому пути.

— Это почему же?

— Очень опасная дорога! Там, вблизи одного пе-

рева́ла, есть тропá... Шагóв три́дцать на́до итí по кра́ю про́пасти...

— Но вы́-то, вы́-то ходи́ли по э́той тропе́?

— Ходи́л...

— Тогда́ не бу́дем теря́ть вре́мени. Идёмте к пе-
рева́лу!

— Нет, я не допу́щу, что́бы вы риско́вали жи́знью!

— Я и сам не ста́ну риско́вать жи́знью по пуста́-
ка́м. Прóсто мне хо́чется посмотре́ть на э́ту необык-
нове́нную тропу́.

— Тогда́ — друго́е де́ло, — успоко́ился Баго́ц-
кий. — С удово́льствием покажу́ вам её...

Вско́ре о́ни подошли́ к тропе́. Дви́гаться по ней
мо́жно бы́ло то́лько бо́ком, ме́лкими шажка́ми, при-
жимáясь спиной́ к отвесе́ной скале́.

— Ви́дите кака́я? Здесь вам не прой́ти, — сказа́л
Баго́цкий.

— А вам? Вам прой́ти?

Баго́цкому почу́дилось в слова́х Лёнина недо́ве-
рие.

— А вот смотре́йте, е́сли сомне́ваетесь!

Не успе́л Лёнин поня́ть, что случи́лось, как спут-
ник его́ пусти́лся в опа́сный путь.

Прижа́вшись спиной́ к скале́, поверну́в го́лову,
что́бы не смотре́ть в про́пасть, Баго́цкий едва́ заме́т-
ными шажка́ми двину́лся по у́зенькой тропке́.

«Хорошо́, что я отгово́рил Влади́мира Ильича́, —
подума́л Баго́цкий. — Тепе́рь он сам уви́дит, что ему́
не прой́ти здесь...»

Когда́ Баго́цкий минова́л са́мое тру́дное ме́сто, он

облегчённо вздохнул, оглянулся... и от ужаса чуть не свалился в пропасть: вслед за ним по тропинке двигался Лёнин. Он прошёл уже несколько шагов, но вперёд лежал ещё долгий опасный путь.

Вдруг Лёнин остановился и плотнее прижался спиной к скале. От страха у Багócкого перехватило дыхание. Он понял, что случилось: Лёнин забыл, как рискованно в горах смотреть в пропасть. От этого начинает кружиться голова. И сейчас, заглянув в бездну, Лёнин почувствовал головокружение.

— Назад! Возвращайтесь назад! — кричал Багócкий.

Но Лёнин не подал и виду, что слышит возглас своего спутника. Он постоял ещё несколько секунд и снова двинулся вперёд. Не спеша, осторожно, шаг за шагом, приближался он к концу тропы.

И вот опасное место осталось позади. А ещё через несколько минут Лёнин стоял уже рядом с Багócким.

— Теперь мы успеем к восходу? — озабоченно спросил Владимир Ильич.

— Теперь успеем, — заверил Багócкий. И, глядя с восхищением на Лёнина, добавил: — Когда я впервые прошёл по этой тропе, то от страха больше часа лежал вон под тем кустом.

— Ну, уж это вы оставьте, — усмехнулся Лёнин. — Не для того мы здесь карабкались, чтобы нежиться под кустами. Пошли!

И они двинулись дальше.

Едва ступили они на вершину, как нежные лучи

солнца вдруг разом пронзили предутренний туман, растопили его, и вдали ослепительным блёском засверкали голубые озёра. Снежные шапки гор мгновенно порозовели, на кустах и травах переливчато задрожали росинки, и, точно по команде, дружно, на все голоса запели в листве птицы...

Через час двинулись в обратный путь.

— Теперь спешить некуда, — говорил Багоцкий. — Возвращаться будем безопасной дорогой.

— Что касается меня, — сказал Лёнин, — то я намерен вернуться тем же путём, по той же тропе.

— Влади́мир Ильи́ч! — взмолился Багоцкий. — Тепе́рь-то у нас нет ника́кой нужды́ в э́том!

— У вас нет, а у меня есть...

— Да кака́я же, объясните!

— С удовольствием объясню. Только на той стороне.

Ско́лько ни отговаривал Багоцкий Лёнина — ничего не помогло. Влади́мир Ильи́ч, не сворачивая, шёл по ста́рой доро́ге.

Вот и тропá над бездной.

— На э́тот раз пе́рвым пойду́ я, — заяви́л Лёнин и решительно двинулся впе́ред.

Когда́ Влади́мир Ильи́ч прибли́зился к са́мому узкому́ ме́сту тропы́, Багоцкий от стра́ха закры́л глаза́. Когда́ же он вновь откры́л их, Лёнин уже благополучно прибли́жался к концу́ перехо́да.

— Ва́ша о́чередь! — крикнул он Багоцкому.

Перехо́д Багоцкого та́кже зако́нчился благополучно. Влади́мир Ильи́ч пожа́л ему́ ру́ку и сказа́л:

— Благодарю вас за чудесную прогулку. Всё было прекрасно! Просто очаровательно!

— Теперь-то вы мне скажете, почему решили вернуться этой дорогой? Разве вам не было страшно?

— Я потому и возвращался по этой тропе, что мне было страшно. Только поэтому...

И, видя недоумение Багócкого, пояснил:

— Революционер не имеет права позволить страху взять верх над его волей. Нам, батенька, надо воспитывать в себе волю каждодневно, ежечасно... всюду... всегда...

Он помолчал немного, потом нагнулся и сорвал несколько простеньких голубеньких цветочков.

— Это — Надежде Константиновне, — негромко сказал Ленин. — Она любит полевые цветы...

Н. Х ó д з а

Встреча

Лéнина в Петрограде ждáли давнó. Но никто не знал тóчно, когдá он приедет.

Наступила пáсха. На вторóй день пáсхи молодáя работница швéйной фáбрики Кáтя Трофíмова вышла из дому пóздно, ужé к вéчеру. И мéдленно пошла по úлице.

На мостовóй синéли весéнные лúжи. По лúжам носились мальчúшки и гоняли шестáми голубéй.

Кáтя не спешá дошла́ до ближай́шего проу́лка. И тут вдруг почувствовала — кто́-то схвати́л её сза́ди за рука́в:

— Катю́ша!

Кáтя оберну́лась и уви́дела Натáлью Егóровну, кото́рая рабо́тала вме́сте с ней на фа́брике.

— Скорéй бежи́м в комите́т! — сказа́ла Натáлья Егóровна. — К нам Ле́нин едет!

Райо́нный комите́т большеви́ко́в помеща́лся в ту по́ру в небольшо́м деревя́нном до́мике; занима́л он всего́ две ко́мнаты.

В пер́вой ко́мнате сиде́л за сто́лом челове́к в бара́шковой ша́пке.

Натáлья Егóровна закрича́ла ему́ второ́пах:

— Ну, оповести́л?

Челове́к в бара́шковой ша́пке отве́тил серди́то:

— Да как же — оповести́шь тут! Сама́ зна́ешь: па́сха. Заво́ды и фа́брики на замке́, по́чта и та не рабо́тает. Вот и придума́й, как оповести́ть наро́д...

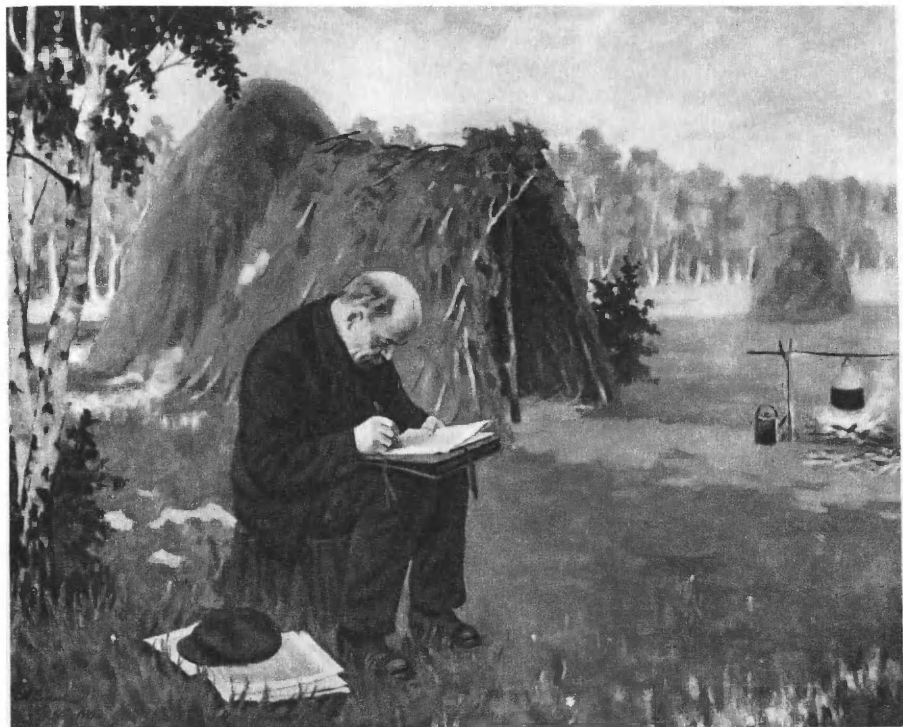
Натáлья Егóровна се́ла у сто́ла и задума́лась. По́том спроси́ла Трофи́мову:

— Кáтя, ты уме́ешь краси́во писа́ть?

Не дожидáясь отве́та, она́ пошла́ в друго́ю ко́мнату и сейча́с же верну́лась оттуда́ с поло́ской краси́вого си́тца.

— Вот тут пиши́, — сказа́ла она́ Ка́те. — Пиши́!.. — Она́ подума́ла с мину́ту. — «К нам едет Ле́нин. Идём встреча́ть!» Все́.

На подоконнике сто́яла жестя́нка с бе́лой краси́кой, лежа́л мел.

М. Соколов. Ленин в подполье.

Кáтя принялась вычёрчивать буквы мёлом, стараясь, чтобы они вышли как можно ровнее. Егóровна в это время разводила маслом краску, искала кисть.

Потом вспомнила:

— А на чём понесём? Надо ведь шесты достать. И быстро пошла на улицу.

По мостовой всё ещё бегали мальчишки, свистели, гоняли шестами голубей. А голуби летали неохотно: вечерело и они норовили¹ вернуться в свои голубятни. Лужи уже покрылись тонким ледком и звенели под ногами у ребят. Натáлья Егóровна пошла к мальчишкам и попросила:

— Ребята, дайте мне один шест.

Те даже отбежали на всякий случай подальше. Шесты у них были замечательные: ровные, длинные и до того гладкие, что казались покрытыми жёлтым лаком. Ясно, что с такими шестами расставаться никому не хотелось.

— Ребята, — повторила Егóровна, — мне для дела надо... Ну как мне вас уговорить?

Она даже руками взмахнула: разве упростишь этих ребят! Шесты им сейчас, может, дороже всего на свете. И продать не продадут!

Егóровна всё-таки сказала негромко:

— Видите, какое дело... товарищ Лёнин к нам едет...

Кáтя Трофимова уже кончила свою работу, обе-

¹ Норовить — настойчиво стараться сделать что-нибудь.

ла́ буквы бе́лой кра́ской. И на́дпись получи́лась я́сная, ви́дная, то́лько не́которые бу́квы вы́шли немно́жко кривы́ми.

Ка́тя спохвати́лась: куда́ же пропа́ла Егоровна? И вы́глянула на у́лицу. Там у са́мого забора́ Натáлья Егоровна сидела́ с мальчи́шками и толковáла им о чём-то.

— Тётя́ Натáша, — кри́кнула ей Ка́тя, — ну что ж ты?

— Я им про Ле́нина рассказываю, — отве́тила Егоровна.

— На́до ведь ре́йки иска́ть.

— На́до! — вздохну́ла Егоровна. — Ну, и́дём. — И она́ пошла́ прочь от ребя́т.

Но оди́н из мальчи́шек догна́л её и протяну́л свой шест:

— Бери́!

Ребя́та провожа́ли шест до са́мого комите́та. Там они́ мо́лча гляде́ли, как Егоровна разме́ряла шест ладо́нью. Она́ разме́рила его́ на две ра́вные ча́сти и сде́лала посереди́не надрез перочи́нным но́жиком. Потом с разма́ху сломáла шест о колéно. Кто́-то из ребя́т а́хнул: кака́я вещь пропада́ет на глаза́х у всех! А друго́й толкну́л его́ и сказа́л:

— Не ви́дишь, для де́ла на́до!

Получи́лись из шеста́ две ре́йки. Ка́тя с Егоровной приби́ли к ним концы́ кра́сного си́тца. Тепе́рь плака́т был гото́в.

Они́ вы́несли его́ на у́лицу.

Ка́тя ожида́ла, что все прохо́жие бу́дут удивля́ть-

ся на плакát. Но никто не удивлялся. Со всех сторон подходили люди, читали: «К нам едет Лénин» — и спрашивали:

— Когда ждут поезд?

И многие, толпясь, шли следом.

Один старик закричал Егóровне строго:

— Что ж не написано, с какого вокзала?

Та ответила:

— А ты сам соображай. С Финляндского.

Старик хлопнул себя по бокам рукавицами:

— Сыны у меня тут... Успею я за сынами сбегать?

Егóровна спокойно сказала:

— Успеешь.

Кáтя с Егóровой прошлись с плакátом по всему району. А потом пошли к центру города. Народу становилось всё больше. И, когда уже подходили к Нёвскому, Кáтя оглянулась: следом двигалась большая толпа; конца её не было видно.

Кáтя заметила старика, который бегал за сынами. По бокам его шагали два огромных парня — должно быть, это и были сыновья старика. А рядом шёл мальчишка, что отдал свой шест. Дальше она увидела знакомых работниц со швейной фабрики, солдат, рабочих, студентов...

Кто-то в толпе сказал:

— Ну что ж, споем нашу боевую? — и первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Под пѣсню все пошли ровнѣе, в нѳгу, и незамѣтно выстроились по четыре в ряд. Это была уже не толпа, это была колонна людей, шѣдших встречать Лѣнина.

А когда подошли к Невѣ, увидели: и из других районов идут такіе же колонны. Идут со своими знаменами воинские части. Прошел отряд кронштадтских матросов. А за ним прогремели по мостовой броневикі.

У моста через Неву пришлось ждать: сперва пропустили путіловских рабочих, потом воинскую часть, за ней матросов.

А когда подошли поближе к Финляндскому вокзалу, между колоннами уже не было промежутков. Все улицы и вокзальная площадь были полны народу.

Теперь было ясно: если б правительство и захотело арестовать Лѣнина, оно не смогло бы сделать этого. Народ не дал бы.

Начинало темнѣть. И тут рабочие стали зажигать факелы, которые они припасли заранее. Пламя факелов было косматое, красное. От вокзала к факелам протянулись голубые лучи прожекторов. И от этих красных и голубых огней все кругом стало необыкновенным, праздничным.

Наталья Егоровна и Катя стояли со своим плакатом в самом конце вокзальной площади и боялись, что так и не увидят Лѣнина.

Все тесней становилось у вокзала: из разных районов города приходили новые колонны рабочих и солдат.

Потом послышался мощный рѳкот.

Народ колыхнулся, расступился в стороны, и к вокзалу тяжело прогремели броневики с красными флажками на башнях.

Народ дружно подался вперед за броневиками. Наталья Егоровна с Катей изо всех сил тянулись кверху: хотелось хоть что-нибудь увидеть. Но вперед, кроме черных спин и шапок, ничего не было видно.

И только далеко, у самого вокзала, возвышался теперь зеленый броневик. Он был ярко освещен прожектором.

Прошло еще немного времени...

Наталья Егоровна все прислушивалась, не идет ли поезд. Но не слышно было ни свистка паровоза, ни грохота вагонных колес.

И вдруг негромкий гул прошел по площади.

Потом сразу наступила такая тишина, что стало слышно, как потрескивают, дымя, факелы.

На броневике, видный всем, стоял Ленин.

Несколько секунд он молчал, слегка наклонившись вперед. Казалось, он вглядывается в надписи знамен и плакатов; их неровно освещали факелы, и прочесть надписи было нелегко.

Луч прожектора упал на дальнюю полосу ситца, и стали отовсюду видны написанные на ней крупные буквы:

К НАМ ЕДЕТ ЛЕНИН.
ИДЕМ ВСТРЕЧАТЬ!

Надпись держали на шестах две швей в красных платочках.

И Лёнин уви́дел их.

Он уви́дел наро́д, пришё́дший встреча́ть его́.

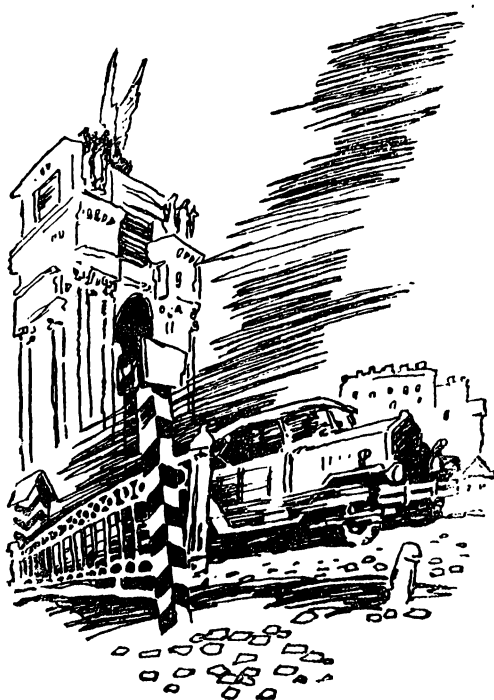
И, волну́ясь, высоко́ по́днял над голово́й фура́жку.

Пото́м бы́стро су́нул фура́жку в карма́н, протяну́л впе́ред ру́ку и нача́л свою́ речь, нике́м в тот ве́чер не запи́санную... И нике́м не забы́тую.

Все услы́шали слова́, кото́рые наве́гда оста́нутся в па́мяти наро́да на́шего, в па́мяти челове́чества:

«Да здра́вствует социалисти́ческая револю́ция!»

А. Кононов

Погоня

Было это, как сейчас помню, в тысяча девятьсот семнадцатом году. В июне месяце. Я тогда в броневых частях служил. Шофёром.

Раз ночью подъехал я к Таврическому дворцу — там наши солдатские делегаты заседали, — выключил мотор, стою жду. Велено мне делегатов своих привезти в казарму.

Кончилось заседание, а у меня уже и мотор урчит — заведён: садись, поехали! Тут ко мне подбегает председатель нашего дивизионного комитета, козыряет и, с места в карьер, заявляет:

— Даю тебе партийный приказ.

— Какой, — спрашиваю, — приказ?

— А вот какой. Сейчас двенадцать часов. Так?

— Правильно, двенадцать. А дальше что?

— А вот что. Через десять минут посажу я в твой шарабан¹ одного товарища. И куда товарищ скажет, туда и поедешь. Ясно?

— Чего яснее, — отвечаю. — А как того товарища фамилия будет?

Тут наш председатель чего-то рассердился, даже голос повысил:

— Отставить разговорчики! Получил партийный приказ — выполняй. И помни: если с тем товарищем что случится, — отправляйся сразу в Исаакиевский собор!

— Это к чему же мне в собор? — удивляюсь.

— Панихиду² по себе закажешь, вот к чему! Теперь понял?

Отрезал³ так и исчез.

Подивился я, однако жду. Мотор урчит. Вскоро-сти⁴ вижу, идёт наш председатель, с ним гражда-

¹ Шар а б а н — открытый экипаж; здесь так насмешливо названа машина.

² П а н и х и д а — церковная служба по умершим.

³ О т р э з а т ь — здесь: сказать коротко и вёско.

⁴ П р а в и л ь н о : в с к о р е .

нин — какой-то штáтский, в кéпочке. Подошли́ онí побли́же — я так и áхнул: штáтский-то — сам това́рищ Лéнин! Я ж его́ ви́дел и слы́шал. Он с балкóна дворцá Кшесýнской говорíл. Рáзве такóе забúдешь?!

Сел това́рищ Лéнин в машíну, прóсит вéжливо: — Пожа́луйста, това́рищ, на Мо́йку, а потóм — на Лíговку. Если мóжно — побыстрéе.

Тут рассказывать дóлго нéчего. Машíна у меня́ всегда́ в порядке. Пустя́к врéмени прошлó — мы ужé на Мо́йке. Там большеви́стская газéта «Прáвда» помещáлась.

Прóбыл Владíмир Ильич недóлгие минúты в «Прáвде», вы́шел, сел в автомобилё, и поéхали мы в друго́й конéц гóрода — на Лíговку.

Мне, конéчное дéло, интерéсно посмотре́ть лиш́ний раз на това́рища Лéнина. Вот я огля́дываю́сь и ви́жу вдруг: по пусты́нной úлице мчíтся за нáми машíна.

Поверну́л я нале́во, она́ — нале́во. Я — напра́во, она́ — напра́во. И огни́ на ней поту́шены, и на поворо́тах не сигна́лит. Не понра́вилось мне такóе дéло. Подпусти́л я ту машíну побли́же — ви́жу: офице́рё в ней сидíт. Дáже за рулём ю́нкер!

Вот нáчал я петля́ть по úлицам, а сам всё врéмя огля́дываю́сь — не отста́ли ли?..

Замéтил Владíмир Ильич, что я беспрестáнно огля́дываю́сь, полюбопы́тствовал:

— Вы, кáжется, това́рищ, спросíть меня́ хотíte о чём-то?

Я отвечаю:

— Посмотрите назад, товарищ Лёнин.

Владимир Ильич оглянулся, потом говорит:

— Ничего любопытного, кроме автомобиля, не вижу...

— За нами «духи» увязались, — поясняю.

— Какие «духи»?

— Обыкновенные, — говорю. — Офицеры из охраны Керенского. Не иначе, как за вами следят.

Тогда Лёнин говорит:

— Я не сомневаюсь, товарищ, что мы от них ускользнём. Я на вас надеюсь...

После таких слов, сами понимаете, что со мной стало. Рванул я машину так, что колёса земли не касались! В воздухе вертелись! «Только бы, думаю, тормоза не отказали. Иначе, на первом же повороте...» Ну, просто заledenел я весь от ужаса при такой мысли. Везу-то ведь Лёнина! Лёнина!

Перестал я оглядываться. На такой скорости оглянешься — одно железо от автомобиля останется. Слышу, вдруг Владимир Ильич говорит:

— Не отстают... А ну-ка нажмите ещё... Обставьте их...¹ Обязательно надо обставить!..

А я уже и так из машины выжал что можно. И хоть не оглядываюсь, но чую своим шофёрским нюхом — не могут они за нами угнаться. Не могут, а погони всё-таки не прекращают. Тарахтят где-то поблизости...

¹ Обставить — здесь: уйти от преследования.

Тут мы к Лীগовке подкатили. Сверну́л я сно́ва в какой-то переу́лок, ви́жу — посере́дке яма разры́та. И обнесена́ она́ жиденькой перегоро́дкой, на перегоро́дке — фона́ришко ту́скло коптит.

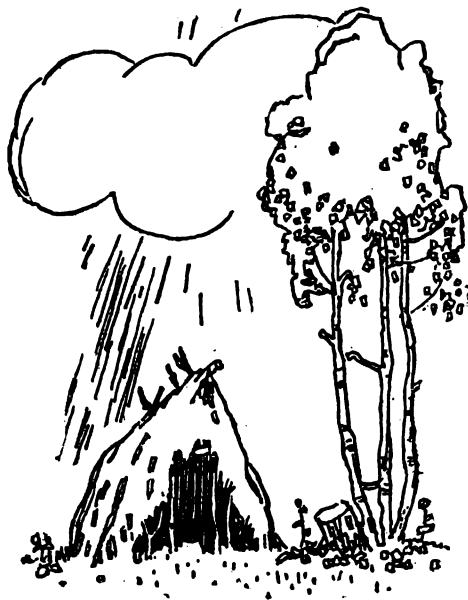
И пришла́ мне в го́лову одна́ мысль. Затормозил я маши́ну, вы́скочил, сшиб нога́й загоро́дку, заду́л фона́ришко. Потом — за руль, и — га́зу! Ну я́сно: ско́рости настоящей с ме́ста не возьме́шь. На вы́езде из переу́лка слы́шу — гро́хот. Так и есть! Угоди́ли охра́нники в я́му! На по́льном ходу́!

Завопи́ли ко́нтрики. Крича́т, о́хают, руга́ются! Шофёр гуди́т, дво́рники свистя́т! Ну, сло́вом, шум на весь Пи́тер. Ей-бо́гу!

Мы, коне́чно, до́лго слу́шать ту о́перу не ста́ли, — по́ехали на тре́тьей ско́рости как ни в чём не быва́ло. А когда́ вы́ехали на Лীগовку, реши́л я сно́ва посмотре́ть на Ле́нина. Огляну́лся, а он хохоче́т. Ну так хохоче́т, что и я не вы́держал — то́же засмея́лся.

Так мы, смея́сь, и до́ехали благополучно куда́ на́до. Во́время до́ехали. Без опозда́ния.

Н. Хо́дза

У озера Разлив

За Ленинградом есть станция Разлив. Недалеко от станции небольшое озеро... Весной, когда стает снег, озеро разливается, становится большим, затопляет луга. Потому и называется это место Разливом. Летом, к июлю, вырастает на лугах высокая трава. Наступает время косить её.

В такое время в 1917 году и приехал в Разлив Ленин. Теперь, после июльских дней, ему приходи-

лось скрываться от врагов, от шпионов Временного буржуазного правительства, политика которого была враждебна народу.

Владимир Ильич поселился за озером.

Ему приготовили жильё: в стогу сена расчистили место, куда можно было укрыться от дождя, — получился шалаш.

Но Владимиру Ильичу такая квартира не очень нравилась. Он пошёл в лес, нарубил крепких сучьев, наломал веток и устроил шалаш по-своему: неподалёку от большой берёзы воткнул сучья в землю, накрыл их сверху зелёными ветками и обложил со всех сторон сеном. Стало просторней.

Хозяйство у Владимира Ильича было небольшое: жестяной чайник, котёл, топор, пила и коса.

Начал Ленин жить в шалаше. Самое любимое его место было у большого пня среди зарослей ольхи. Ленин садился там, клал на пень листы бумаги и писал. Кусты закрывали его со всех сторон.

Каждый вечер появлялась на озере лодка. Это верный человек вёз Ленину новые газеты и письма из Петрограда. Владимир Ильич читал письма, внимательно просматривал газеты и всё, что его интересовало, отмечал синим карандашом.

Враги в это время искали Ленина, но не могли найти. В своих газетах они писали, что Ленин улетел на аэроплане за границу, что он скрылся в море на подводной лодке.

Ленин читал и смеялся:

— Вот шуты горюховые!

В то время очень трудно было с питанием, и у Лёнина иногда не было даже хлеба. Впрочем, Ильич часто и забывал про еду; вспоминал, что очень голоден, только тогда, когда ему приносили со станции завтрак.

Однажды разливские ребята поймали в озере большую щуку и принесли её в шалаш. Перед шалашом у Лёнина висел на колышках котелок. Ребята хотели сразу же сварить для Лёнина уху из щуки. Но Владимир Ильич остановил их:

— Постойте-ка! Сегодня у меня есть ещё хлеб и чай. А завтра на обед ничего нет: оставим-ка щуку к обеду.

Владимир Ильич косил траву, сушил сено, а перед дождём складывал его в стог. Однажды поднялась из-за леса огромная туча и закрыла половину неба. Владимир Ильич заторопился: начал складывать сено в стог. Молния разорвала тучи, загремел гром. Но, когда полил дождь, сено было уже собрано.

После дождя стало свежо, запахло цветами, влажным сеном, землёй. Засверкало на солнце озеро.

А уже поздно вечером к берегу причалила лодка.

Это приехал товарищ Орджоникидзе. Он шёл по тропинке среди кустов и не видел Лёнина. Когда Владимир Ильич вышел к нему из-за кустов, Орджоникидзе нахмурился: неизвестный какой-то человек... Откуда он? Зачем он бродит около жилья Лёнина?

Владимира Ильича действительно трудно было узнать: борода и усы у него были сбриты, кепка низко надвинута на лоб.

Лéнин поздорóвался, но Орджоникíдзе всё ещё не узнавáл его. Тогда Владíмир Ильич вéсело хлопнул его по плечу́:

— Что, товáрищ Сергó, не узнаёте?

Тóлько тепёрь Орджоникíдзе узнал Лéнина.

Онí пошлí в шалáш. Сергó приéхал из Петрогрáда передáть Владíмиру Ильичу́ вáжные вéсти. Не всё мóжно бýло писáть в пíсьмах. Письмó моглó попáсть в рúки врагóв íли предáтелей.

Дóлго говорíл в ту ночь Владíмир Ильич с товáрищем Сергó, а наúтро неожíданный гость уéхал. Он повёз с собóй отвёт и указáния Лéнина.

*

В концé áвгуста пошлí дождí. Любíмое мéсто Лéнина — средí ольхóвых кустóв — ужé не годíлось для рабóты. Пень стоял мóкрый, скóльзкий; он покрь́лся по крайм мёлкими грибка́ми и дáже как бýд-то распу́х.

Наступíла холóдная погóда. Центральнýй Комитёт пáртии организовáл переéзд Владíмира Ильичá из Разлívа в Финлýндию.

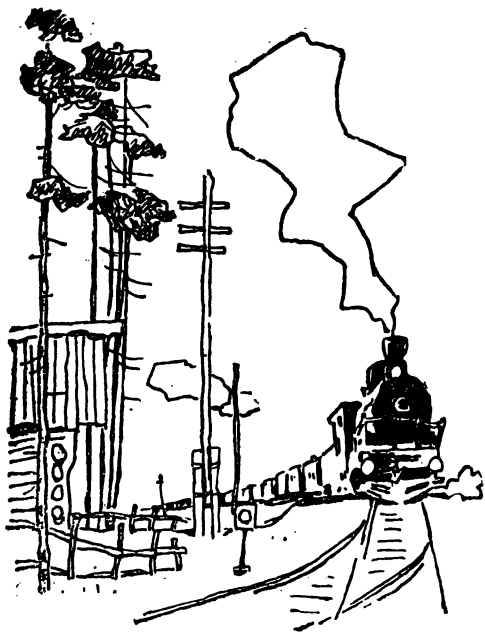
И шалáш опустёл. Лéнин уéхал.

Стоит тепёрь на том мéсте пáмятник — шалáш, вы́сеченный из гранíта.

Зáросли ольхí ужé стáли деревьями. Не вíдно тóлько большóй берёзы, но из её кóрня вы́росли три молóденькие, тóнкие берёзки — её дóчери.

А в остальнóм совсём не измени́лись эти местá, дорогíе сёрдцу кáждого совётского человекá.

А. Кóнонов

Кочегар поезда № 71

Ночью, в час дэсять минут, на стáнции Удэльной за Петроградом дóлжен был остано́виться пóезд № 71. С машинíстом это́го пóезда бы́ло усло́влено: он по-ста́вит паровóз немно́го дáльше, чем полага́ется, — в са́мом конце́ платфо́рмы, куда́ не дохо́дит свет элеќтрического фона́ря. Кочегáр сойдёт с паровóза, а его́ мéсто займёт Влади́мир Ильи́ч.

Машинист поезда № 71 никогда не видел Ленина.

А если бы и видел, всё равно теперь не узнал бы: борода у Ленина была сбрита, лоб закрыт накладными волосами — париком. Поверх парика был надет чёрный картуз.

Но, когда поезд остановился и кочегар соскочил в темноте на землю, Владимир Ильич так уверенно поднялся по лесенке на паровоз, что машинист даже ничего не спросил: ясно было, что это и есть Ленин.

Место кочегара занял Владимир Ильич.

Паровоз отапливался дровами. Дрова были сырые. Их надо было подбрасывать в топку понемногу, чтобы огонь горел ровно.

Владимир Ильич отыскал на стенке гвоздик, повесил на него пальто, засучил рукава и принялся за работу.

Он кидал дрова в топку, ворошил горящие головешки.

Машинист всё оборачивался и смотрел с удивлением на Владимира Ильича.

Новый кочегар справлялся с работой без всякой посторонней помощи.

Так доехали до станции Белообстров. Тут проходила граница.

Дальше начиналась Финляндия.

У всех пассажиров начали проверять документы. Обскакивали весь поезд.

Машинист бегом спустился по лесенке, подбежал к составу и отцепил паровоз. Потом погнал его к водокачке — набирать воду. А набирал её не спеша.

Уже удáрил на стáнции трéтий звонóк, а паровóз всё ещё стоял у водокáчки.

К машинíсту бежáл, задыхáясь, глáвный кондúктор и показывал на свой свистóк: сейчáс отправлéние! Тогда машинíст бýстро подъéхал к пóезду и прицепил паровóз. Глáвный кондúктор дал свистóк.

На стáнции стоял офицёр и глядёл на машинíста. И, вíдно, чтó-то сообразíл: он махнóл комú-то рукой. К паровóзу побежáли солдáты...

Но паровóз уже рванóл с мéста и помчáлся вперёд.

А. Кóнонов

Ночь в Лесном

В Петрограде тщательно готовились к восстанию. Чтобы выяснить готовность партийных организаций, решено было на шестнадцатое октября собрать секретное заседание Центрального Комитета с активом. Но где его провести? В каком помещении?

Вспомнили, что председателем Лесновской думской управы стал активный деятель большевистской

пáртии Михаи́л Ива́нович Кали́нин. Нельзя́ ли воспользоваться помещением? Дом Ду́мы располо́жен на окра́ине Вы́боргской стороны́, он скрыт от посторонних взглядов деревьями па́рка и о́чень удо́бен для конспирати́вного заседа́ния.

*

Шестна́дцатого октября́ Михаи́л Ива́нович Кали́нин вы́звал к себе́ рабо́тницу заво́да «Айва́з» Ка́тю Алексе́еву, кото́рую он посели́л вме́сте с ма́терью в помещении́ упра́вы, что́бы импе́ть под руко́й своих люде́й.

— Ка́тя, — сказа́л он, — ко мне се́годня ве́чером соберу́тся това́рищи... Заседа́ние о́чень ва́жное. На́до быть начеку́. Входных́ дверей́ не запира́й и сама́ никуда́ не уходи́.

— Хорошо́, — отве́тила Алексе́ева. Она́ по-хозяйски огляде́ла большо́й кабинéт и, уви́дев в углу́ на сту́ле како́ю-то си́нюю ткань, спроси́ла: — А э́то заче́м?

— Ну́жно бу́дет заве́сить о́кна, — отве́тил Михаи́л Ива́нович. — У тебя́ никако́й мате́рии нет? Здесь мало́вато.

— Есть же́лтая.

— Же́лтая не годи́тся. На́до найти́ что́-нибудь друго́е.

В Лесно́вской ду́ме прие́м посети́телей за́канчивался в четы́ре часа́. Так бы́ло и в э́тот день: к пяти́ часам помеще́ния опустели́, то́лько наверху́ поскри́пывало крэ́сло Михаи́ла Ива́новича,

Звонок был очень громкий и мог привлечь внимание дворника. Чтобы проходящие не звонили, Катя закрепила защёлку замка и, оставив дверь чуть приоткрытой, стала из окна поглядывать на аллею, идущую от ворот к главному подъезду.

Весь день погода была по-осеннему дождливая и пасмурная.

К вечеру поднялся ветер. С раскачивающихся и шумящих в саду деревьев облетали последние листья. Они кружились и падали в лужицу у освещённого входа.

«Надо погасить лампочку, а то дворник заметит, что много народу входит», — подумала Алексеева.

Она выключила свет не только у входа, но и во всех комнатах первого этажа.

Сад сразу погрузился во мглу. Катя даже не могла разглядеть главную дорожку. Лишь постепенно её глаза привыкли к темноте.

Она сидела в тёмной прихожей и ждала. Ждала долго. Но вот наконец стукнула калитка. В аллее появилось двое мужчин. Они шли уверенно — значит, свой.

Катя поднялась навстречу. Пришедшие спросили, как пройти к Михайлу Ивановичу. Она молча показала на лестницу.

Теперь через каждые пять минут в аллее кто-то появлялся. Стараясь не стучать тяжёлыми, набухшими от грязи сапогами, поднимались наверх и там снимали свой пальто и плащи.

Наверху у Михаила Ивановича уже собралось че-

ловѣкъ вѣсьмь, и в ѳто время, как назло, на кѣхню ввалился двѣрник. Старик любил вечерами покалякать¹ с матерью Катя. Его нужно было немедленно спровадить². Двѣрник мог сболтнуть кому-нибудь о ночном засѣданьи в Думе.

Катя, бросив следить за входной двѣрью, убежала в кѣхню.

*

Связной Эино Рахья зашел за Владимиром Ильичем в седьмом часу. Уже стемнело. Моросил мелкий осенний дождь. Порывами дул шквалистый ветер.

На одном из перекрестков с Владимира Ильича сорвало шляпу и парик. Шляпа покати́лась по мокрой панели. Ее с трудом поймали. К счастью, никого из прохожих вблизи не было. Владимир Ильич быстро вытер носовым платком парик и глубоко натянул его на голову, а Рахья встряхнул и очистил шляпу.

У Му́ринского проспекта их ждал Александр Шотман. Он провёл их в тёмный переулочек и сказа́л:

— Подождите тут, а я погляжу: нет ли кого подозрительного?

Всматриваясь в темноту, он пробрался к дому районной Думы, поднялся наверх и, узнав, что собралось только человек десять, вернулся к Ильичу и сказа́л:

— Рановато ещё, не все явились, лучше здесь подождать.

Они прошли по тёмному и пустынному переулку

¹ Покалякать (разговорное) — поговорить.

² Спровадить — удалить кого-нибудь, избавиться от кого-нибудь.

ку и, вернувшись назад, послали на разведку Рáхью. Тот пропада́л мину́т де́сять и, вернувшись, шепну́л:
— Пошли́.

Втроём они́ пробрались через чёрный ход в дом, поднялись на второ́й эта́ж и остано́вились в ко́мнате. Здесь Влади́мир Ильи́ч снял с себя́ очки́, пари́к и спря́тал их в карма́ны пальто́.

В зал заседáний он вошёл в своём обы́чном ви́де. Товáрищи, не ви́девшие Ильичá с ле́та, ра́достно ки́нулись пожимáть ему́ ру́ки. Они́ окружи́ли его́, засы́пали вопро́сами. Влади́мир Ильи́ч улыба́лся и отшү́чивался. Он также был рад ви́деть их невредíмыми.

*

Дво́рник не торопя́сь наби́л тру́бку. Он, ви́димо, намерева́лся просиде́ть на кúхне весь ве́чер. Ка́тя попро́сила мать заня́ться сти́ркой, а сама́ заняла́сь убóркой.

Дво́рник, ви́дя, что сегодня́ ему́ не́ с кем бу́дет посудáчить¹, огорчённо раскури́л тру́бку и, кряхтя́, подня́лся.

— Пойти́ спать, что ли? — ни к кому́ не обраща́ясь, спроси́л он.

В это́ время наверху́ задвигали сту́льями. Дво́рник прислу́шался.

— Чего́ это́ сегодня́ в Ду́ме? — поинтересова́лся он.

— А ну их, рабóтать оста́лись... Ушли́ бы скорей,

¹ Посудáчить — поболта́ть о том о сём.

а то опять придётся убирать ночью, — проворчала Катя.

Она проводила старика до дверей и, убедившись, что он поплёлся к себе, вернулась к главному подъезду. Дверь оказалась захлопнутой на замок. «Значит, все собрались», — решила она, и ей стало вдруг неспокойно.

«А что, если кто-нибудь проследил, как они собирались, и сейчас прячется в тёмном саду?»

На всякий случай она приоткрыла в первом этаже окно, через которое товарищи могли выпрыгнуть в глухой угол сада и через забор скрыться в переулке.

Сверху послышался шум отодвигаемых стульев. «Доклад кончился, — подумала Катя, — надо бы им чайку горячего, ноги-то у всех, наверное, промóкли на такой погоде».

Она вернулась в кухню, поставила чайник на плиту и ещё раз прошлась по пустым и тёмным комнатам.

На улице бушевала непогода, выл ветер. Чёрные ветки кустов скребли стёкла окон. Всякие страхи лезли в голову — казалось, что за каждым кустом притаился враг.

Катя осторожно обошла комнаты нижнего этажа и, убедившись, что никого здесь нет, вернулась на кухню и стала разливать чай.

В те дни настоящий чай был большой редкостью. Только для Президиума Думы выдавался небольшой пакетик. Чай берегли, но Катя на свой риск решила заварить его собравшимся товарищам. Она приготовила душистый крепкий настой и наполнила им ста-

каны. Са́хару у неё бы́ло то́лько не́сколько кусо́чков. Ка́тя положи́ла са́хар в три и́ли четы́ре стака́на, взяла́ подно́с и осто́рожно понесла́ его́ наверху́.

Ле́стница скрипе́ла, Ка́тя стара́лась лёгче ступа́ть. Она́ прошла́ по те́мному коридору́ и остано́вилась у двере́и. Из ко́мнаты доно́сился че́й-то бас:

— Ору́жия у нас малова́то, Влади́мир Ильи́ч. А вооб́ще — на железнодо́рожников мо́жно рассу́читывать, не подве́дем...

«Влади́мир Ильи́ч... Ле́нин здесь, — обра́довалась Ка́тя. — Зна́чит, заседа́ние о́чень ва́жное».

Она́ постоя́ла немно́го и, как то́лько железнодо́рожник ко́нчил говори́ть, толкну́ла дверь и вошла́.

В ко́мнате бы́ло полуте́мно: горе́ла лишь вися́чая ла́мпа. Влади́мир Ильи́ч находи́лся в да́льном углу́ за ма́леньким сто́ликом. Вокру́г него́ сиде́ли и стоя́ли у стены́ това́рищи. Все о́чень обра́довались, уви́дев на подно́се дымя́щиеся стака́ны.

— То́лько без са́хару, — виновато́ сказа́ла Ка́тя.

— Ниче́го, ниче́го, у нас свой са́хар есть, — шу́тливо отве́тил кто́-то.

Со всех сторо́н ру́ки потяну́лись к стака́нам.

Несмотря́ на то что на всех ча́ю не хвата́ло, Ка́тя всё же успе́ла убере́чь о́дин стака́н с са́харом. Сму́щаясь, она́ поста́вила его́ перед Ле́ниным.

Ка́залось, что, за́нятый свои́ми мы́слями, Ильи́ч не заме́тит э́той ма́ленькой услу́ги, но он улы́бнулся Ка́те и поблагодарил её.

— Я вам ещё́ принесу́, — сказа́ла она́ и, ра́достная, побежа́ла вниз за но́вой пор́цией ча́ю.

Заседание становилось всё более шумным. Алексеева решила проверить, не виден ли со двора свет и не слышно ли; о чём говорят.

Накинув на себя платок, Катя вышла во двор.

Теперь уже шёл не дождь, а снег. Дорожка стала скользкой. С севера порывами дул ветер. Всё заволочла такая тёмность, что в пяти шагах ничего нельзя было разглядеть.

Катя остановилась под окнами и прислушалась. Сверху доносились голоса, но о чём говорилось, понять было трудно. Окна были завешены хорошо, только в одном месте через узенькую щёлку проникала бледная полоска света. Катя, осторожно шагая, обошла вокруг дома.

Нигде никого. Даже сердитый сторожевой пёс спал, забившись в свою конуру.

Катя надумала оглядеть дом с улицы, вышла за калитку и пошла вдоль ограды. На углу она остановилась, прислушалась. Улица казалась вымершей, только впереди мелькнула и будто прижалась к забору какая-то тёмная фигура. Кате сделалось страшно. Она чуть ли не бегом вернулась назад, захлопнула тяжёлую, набухшую калитку и с колотящимся сердцем стала вслушиваться, не гонится ли кто за ней.

И вдруг до неё донёсся отчётливый голос Володарского. Горячась, он говорил громко, словно выступал на большом митинге.

Катя поспешила в дом, поднялась по лестнице и распахнула дверь. Михайл Иванович, видя, что она

задыхаётся и не может выговорить слова, в тревоге спросил:

— Что случилось?

— Нельзя говорить громко, на улице слышно.

Сразу раздалось несколько голосов:

— Тихе!

— Спокойней, товарищи, не горячиться.

Но голоса всё же повышались. Катя всё время сновала вокруг дома, вслушиваясь в вой ветра и всматриваясь в темноту.

«Скоро начнёт светать, — подумала она. — Не забыли ли они об опасности?»

Катя пошла предупредить товарищей. Затянувшееся собрание уже кончилось, но люди почему-то не расходились.

Катя разыскала Лёнина. Он ходил по коридору у лестницы, беседуя с каким-то военным.

— Владимир Ильич, светает, — робко напомнила девушка. — Вам бы уйти пораньше.

Ильич, как бы недоумевая, посмотрел на Катю, потом, поняв, о чём она говорит, устало провёл рукой по лицу и заспешил:

— В самом деле, пора, товарищи!

В пустующей комнате Владимир Ильич надел на себя парик, очки и, став похожим на старика букиниста¹, ушёл из дому с молчаливым Рахьей.

¹ Букинист — торговец редкими, старыми книгами.

На мосту

Восста́ние нача́лось но́чью.

Но́чь была́ че́рная, гро́зная. Фона́ри на у́лицах не го́рели. На Не́ве те́мной грома́диной ви́сился боль-шеви́стский кре́йсер «Аврора». Огни́ на нём были́ пога́шены, а ду́ла ору́дий пове́рнуты к Зи́мнему дво́рцу́.

В темноте́ раздава́лись дале́кие ви́стрелы, треща́-ли мото́циклы, с гро́хотом носи́лись по мостово́й гру-

зовики; на них стояли с винтовками солдаты и матросы.

Горели костры на улицах. Красногвардейцы грелись у огня, негромко переговаривались, ждали приказа наступать. Отряды вооружённых рабочих к этому времени уже заняли все мосты через Неву.

На одном мосту стоял молодой петроградский рабочий Андрей Крутов. Вместе с ним охраняли мост ещё восемь бойцов — красногвардейцев и матросов. Командовал ими старый большевик, которого все они звали Василием Ивановичем.

Два раза за ночь мост обстреливали юнкера, но красногвардейцы отогнали их выстрелами, не сходя с места. Через мост можно было пройти только по особым пропускам.

Но у одного человека пропуска не было, и всё-таки его пропустили. Когда он подошёл близко к заставе, Василий Иванович шагнул к нему с револьвером в руке и спросил строго:

— Ваш пропуск!

Человек остановился и отогнул поднятый воротник пальто. Щёка у него была туго обвязана платком. Он негромко сказал что-то Василию Ивановичу. Тот посторонился и взял под козырёк. Человек с подвязанной щекой прошёл быстрыми шагами мимо Андрея на мост и скрылся в темноте.

А начальник заставы вернулся на своё место, стал рядом с Андреем. Он не сказал ни слова и всё поглядывал в ту сторону, куда ушёл незнакомец. Там, за рекой, по временам глухо гремели выстрелы.

Наконѣц Крутов не вытерпел и спросил:

— Что ж, показал он тебе пропуск?

Василий Иванович ответил медленно:

— Нет. Он не успел его получить. Он скрывался всё время... Сперва в Финляндии, потом здесь. А сейчас вот идет в Смольный.

Потом добавил, и Андрею почудился в его голосе страх:

— Подумать только: он прошел сюда мимо вражеских отрядов. Его ж могли... ты понимаешь, его могли убить!

В первый раз слышал Андрей, что его командир говорил таким голосом.

Он заглянул Василию Ивановичу в лицо и спросил:

— Да кто это был?

И командир красногвардейской заставы ответил:

— Владимир Ильич Ленин.

А. Кóнонов

Началось

Двадцать четвёртого октября, в день восстания, Влади́мир Ильи́ч с утра́ стал волноваться. Он знал, какие си́лы со́браны, куда́ бу́дут напра́влены, и всё же не мог споко́йно ждать: «Решительно ли там де́йствуют това́рищи?» Хотéлось ежемину́тно знать, как развива́ются собы́тия.

Утром он не́сколько раз посыла́л Маргариту Ва-
си́льевну в Вы́боргский райко́м па́ртии и проси́л при-

глядываться ко всему происходившему на улице, чтобы по внешним признакам определить состояние дел.

Но что ему могла рассказать Фёфанова? Вторник — день будничный. По-обычному работали учреждения и предприятия, открыты были магазины, парикмахерские, кинематографы. Разве только трамваи ходили хуже да больше сновало на улицах военных.

Днём стало известно, что разведён Николаевский мост. Маргарита Васильевна, служившая на Васильевском острове, сделала большой крюк, чтобы пройти на Выборгскую сторону по Гренадёрскому мосту. Все остальные проходы были закрыты.

Через Неву пешеходов перевозили на яликах лодочники.

Владимир Ильич, заложив руки за спину, возбуждённо расхаживал по коридору без парика.

— Ну, как в городе? Что творится? — встретил он хозяйку.

Но Маргарита Васильевна не могла дать вразумительных ответов. Она видела только вооружённых людей и ни от кого, конечно, не могла узнать, с какой целью и по чьему приказу разведены мосты на Неве.

— Не раздевайтесь, пожалуйста, — попросил Ильич. — Отнесите в райком записку.

Это было письмо, предназначенное Центральному Комитету. Придя в Выборгский райком, Фёфанова отдала его товарищам. Те, видимо, связались со

Смóльным, потому́ что вско́ре сообщи́ли: Центра́льный Комите́т не разреша́ет Ильичу́ покида́ть кварти́ру.

— Не разреша́ют?.. — удиви́лся Ильич. — Чего́ же о́ни бо́ятся за меня́? Вот чу́даки! Нет, я так не оста́влю. Их на́до переубеди́ть.

Влади́мир Ильич торопли́во написа́л о́чень корóткую, но, ви́димо, ре́зкую запы́ску, потому́ что, когда́ Фо́фанова пришла́ в райко́м и передала́ её секретарю́, то из ко́мнаты, где шло заседа́ние, вы́шла обеспоко́енная Наде́жда Константи́новна.

— Влади́мир Ильич о́чень гнева́ется? ¹ — спроси́ла она́.

— О́чень.

— И всё́ же переда́йте ему́: пока́ ещё́ нельзя́ выхо́дить, пусть жде́т.

Верну́вшись, Маргарита Васи́льевна в то́чности передала́ отве́т и сра́зу почувствовала, что Ле́нин недово́лен.

— Иди́те к ним сно́ва! — попроси́л он. — Нельзя́ жда́ть, мо́жно потеря́ть всё́.

— Хорошо́, я пойду́, — согласи́лась Фо́фанова, — но то́лько при о́дном усло́вии: вы должны́ сесть за стол и пообе́дать. Я гото́вила, стара́лась, а вы да́же попрóбовать не хоте́те...

Влади́мир Ильич улы́бнулся:

— Хорошо́, я поём, но вы обяза́тельно ещё́ раз сходите́. Я сейча́с напишу́ в ЦК.

¹ Гне́ва ться — се́рдиться, возбу́щаться, негодова́ть.

Он ушёл, а Маргарита Васильевна поспешила на кухню разогреть обед.

«Товарищи! — быстрым почерком вывел на бумаге Ильич. — Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Закончив письмо, он вынес его на кухню и поторопился хозяйку:

— Отнесите и возвращайтесь поскорее. Если к одиннадцати часам не вернётесь, волен действовать сообразно своему разумению¹.

Фófанова ушла и долго не возвращалась. Вместо неё в дверь постучал Эино Рáхья. Владíмир Ильич обрадовался гóстю. Он пригласил его поужинать и начал расспрашивать о том, что делается в центре гóрода.

Но что мог рассказать Рáхья? Он ведь не был членом Военно-революционного комитета. Обо всём знают лишь в штабе революции — в Смóльном.

У Рáхьи было два пропуски в Смóльный. Но как сейчас туда доберёшься? Трамваи не ходят, а пешком далеко — вёрст десять будет.

— Ничего, как-нибудь доедем, — успокоил его Владíмир Ильич.

Он написал записку Фófановой и стал одеваться. Без маскировки выходить Ильичу было опасно. Пришлось надеть парик и очки, повязать щеку платком,

¹ Действовать сообразно своему разумению — действовать так, как сам найдёт нужным.

как это делают, когда болят зѹбы, и на го́лову надѣть старую, завалѣвшуюся кѣпку.

— Ну дово́льно маскирова́ться — в путь! — наконец сказа́л Влади́мир Ильи́ч. — Тушите свет.

Ра́хья загаси́л ла́мпу. Онѣ вы́шли на ле́стницу и спусти́лись вниз.

Улицы бы́ли безлю́дны. В парк спешѣл послѣдний трамва́й. Влади́мир Ильи́ч нагна́л его́ и вскочи́л на подно́жку. Ра́хья едва́ успѣл прицепи́ться ря́дом.

В ваго́не пассажи́ров не́ было. Влади́мир Ильи́ч сел напра́отив кондѹ́кторши и нача́л расспра́шивать её, куда́ иде́т трамва́й. А та с трево́гой погля́дывала в темноту́ за о́кнами.

— Молчи́те, — шепну́л Ра́хья. — Если она́ когда́-либо слы́шала ваш го́лос, узна́ет.

Но Влади́мир Ильи́ч не унима́лся.

— В парк е́дете? — допы́тывался он у кондѹ́кторши.

Той, ви́димо, надо́ели расспро́сы пассажи́ров, и она́ серди́то бу́ркнула:

— В парк.

— А почему́?

— А ты кто тако́й, что тебе́ всё на́до знать?

— Рабо́чий.

Кондѹ́кторша с недо́верием огляде́ла пассажи́ра и сказа́ла:

— То́же мне рабо́чий! «Куда́», «почему́»! — передрани́ла она́. — Или не чу́ешь, что де́лается? Буржу́ев битъ бу́дем, вот куда́ е́дем!

Её отве́т Влади́миру Ильичу́ о́чень понра́вился.

Дли́нная и пряма́я у́лица то́чно вы́мерла. Ворóта до́мов бы́ли на́глухо за́перты. Впе́реді — ни двóрников, ни пешехо́дов. Каза́лось, никако́й опа́сности до са́мого Смо́льного бо́льше не бу́дет. Но вдруг из-за угла́ показáлись двóе верховы́х. Онí проскака́ли ми́мо и о чём-то на́чали перегова́риваться. Это бы́ли юнкера́ артиллерийского учы́лища.

— Иди́те бы́стрей впе́ред, — шепну́л Ра́хья Влади́миру Ильичу́. — А я их задержа́ю.

Юнкера́ действительно поверну́ли наза́д и, догна́в Ра́хью, остано́вили его́:

— Прóпуск!

— Како́й тако́й прóпуск? — сло́вно не понима́я, пья́ным го́лосом допы́тывался Ра́хья.

А Влади́мир Ильич тем вре́менем уходíл все́ да́льше и да́льше.

— Прóпуск, и́ли...

Юнкер замахну́лся нага́йкой.

— А ну, дай, дай! Если ты тако́й лóвкий! — пока́чиваясь, пья́но вы́крикнул Ра́хья и, засу́нув одну́ ру́ку в карма́н, где был револьве́р, вызыва́юще шагну́л к коню́.

Конь пугли́во ша́рахнулся в сто́рону.

— Брось э́того пья́ницу! — трусли́во сказа́л второ́й верхово́й.

— Ну его́ к шу́там... по́ехали!

Юнкер хлестну́л нага́йкой по во́здуху и, кру́то поверну́в ло́шадь, поскака́л за това́рищем к Лите́йному проспекту́.

Шпалёрная кончилась. Вот показалось длинное здание Смольного. Все окна бывшего Института благородных девиц ярко сияли. Под деревьями виднелись броневики, горели костры. Значит, штаб действует!

У центрального входа толпились приехавшие из дальних губерний делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Оказалось, что меньшевики, засевшие в мандатной комиссии¹, в последний час изменили цвет пропусков: вместо белых они выдали своим сторонникам красные и строго приказали часовым пропускать делегатов только с новыми мандатами.

Собравшиеся шумели, ругались.

Какой-то рабочий, потрясая своим белым пропуском, спрашивал:

— То есть как не пропустите?.. Делегата задержите?

И он напирал грудью на растерявшихся часовых. Стоявшие рядом поддержали его:

— Что за безобразие! Напугают, а потом не пропускают. А ну, посторонитесь!..

И толпа хлынула в вестибюль², увлекая за собой и Владимира Ильича.

Поднимаясь по лестнице, он смеялся:

— Где наша не берёт!

¹ Мандатная комиссия — комиссия, выдающая или проверяющая мандаты — официальные удостоверения.

² Вестибюль — помещение при парадном входе в здание.

Владимир Ильич поднялся на третий этаж, прошёл в комнаты Военно-революционного комитета.

Товарищи сразу же доложили ему, как действуют революционные отряды по разработанному им плану.

В эту ночь Красной гвардией были захвачены важнейшие пункты в городе: вокзалы, банки, мосты, телефонная и телеграфная станции. В Смольный то и дело прибывали связные с радостными вестями о вновь занятых мостах, налаженных переправах, об удачном продвижении к последнему убежищу Временного правительства — Зимнему дворцу.

К рассвету весь город был в руках восставших. Временное правительство владело лишь площадью Зимнего дворца и частью прилегающих улиц.

Владимир Ильич, почти не отдыхая, к утру написал обращение ко всем гражданам России.

Восстание в Петрограде победило, и государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета.

Впервые в истории восставшие воспользовались радио и передали своё обращение по эфиру всем народам.

В то же утро Владимир Ильич пришёл на непрерывавшееся уже более суток заседание Петроградского Совета.

Матросы, рабочие и солдаты, увидев похудевшего, с ещё не отросшей бородкой, родного Ильича, восторженно встретили его бурными аплодисментами и криками «ура».

Вождь пролетариата, взо́дя на трибу́ну, дождался тишины́ и я́сным, грóмким го́лосом сказа́л:

— Товáрищи! Рабо́чая и крестья́нская револю́ция, о необходи́мости кото́рой всё вре́мя говори́ли большеви́ки, соверши́лась!

На друго́й день Влади́мир Ильи́ч Ле́нин был избра́н на Всеросси́йском съезде́ Председа́телем Совета́ На́родных Комисса́ров.

П. Ка́пица

В СМОЛЬНОМ

Из далёкой сибірской деревни ёхал в Петроград старик крестьянин. В дороге он всем рассказывал, что ёдет к Лёнину. Ему надо поговорить с Лёниным о крестьянской жизни.

Долго старик был в пути. Наконец приёхал в Петроград.

Глядит, на улицах стоят рабочие с винтовками.

Прошёл с музыкой полк солдат; впереди полка несли громадное красное знамя.

Старик подошёл к красногвардейцу и спросил:

— Это как следует понимать?

Тот ответил:

— А так: теперь у нас — Советская власть.

Пошёл старик по улице, стал расспрашивать, где найти Лёнина.

Говорят:

— В Смольном.

Долго шёл он через весь город и пришёл к громадному дому.

Около дома горели костры, стояли пулемёты. У пулемётов прохаживались матросы и солдаты.

Это и был Смольный.

Понравился старику один молоденький матрос. Он всё постукивал каблукáми о мостовую, похлопывал рукой об руку — грелся: было холодно, с моря дул сильный ветер.

Старик сказал ему:

— Мне бы Лёнина повидать...

Матрос оглядел его с ног до головы и спросил:

— А тебе зачем надо к Лёнину?

— Пришёл рассказать ему про свою жизнь.

— Иди, старик, к коменданту за пропуском, — сказал матрос и показал, куда идти.

На лестнице стояла очередь к коменданту. Широкие ступеньки были скользкие, грязные — видно, много народа прошло по ним за день.

Комендант писал пропуска медленно: рука его

привыкла к винтовке, перо он держал всеми пятью пальцами, неуверенно, с опаской. Получил у него старик пропуск, пошел искать Ленина.

В первом этаже Смольного рабочие и матросы получали оружие. Они поодиночке подходили к высокому веселому солдату, брали винтовку и патроны, расписывались и выходили во двор. Там стрелились в отряды и уходили.

Где-то далеко гроыхали пушки: под Петроградом шли бои.

Старик спросил высокого солдата, где Ленин.

Солдат улыбнулся и ответил:

— В тридцать шестой комнате.

У дверей тридцать шестой комнаты стояли на часах¹ два красногвардейца: старый усатый рабочий в черном пальто и молодой парень в полушубке.

Старик сказал им:

— Мне бы Ленина повидать.

Усатый рабочий поглядел на старика и сказал:

— Ступай прямо по коридору. Ленин в большом зале будет выступать.

Только тут старик заметил, что все шли по коридору в одну сторону. Он пошел туда же и увидел в конце коридора белые, широко раскрытые двери. В дверях толпился народ.

Старик стал пробираться вперед. И только протиснулся² в зал, как раздался страшный шум. Старик

¹ Стоять на часах — стоять в карауле, на посту.

² Протиснуться — с трудом пройти, пробраться сквозь толпу.

не сразу понял, в чём дело. Пригляделся: кругом кричат, хлопают, машут шапками. И народ в этом нарядном зале всё больше простой: в шинелях, в полуботках, в матросских бушлатах.

И все кричат:

— Ленин! Лени-и-ин! Ленин!

Старик приподнялся на цыпочки и увидел в другом конце зала Ленина.

Владимир Ильич стоял на небольшом возвышении. Он ждал, когда стихнут крики. Потом поднял руку — требовал тишины.

Но зал шумел, не утихал:

— Ленин!.. Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич нахмурился. Потом не выдержал — улыбнулся. Крики усилились ещё больше.

Ленин развёл руками. Подождёт немножко. И опять поднял правую руку. Потом, видно, решил не обращать больше внимания на шум, склонился вперёд и начал говорить. И тогда сразу в зале стало тихо.

— Товарищи! — сказал Ленин. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась...

Ленин говорил о новой жизни, о Советской власти, о том, что войну надо кончать, что земля будет отнята у помещиков и отдана крестьянам.

Старик слушал. Каждое слово Владимира Ильича было ему понятно.

Кончил Ленин речь. Старик вспомнил о своей деревне: надо там рассказать о ленинских словах. И он

пошёл по коридору — искать широкую лестницу, что ведёт на улицу.

Кто-то окликнул его. Это был молодой матрос, который стоял раньше около Смольного.

— Ну что, папаша, говорил ты с Лениным про свою жизнь? — спросил он, засмеявшись.

— Нет, — ответил старик. — Это Ленин говорил со мной про мою жизнь.

А. Кóнонов

Гражданин Российской республики

Жил Дани́лка в подв́але вы́сокого до́ма в Пíтере, на Лите́йном. Родíлся здесь Дани́лка, вы́рос и всех жильцо́в знал напeречёт и в ли́ца.

Пёрвый эта́ж занима́ла графи́ня Щербáцкая. На второ́м — ко́мнаты кня́зя Пирого́ва-Пища́ева. Ещѐ эта́жом вы́ше — та́йный сове́тник Горóхов. А на са́мом верху́ — ста́тский сове́тник¹ Арда́тов. Жильцы́

¹ Та́йный сове́тник, ста́тский сове́тник — гражда́нские чинны́ в дореволюцио́нной Росси́и.

все именьтые, разных важных чинов и званий. И лишь Данилкин отец, Данилкина мать да и он сам, Данилка, из простого народа.

Много разного было за последние дни, с той поры как произошёл революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принёс Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну, — проговорил, — отныне ты гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики — не совсем ему понятно.

— А это важнее, чем статский советник? — спрашивает он у отца.

— Важнее, — улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше, — смеётся отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к друзьям своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое, — зачастил мальчик, — важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской республики!

В газéтах про ёто написано. Сам Владíмир Улья́нов-Лéнин декрёт подписа́л!

Побежа́л Дани́лка да́льше, встрéтил Лю́бу Қозу́лину.

— А у меня́ зва́ние вы́сокое-вы́сокое, ва́жное-ва́жное...

Мно́гих повстреча́л в ётот день Дани́лка и всем про одно́ и то же. Наконéц утомíлся, сел во́зле до́ма.

Сидíт, ду́мает; и отку́да ёто Улья́нов-Лéнин узна́л про него́, Дани́лку? Кто бы ёто мог Лéнину расска́зать? Ду́мает и вдруг ви́дит: мчит к нему́ ры́жий Ки́рюха. Подлетéл Ки́рюха, перевёл дыха́ние и срáзу же:

— Зна́ешь, кто я? Я — гражда́нин Росси́йской респуб́лики!

Дани́лка да́же икну́л от неожíданности.

— Како́й же ты гражда́нин? — произнёс он с насмéшкой. — Это я гражда́нин. Это про меня́ в газéтах написа́но.

— Про тебя́! — присви́стнул Ки́рюха. — Стáнут на тебя́ изводи́ть бума́гу.

Сжа́лись от оби́ды в кулаки́ Дани́лкины ру́ки. Подступи́л он к Ки́рюхе. Вы́брал момéнт и — раз!

Начала́сь дра́ка.

— Я — гражда́нин!.. — пыта́ется перекрича́ть Дани́лка Ки́рюху.

— Нет, я — гражда́нин!.. — вопíт на всю у́лицу ры́жий Ки́рюха.

Проходи́л в ёто вре́мя по у́лице рабо́чий па́рень.

Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чём дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полёз в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрёт об уничтожении сословий и гражданских чинов», — прочли они заголовок. А далее сообщалось о том, что всякие звания: дворянин, купец, мещанин, а также все важные титулы: князь, граф, тайный советник, статский и прочие — уничтожаются и устанавливается одно, общее для всего населения России название — гражданин Российской республики.

Вниз шла подпись: «Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

— Так что, выходит, вы оба правы, — заявил парень. — И ты гражданин Российской республики, — показал он на Данилку, — и ты, — показал на Кириуху, — и я — все теперь граждане Российской республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни друзей его, ни приятелей — всех вспомнил. Молодец Ленин!

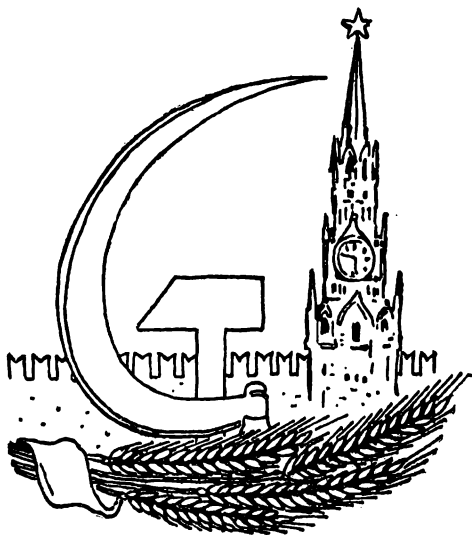
Зато графине Щербáцкой, князю Пирогову-Пищáеву, тайному советнику Горóхову и статскому советнику Ардáтову, видимо, ленинский декрет не

В. Серов. В Смольном.

понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо!
Ну и скатертью дорога! Поселились в высоком доме
на Литейном новые люди, такие же простые, как Да-
нилкины мать и отец, — рабочие люди. Они стали не
только гражданами, но и хозяевами всей страны.

Сергей Алексеев

Советский герб

Всё создавалось заново в нашей стране. И государственный герб тоже нужен был новый, какого ещё никогда не существовало в истории народов, — герб первого в мире государства рабочих и крестьян.

В начале 1918 года мне принесли рисунок герба, и я тотчас же понёс его Влади́миру Ильичу.

Влади́мир Ильич в это время был у себя в кабинете и беседовал с Яковом Миха́йловичем Свердло-

вым, Фэликсом Эдмундовичем Дзержинским и ещё целой группой товарищей. Я положил рисунок на стол перед Лениным.

— Что это — герб?.. Интересно посмотреть! — И он, наклонясь над столом, принялся разглядывать рисунок.

Все окружили Владимира Ильича и вместе с ним разглядывали проект герба.

На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамлённые снопами пшеницы, внутри перекрещивались серп и молот, а из перевязи снопов вверх, к солнечным лучам, был направлен меч.

— Интересно!.. — сказал Владимир Ильич. — Идея есть, но зачем же меч? — И он посмотрел на всех нас. — Мы бьёмся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из нашей страны и белогвардейцев и интервентов. Но насилье не может главенствовать у нас. Завоевательная политика нам чужда. Мы не нападаем, а отбиваемся от врагов, война наша оборонительная, и меч — не наша эмблема. Мы должны крепко держать его в руках, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что так будет всегда... Когда будет провозглашено и осуществлено братство народов во всём мире, меч нам не будет нужен... Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч... — И Владимир Ильич тонко очиненным карандашом перечеркнул меч на рисунке. —

А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект, а потом посмотрим и ещё раз обсудим в Совнарком¹. Надо это сделать поскорей...

И он поставил на рисунке свою подпись.

Я передал проект герба художнику Андрееву, находившемуся в кабинете Лёнина. Он в то время лепил Владимира Ильича, тихонько сидя на диване. Андреев перерисовал герб, сделал всё как-то рельефней, выразительней и, конечно, удалил меч.

Этот проект герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исправленный по замечаниям Владимира Ильича, и был утверждён 19 июля 1918 года.

В гербе Советского Союза тоже есть и серп, и молот, и золотые снопы в лучах восходящего солнца. Под этими счастливыми символами мира и труда живёт советский народ, с ними он идёт в коммунизм.

¹ Совнарком — сокращение слов: Совет Народных Комиссаров.

В. Бонч-Бруевич

Рождение Армии

В ту ночь злой февральский вѣтер дул с моря. На всех заводах гудѣли без отдыха гудки. Это Лѣнин звал к Смольному всех, кто готов был сражаться за свою страну. Отечество было в опасности: немцы шли на Петроград.

Лѣнин работал всю ночь. Он писал воззвание к народу.

Иногда он вставал, подходил к окну. Во дворе Смольного горели костры, стояли пулемёты, бойцы в серых шинелях переносили куда-то связки сабель, винтовки.

У одного костра стоял матрос в чёрном бушлате с поднятым воротником. Он всё отворачивался от ветра, присел над костром, грел руки. И, видно, никак не мог согреться. Тогда он выпрямился и пустился в пляс.

Ленин любовался на матроса и вернулся к письменному столу. Он ещё раз перечитал своё воззвание, крупно написал свёрху: «Социалистическое отечество в опасности» — и быстро вышел из комнаты в коридор. И тут только вспомнил, что ещё очень рано, ещё ночь и вряд ли он найдёт кого-нибудь из Совнаркома.

Тогда, отдыхая после своего двадцатичасового рабочего дня, он не спеша пошёл по коридору. Коридор был совсем пустой в этот час, и шаги в нём звучали гулко.

У лестницы Ленин остановился. Там, на площадке, стоял около пулемёта молодой солдат, караульный.

— А что, товарищ, можем мы победить врага этим пулемётом? — спросил его Ленин.

— Безусловно побьём, Владимир Ильич! — весело ответил солдат.

— Нёмца?

— Нёмца!

— А у него броневики, пушки... сила.

— Всё равно побьём, Влади́мир Ильи́ч!

— И я, товарищ, тако́го же мнѣния... Вот именно: всё равно побьём.

Лѣнин повернулся и тем же ша́гом, не спеша́, пошёл в свою́ ко́мнату. У са́мой ла́мпы всё ещё лежа́ла послѣдняя военная свѣдка: нѣмцы подходили к Пско́ву, гото́вили уда́р по Петрогра́ду.

Если бы имѣть побольше таких бойцо́в, как э́тот пулемѣтчик, как матро́с у ко́стра! А ра́зве их ма́ло? Ну́жно то́лько вре́мя, что́бы собра́ть их, созда́ть свою́ а́рмию.

Но вре́мени ма́ло, враг рвѣтся к сове́тской сто́лице.

Чѣрное окно́ в ко́мнате ста́ло се́рым: наступало́ утро. Трево́жных гудко́в бо́льше не́ было слы́шно. Лѣнин прислу́шался. Отку́да-то изда́лека́ донесла́сь му́зыка. Через мину́ту она́ ста́ла гро́мче. Ме́дные тру́бы во́енного оркѣстра игра́ли марш. Раздала́сь кома́нда, в широ́кие воро́та Смо́льного входила́ во́инская часть.

Лѣнин взгляды́вался, сто́я у окна́: бойцы́ бы́ли одѣты в корѳткие полушубки, в кру́глых ша́почках.

Оде́жда э́та показале́сь ему́ знако́мой. И он вспо́мнил: в тако́й оде́жде встреча́ли его́ сестроре́цкие оруже́йники в ма́рте про́шлого го́да, когда́ он возвра́щался из-за гра́ницы. То́лько тогда́ у них не́ было винто́вок.

Не́бо светле́ло всё бо́льше.

В коридора́х Смо́льного слы́шались шаги́, го́лоса́.

Дверь скри́пнула, в ко́мнату вошёл секрета́рь.

— Это товарищи из Сестрорёцка? — спросил Лёнин, всё ещё глядя в окно.

— Красногвардейцы, рабочие с Сестрорёцкого оружейного завода. Их девять тысяч восемьсот человек.

Сколько же всех?

По тревожному гудку шли ночью к Смольному кронштадтские матросы, питерские красногвардейцы, верные революции солдаты...

Шли, гремя колёсами, поезда с красными войсками на Нарву и Псков.

23 февраля 1918 года немцам был нанесён первый удар. Их наступление было остановлено.

Этот день стал днём рождения нашей армии.

А. Кóнонов

Солдатский хлеб

Партия большевиков, взяв власть в свои руки, занялась самыми неотложными делами. Надо было дать народу мир, прекратить войну с Германией, начатую царём. Надо было дать крестьянам землю, отобрать её у помещиков. Надо было наладить положение с продовольствием, а положение это к 1917 году стало трагическим¹: люди в городах голодали. Не-

¹ Трагическое — здесь: очень трудное, бедственное.

обходимы были срочные меры, и правительство приняло их.

Были немедленно отобраны у капиталистов эшелоны с мукой и зерном, которые стояли на железнодорожных путях в Петрограде. Большие запасы муки были обнаружены в городе у крупных мукомолов и владельцев булочных.

Благодаря этим мерам нам стали выдавать по карточкам фунт¹ хлеба в день. Но подвоза из провинции² всё ещё не было, и вскоре снова пришлось экономить, уменьшать паёк. Так в Петрограде мы дошли до восьмьюшки³ хлеба. И вот наступил печальный день, когда комендант Смольного, где находилось тогда Советское правительство, товарищ Мальков сообщил мне, что у нас все запасы кончились, даже восьмьюшку хлеба нельзя выдать.

Я заторопился в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Туда должны были прийти телеграммы о том, когда Петроград сможет получить хлеб из провинции.

Было около семи часов утра. Немного спустя в Управление делами пришёл демобилизованный солдат. В то время уже был заключён мир с Германией, и солдаты часто заходили к нам перед отъездом домой. Мы снабжали их отпечатанным в виде кни-

¹ Фунт — русская единица веса — 409,5 грамма.

² Провинция — местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупных центров.

³ Восьмьюшка (разговорное) — $\frac{1}{8}$ часть какой-нибудь меры веса; здесь — 50 граммов ($\frac{1}{8}$ часть фунта).

жечки декрétом о землѣ, принятым Советской властью.

Я просмáтривал почту и попросил солдата обождать меня. Он стоял за барьером, отделявшим большúю комнату Управления делами от приёмной, и с любопытством всё рассмáтривал. В это время ко мне подошла наша буфётчица Мánя:

— Как же быть, Владíмир Дмíтриевич? Ведь у нас ничегó нет: ни кускá сахара, ни ломтя хлѣба, только вот и есть, что чай да соль. — И она показала поднос, на котóром стояли два стакáна чаю и блюдечко с солью. — Как же я понесу это Владíмиру Ильичу? Ведь он голóдный! — говорила она чуть не плача.

Солдат прислушивался к нашему разговóру.

— Ну уж нет! — вдруг грóмко сказал он. — Когó-то, а Владíмира Ильичá мы прокóрмим!

И он поворóтом плечá скíнул со спины солдатский мешóк, вынул из-за голенища складной нож, быстро раскрыл его, развязал мешóк, достал круглую буханку хлѣба, прижал её к груди и одним взмахом разрезал пополам. Половину буханки он сунул обратно в мешóк, а другую, подойдя чётким, солдатским шагóм к Мánе, положил на поднос, проговорив:

— Вот этот хлѣбушек Владíмиру Ильичу.

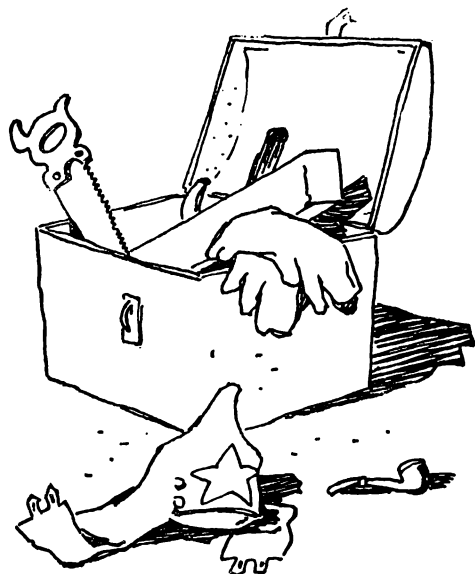
— Спасíбо тебе, солдатик! — обрадовалась Мánя и тотчас же пошла в кабинет Владíмира Ильичá.

Через нѣсколько минут Владíмир Ильич отворил дверь своего кабинета и грóмко, на всю комнату, сказал, обращаясь к солдату:

— Спасібо вам, дорогóй товáрищ! Такóго вкúсного солдáтского хлéба я никогдá ещё не ел...

— Это он? Сам Владíмир Ильíч?.. Ну и ну!.. — растéрянно произнёс солдáт. — Вот какóй он есть, Лéнин... Лáсковый... За такúю бездéлицу, а как сердéчно благодарít!.. Наш он, Владíмир Ильíч-то!..

В. Бонч-Бруевич

Обыкновенные варежки

У дедушки Андрея есть деревянный сундучок.

Много разных интересных вещей в этом сундучке. Есть тут и красноармейский шлем, в котором дедушка когда-то защищал от врагов свою молодую Советскую страну, есть и старая, прокуренная трубка — солдатская радость, и разный плотничный инструмент.

И вдруг среди этих интересных вещей — обыкновенные деревенские варежки. Из грубой овечьей

шерсти, простой вязки, да ещё заштопанные. Зачем он их бережёт?

Одолело внучат любопытство. Расскажи да расскажи.

Вот однажды дедушка и говорит им:

— Ну, слушайте. Расскажу вам, какие это варежки... Не простая у них история.

Вскóрости после Октябрьской революции, зимой тысяча девятьсот семнадцатого года, стоял я на посту у Смóльного, где помещáлось пёрвое Совётское правительство.

Стоял я на посту и голыми руками держал винтовку. Не было тогда у часовых ни варежек, ни перчаток. Трудное было время — холодное и голодное. Только что свёргли мы буржуев, Злóбились они на нашу народную власть.

— Смотри зóрче, солдат, — предупредил меня караульный начальник, бравый матрос, — в этом доме сам товарищ Лёнин. Понимаешь, как его беречь надо!

Понимаю, как же. Я солдат молодой, но в Октябрьских боях участвовал, с юнкерами сражался. Винтовка у меня на боевом взводе. Смотрю в оба. А ночь студёная. С чёрного неба белая крупá сыплется. Вётер, колючий, злой, за полы шинельки рвёт. Руки знобит.

Дрожь меня пробирает. Топчусь, ёжусь, пальцы дыханием грею, а сам думаю: «Мне-то ещё ничего, каково теперь солдатам в окопах да в чистом поле!» Замечтался я о тёплой родной хате, о мирной жизни

ни. Вдруг как фы́ркнет на меня́ автомоби́ль да как освети́т глази́щами электри́ческими, так я в сто́рону, а штык впе́рёд.

Из автомоби́ля выходи́т како́й-то челове́к в шта́тском пальти́шке, посма́тривает на меня́ прищу́рившись. Замети́л, как я маши́ны напуга́лся, улыба́ется и хо́чет пройти́ в Смо́льный.

Рассерди́лся я. Хочу́ спроси́ть пострóже:

— Ваш-ш про́пуск?

А губы́ замёрзли, и вме́сто грóзных слов проши́пел я что́-то непоня́тное, как рассерди́вшийся гусь.

Одна́ко незнако́мый челове́к по́нял, что я про́пуск тре́бую. Води́т карма́н, в друго́й. Ищет — не найдет. А злю́щий ве́тер и за по́лы пальто́ и за рукава́ так и рве́т, со всех сто́рон хо́лодом продува́ет. Зя́бко ему́.

Нашёл всё-таки.

Протя́гивает бума́жку, а я не могу́ как по́ложено рассмотре́ть печа́ть и по́дпись. Па́льцы не разжи́маются, к винто́вке присты́ли.

Замети́л он э́то и говори́т сочу́вственно:

— Очень вам хо́лодно здесь, това́рищ.

Поднёс про́пуск побли́же, что́бы я разгляде́л печа́ть.

Показа́л и проше́л по ле́стнице вверх.

Вот и всё.

Он уше́л, а мне не по себе́ ста́ло: заче́м я так до́лго держа́л челове́ка на тако́м злом ветру́? И пальто́ на нём хо́лодное, и боти́нки без кало́ш...

Вдруг ви́жу — бежи́т ко мне сам карау́льный нача́льник. Матро́сик наш боево́й. В бескозы́рке. В рас-

пахнутом бушлате. На одном боку револьвер, на другом шашка, а за поясом две гранаты.

— Найманов Андрей, ты что — совсем замёрз, браток?

— Ничего. Терплю.

— А чего же начальству пожаловался?

— Никому я не жаловался...

— Ну вот, рассказывай! А почему же Владимир Ильич своим помощникам нагоняй¹ из-за тебя дал? Плохо, мол, заботятся о нашем брате. Часовые на постах мёрзнут. Велел полушубки достать немедленно. В караулку нам свой чайник прислал, который для него вскипятили. Чтобы, сменившись с постов, мы чайком грелись... Ты бы ещё у товарища Ленина кофею выпросил! Шустрый ты, однако, браток!

— Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос:

— Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал, Ленин — это богатырь какой-то, великан... Ещё бы! Царя сверг... мильон буржуев одолел... Слово скажет — по всему миру слышно! Это всё так — сила в нём необыкновенная. А человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ Ленин. Проще сказать — Ильич. Теперь знай, кого охраняешь. Вождя революции! Смотри зорче, солдат!

Объяснил и ушёл в караулку.

На крыльце обернулся и крикнул весело:

¹ Нагоняй — строгий, сердитый выговор.

— Через полчаса сменим! Приходи чай пить!

Ушёл матрос, а мне жарко стало. Так сердце в груди и зажглось. Как же это я Ленина на морозе держал, на студёном ветру?

Не помню, как и сменили меня, как чаем из ленинского чайника, посмеиваясь, дружки-солдаты угощали. Вдруг вызывают:

— Андрей Найманов, к товарищу Ульянову-Ленину!

Иду, а ноги заплетаются.

Вот и кабинет. Часовые все наши, знакомые рабочие — красногвардейцы. Смотрят на меня с опаской: провинился, мол, солдат.

Не помню, как вошёл, как доложился. Приставил руку к папаше, по-военному. Только вижу — лицо у Владимира Ильича не сердитое. Нет-нет, рассматривает меня добрым взглядом. Достает вот эти самые варежки, протягивает мне и говорит:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Это мне одна добрая женщина подарила. Самая связала.

Смотрю — хорошие варежки. Плотные, тёплые. Два пальца отдельно на правой связаны, чтобы удобно было из винтовки стрелять. Для нашего брата солдата очень гожи. Завидую, а брат стесняюсь.

Заметил это Ленин.

— Ничего, — говорит, — берите, берите. Они вам нужнее. А у меня есть перчатки.

А сам вкладывает эти варежки мне в руку, ласково так, что у меня душа потеплела.

Сказал я спасибо и повернулся кругом...

Дед Андрéй умóлк, прикрýв ладóнью глаза́, слóвно хотéл ещё́ раз увидéть эту́ милую сёрдцу картину́.

Вздóхнул и сказáл:

— Давно́ этó было, а вот как сейчáс помню... Да, такой-то вот получил я от товáрища Лéнина подáрок. Душéвный. Бесцéнный...

— Бесцéнный, а не сберёг! — воскликнула внúчка Натáша, пионёрка. — Все вáрежки заштóпанные. Как же ты мог изорвáть лéнинский подáрок, дéдушка?

— Солдáтское дéло. Онí рвалíсь, а я их штóпал.

— Ты бы их полúше спря́тал, дéдушка! — так и всплеснула́ рука́ми внúчка Мари́ша.

Дед Андрéй усмехну́лся:

— Зачéм их прýтать, рáзве этó бриллиáнты какие? Обыкновенные вáрежки. Лéнин мне их не зря подарíл, а для пóльзы дéла.

— Чтóбы винтóвку лúше в рука́х держáть да врагóв бить, непоня́тные! — крикнул сестрénкам внучóнок Яша.

— Так я и дéлал, — сказáл дед Андрéй, убирая́ вáрежки в сундúк. — Врагáм спúску не дава́л, а всем дóбрым лю́дям был защíтой.

Я. Пиня́сов

Не по уставу

Как-то шёл Владимир Ильич мимо часового и обратил внимание, что тот бледен, едва стоит. Это был курсант Алексѣй Булычѣв. Накануне он вместе с другими курсантами, свободными от караула, ѣздил в лес за дровами и не сумел как слѣдует отдохнуть, да и не поел дѣсыта.

Питались курсанты невѣжно: похлѣбка да ржаная каша, иногда посыпанная сахаром. К тому же часть

своего небольшого пайка будущие красные командиры отдавали сиротам, детям погибших бойцов. Эти ребята жили в детском доме.

Курсанты знали, что и Владимир Ильич питается так же.

В казармах Кремля было холодно. Но и в кабинете Ильича было не теплее, чем в казарме. Приложишь руку к изразцам печки — ладонь остаётся холодной. Часовые старались даже виду не показывать, что испытывают невзгоды.

Стоит часовый на посту, дом вспоминает, а под ложечкой сосёт — есть хочется.

А услышит шаг Владимира Ильича, вытянется в струнку и скажет как можно веселее:

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Так сделал и Булычёв.

Владимир Ильич остановился и спросил курсанта:

— Что с вами? Вы больны?

Булычёв ответил ему как ни в чём не бывало:

— Спасибо, Владимир Ильич, ничего, это я так...

— Как это — так? — уже строго сказал Ленин курсанту.

Владимир Ильич пошёл в кабинет и тут же вернулся со стулом в руках.

Поставил стул возле часового и распорядился:

— Садитесь. Вы очень плохо выглядите!

Булычёв растерялся.

— Владимир Ильич, — взмолился он, — часовый на посту не имеет права сидеть. Даже разговаривать не имеет права.

Лéнин улыбну́лся и споко́йно объ́ясни́л Булычёву:
— Вот вы устáв и нару́шили — разговáриваете со мной.

Принёс кусо́к чёрного хлéба с повíдлом и застáвил Булычёва съестъ тут же, в его́ прису́тствии.

Часовóй не смел ослу́шаться Председáтеля Совéта Нарóдных Комиссáров, сел на стул и съел хлеб.

Булычёв доложи́л о происше́вшем карау́льному начальнику и ждал наказáния за наруше́ние устáва.

Карау́льный начальник, кото́рый отлiчно знал устáв, успоко́ил курсáнта:

— Счита́йте, что никакóго наруше́ния не произошлó: вы вы́полнили указа́ние Председáтеля Совéта Нарóдных Комиссáров Лéнина. А выполня́ть указа́ния Лéнина, — доба́вил карау́льный начальник, — обяза́н ка́ждый.

Евгéний Мар

Выстрел врага

В главных мастерских завода уже начался митинг, а во дворе всё ещё стояла огромная толпа народа. Ждали Владимира Ильича.

Наконец в воротах показалась машина. Она остановилась у входа в мастерские. Дверцы машины открылись, и все увидели Ленина.

Владимир Ильич поздоровался с рабочими и про-

шёл своей быстрой походкой в двери мастерских. Все устремились вслед за Лениным, и двор опустел.

Шофёр повернул машину в сторону ворот, оставил её шагах в пятнадцати от мастерских и стал ждать.

Через несколько минут к нему вдруг подошла женщина в чёрном. Она спросила:

— Что, кажется, товарищ Ленин приехал?

Шофёр ответил:

— Не знаю, кто приехал.

Женщина усмехнулась:

— Как же так? Вы шофёр — и не знаете, кого везёте?

Шофёр взглянул на неё: какая настойчивая!

— Не знаю! — повторил он нахмурившись.

Женщина круто повернулась и зашагала к мастерским.

Через полчаса митинг кончился, и двери мастерских распахнулись. На пороге показался Владимир Ильич.

Вслед за ним во двор вышли несколько работников. Остальные рабочие задержались у выхода. Какой-то мужчина в матросской форме остановился в дверях и расставил руки.

— Не напирай! Не напирай! — бормотал он хрипло.

Лицо у матроса было пухлое, глаза беспокойные. На матроса он ходил только одеждой.

Упершись руками в косяки дверей, он всё оглядывался на двор.

Рабо́чие подумали, что матро́с охраня́ет Ле́нина, и са́ми ста́ли заде́рживаться у двере́й.

В э́то вре́мя Ле́нин подоше́л к маши́не.

Он уже́ взя́лся руко́й за двере́цы, но тут рабо́тницы за́дали ему́ како́й-то вопро́с, и он поверну́лся к ним, что́бы отве́тить.

Вдруг грянул вы́стрел, пото́м срáзу друго́й. Ле́нин упáл.

Рабо́чие отбро́сили матро́са в сто́рону и рвану́лись к Ле́нину.

Шофё́р вы́скочил из маши́ны с нага́ном в руке́. Он заме́тил у ле́вого крыла́ маши́ны же́нщину — ту са́мую, что спра́шивала про Ле́нина. Он кину́лся к ней, це́лясь из нага́на. Же́нщина побежа́ла и скры́лась в толпе́. Шофё́р бро́сился бы́ло за ней, но, оглянү́вшись, уви́дел: Ле́нин лежа́л на земле́.

Шофё́р подбежа́л к нему́, стал на колéни, нагну́лся к Влади́миру Ильичу́.

Кто́-то сказа́л:

— Скорéй на́до в больни́цу...

Ле́нин приподня́л го́лову и сла́бым го́лосом проговорíл:

— Нет, домо́й... домо́й...

Шофё́р объя́вил рабо́чим:

— Везу́ домо́й. Ни в како́ю больни́цу не поéду!

Рабо́чие наклонíлись к Ле́нину, хоте́ли его́ внести́ в маши́ну, но он приподня́лся и сказа́л éле слы́шно:

— Я сам...

Лицо́ его́ бы́ло блéдно. С большо́м трудо́м он встал и воше́л в маши́ну. Но сидéть не мог и повали́л-

ся бо́ком на сиденье. Шофёр захло́пнул двéрцы и то́тчас же погна́л маши́ну.

А в это время поймали женщину, стрелявшую в Лёнина. Она́ хоте́ла скры́ться в толпе́, но ребя́тшки на дворе́ заме́тили её:

— Вот, вот она́! Это она́ стреля́ла!

Бы́ло это́ в 1918 году́, 30 августа́.

Рабо́чие и крестья́не Советско́й Росси́и, трудя́щиеся всего́ ми́ра с трево́гой и наде́ждой следя́ли по га́зетам за здоро́вьем Лёнина.

В га́зетах писа́ли, что же́нщину, кото́рая стреля́ла в Лёнина, подосла́ли враги́ наро́да. Они́ отрави́ли пу́ли си́льным я́дом.

И ра́ны бы́ли тяжёлые: докторá не наде́ялись, что Влади́мир Ильи́ч вы́живет.

Но вот вы́шли га́зеты с ра́достной ве́стью: Лёнин на́чал выздорáвливать.

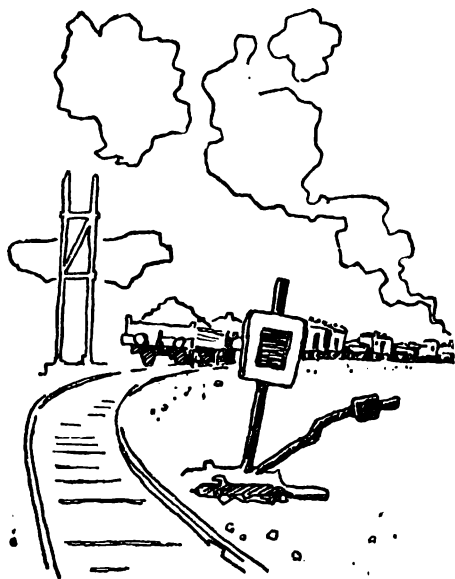
Сно́ва созва́ли ми́тинг на заво́де. Оди́н това́рищ прочёл изве́стие о том, что Лёнину ста́ло лу́чше. По́сле него́ подня́лась на трибу́ну ста́рая рабо́тница и сказа́ла, запла́кав:

— Ма́ло мы берегли́ его́... Вот... не уберегли́ от пу́ли. Как си́льно болёл-то Ильи́ч!

Пото́м помолча́ла, погляде́ла на своих това́рищей и гро́мко сказа́ла то, о чём ду́мали все:

— Ведь это́ како́е сча́стье, что у нас есть Лёнин!

А. Кононов

Помощь иваново- вознесенцам

Конец 1918, начало 1919 года. В Иваново-Вознесенске очень тяжёлое положение. Нет топлива — фабрики останавливаются, нет хлеба — рабочие голодают. В Москву к Ленину направляются представители иваново-вознесенцев: просить о помощи текстильщикам. В составе делегации четыре человека, в том числе и я, бывший в ту пору председателем «Районтекстиля» и членом бюро губсовнархоза.

О нашем приезде знали в Москвѣ, и пропускá в Кремль, к Лѣнину, были готовы заранее.

Шутка сказа́ть, ско́лько лет ми́нуло уже́ с тех пор, а в па́мяти отчётливо сохрани́лись все подро́бности э́той волнующей встре́чи...

Влади́мир Ильи́ч раба́тал в своём кабинéте.

Как то́лько мы вошли в ко́мнату, он подня́лся навстре́чу, и тёплая, привётливая улы́бка озари́ла его́ лицó:

— А-а, ива́ново-вознесёнцы!

Ильи́ч пожа́л ка́ждому ру́ку, усади́л нас перед столóм и, приста́льно погля́дывая то на одногó, то на другóго, нача́л:

— Ну, расска́зывайте, расска́зывайте, что там у вас?

От его́ прости́го, дружелю́бного то́на сра́зу ста́ло тепле́е, веселе́е на душе́.

Лѣнин расспра́шивал, как идёт дела́ на предприя́тиях, каки́е настро́ения у раба́чих...

— Что с хле́бом? — пе́рвым трева́жно за́дал вопрóс он.

Григо́рий Коро́лёв, руководи́тель на́шей делега́ции, переда́л Лѣнину про́сбу ива́ново-вознесёнских ткаче́й. Он упомяну́л о разру́хе, вызванно́й войно́й, о бе́дственном поло́жении на фа́бриках, и лицó Ильича́ помрачнёло, глубо́кая скла́дка легла́ на лбу.

— Да-да́, знаю́, това́рищи! При́мем ме́ры. Ива́ново-вознесёнцам по́мощь на́до оказа́ть непреме́нно...

Влади́мир Ильи́ч придви́нул к себе́ прóстенькую

стеклянную чернильницу и быстро начал делать какие-то пометки.

Полчасá, котóрые мы провели в его кабинете, пролетели словно минуты. Прощаясь, Ильич снова поднялся из своего плетёного креслица, крепко потряс руку каждому из нас и, уже весело улыбаясь, сказал:

— Передáйте рабочим Иваново-Вознесёнка, что Москва о них знает, что Москва помнит о них!

В глубоком молчании, вспоминая каждое слово вождя, мы шли из Кремля. Вот оно, сердце нашей республики, её воля и мозг — Ленин! Сотни дел у него, тысячи забот — и больших и маленьких, но для всего наш Ильич найдёт время, ни о чём не забудет, всё сделает...

Через несколько дней в Иваново-Вознесёнк пришли дополнительные составы с зерном и углём. На юг отпáвились продотряды. И наши ребятíшки, держа в руках кусок хлеба, серьёзно говорили:

— Это дядя Ленин прислал...

Тимофеев,
иваново-вознесёнский
рабочий-текстильщик

Делегат с Урала

Комеда́нт внима́тельно посмотре́л на сто́явшего перед ним ма́ленького челове́ка в ры́жей, потре́скавшейся ко́жанке. Тот зя́бко ёжилс́я и дыша́л, как на моро́зе. Каза́лось, что он сейча́с начне́т стуча́ть зу́бами.

— Вы́пей ча́ю!..

— Нет... не могу́! — сда́вленным го́лосом отве́тил Аванга́рд.

Комендант ободряюще похлопал его по плечу:

— Ты не волнуйся, землячок, не нервничай... С Владимиром Ильичём очень легко разговаривать... Он и сам слушает, и вопросы задаёт... Не торопись — отвечай спокойно, и всё будет в порядке...

Авангард молча кивнул головой.

— Отправились! — сказал комендант. — Назначено на одиннадцать!..

Прошли несколько постов. Пощёлкивая, взлетел лифт — ещё не виданная Авангардом диковина. Он скользнул по ней невидящим взглядом и сразу же забыл.

Потом он переступил порог светлой комнаты, где стояли простые столы и стулья, заваленные бумагами, слышалось стрекотание машинки.

Женщина, сидевшая за столом, подняла на него строгие глаза:

— Садитесь, товарищ!

Он сел на кончик стула. Хотелось откашляться, в горле застрял комок.

Женщина коротко спросила его, откуда он прибыл, кем делегирован¹, цель приезда.

— Вы имеете передать что-нибудь товарищу Ленину?

Авангард достал конверт и бумажку с печатью ревкома.

— Посидите! Я сейчас вернусь!

Она взяла письмо, бумажку и вышла в соседнюю

¹ Делегировать — послать делегатом, выбрать представителем.

кóмнату. Авангáрд опáсливо и негрóмко откáшлялся. Не помоглó — вязкий комóк так и остáлся в гóрле. Он посмотрéл на дверь, кудá скры́лась жéнщина, и ему́ предстáвился бесконéчный ряд кóмнат, однá за друго́ю, а гдé-то в концé — огрóмный зал, где сидít Лéнин...

«А мóжет, и не допúстят — тóлько передадúт конвэ́рт, и всё!»

Он потрóгал лежáвший в кармáне старинный мéдный пята́к, котóрый всегда́ носил с собо́й, и загадáл: «Если орёл — пúстят, ёсли рéшка — нет!»

Откры́лась дверь из кóмнаты.

Авангáрд покраснёл, уронил монéту. Она́ звякнула óб пол и закати́лась под стул. Ему́ показáлось, что жéнщина смóтрит на него́ насмéшливо и неодобрительно. «Поднимáть пята́к и́ли нет?» — в смятении думáл он.

— Вы мóжете пройти́ к Владими́ру Ильичу́, — сказа́ла жéнщина. — Вот сюда́, пожа́луйста!

Авангáрд встал, сде́лал нёсколько неуве́ренных шагов к двéри, потяну́л рúчку, дверь не поддава́лась. Он беспóмощно оглянúлся.

Жéнщина улыбу́лась, и лицо́ её ста́ло доброду́шным.

— Толка́йте от себя́!

Он толкну́л дверь, остано́вился. Ослепи́тельные пото́ки свёта лили́сь сквозь протёртые, блестящие стёкла, пыль крути́лась затéйливым столбóм, насквозь вы́золоченная со́лнцем. Он стоя́л жму́рясь, ничегó не ви́дя перед собо́й.

— Входите, товарищ, садитесь! — услышал он приятный, чуть хриловатый голос. — Я сейчас освобожусь!

Значит, не существует никаких комнат и залов. Только несколько шагов до стола, за которым сидит Ленин.

Авангард дошёл до кресла и сел. Кресло было мягкое и очень глубокое. Крышка стола оказалась почти вровень с его глазами, и первое, что он увидел, был прибор из уральского камня, блестящий на солнце яркой полировкой. Рядом лежал аккуратно надрезанный конверт.

Вид этих вещей, ехавших с ним так долго, подёйствовал успокоительно. Он перевёл взгляд выше и увидел Ленина, сидевшего на стуле с высокой спинкой.

Наклонившись, прижав ухо к телефонной трубке, Ленин напряжённо слушал, рука с карандашом быстро бегала по бумаге.

Осторожно, точно боясь произвести шум, Авангард повернул голову и осмотрелся. Шкафы и полки с книгами, кожаный диван, портрет Маркса в раме. По стенам большие географические карты. Похоже на их школьную учительскую, только здесь дверей больше — целых три. За одной дверью слышалось постукивание телеграфного ключа.

Авангард снова украдкой взглянул на Ленина. Как раз в этот момент Ленин откинулся на спинку стула и рассмеялся в трубку: «Не можете отвыкнуть от твёрдого знака? А вы, батенька, дома специально

поупражняйтесь!» Он положил трубку, встал и протянул руку:

— Здравствуйте, товарищ! Извините, что заставил ждать! — Глаза на его смуглом лице шурились, улыбались, белый мягкий воротничок чуть свернулся набок.

Авангард посмотрел на него с радостным изумлением. Томительное чувство, подкатывавшее всё утро к сердцу, ушло бесследно, стало легко и просто.

— Начнём вот с чего! — сказал Ленин. — Вы сегодня ели что-нибудь? Завтракали?.. Только правду!

Этот вопрос застал Авангарда врасплах. Он часто заморгал рожими ресничками. Что же делать? Ложь с первого слова? И всё же надо решиться...

— Я завтракал! — храбро сказал он. — Чай пил у коменданта!

— Правду говорите? — Ленин пытливо взглянул на него. — Ну, тогда садитесь поудобнее и будем толковать! — Он поискал что-то на столе. — Простите, запаматовал фамилию.

— Мальцев... Авангард! — сказал Авангард и покраснел так густо, что веснушки на его лице сделались невидимыми.

Но Ленин, кажется, ничего не заметил. Он мягко спросил:

— Сколько товарищей сопровождало вагоны?

— Сопровождало нас двое!.. — бодро начал Авангард и остановился.

Больше он ничего сказать не мог. Напротив висела карта, испещрённая стрелами. Взгляд его скольз-

нұл по витой линии Уральского хребта. Где-то здесь начало пути... И точно опрокинулись на него разом тряские дни и ночи, захлестнули до горла. Как рассказать об этом?!

Но тут пришла помощь. Быстрые, короткие вопросы повели его вперёд, не сбивая и не давая оглядываться по сторонам. И вот станция Липская, зарево над далёким лесом, Башкатов с винтовкой за плечом...

— Да, дорого мы платим! — сказал Ленин. Глаза у него сузились, потемнели, пальцы стиснули карандаш. — Не хотят отдавать нам хлеб... — добавил он медленно и угрожающе. — Хотят взять нас измором!..

«Вот Ленин узнал о Башкатове», — подумал Авангард.

Ленин что-то отметил в раскрытой тетрадке, внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Вы плохо выглядите! — неожиданно сказал он. — Устали? Нездоровы?

— Нет, я очень здоров! — торопливо ответил Авангард. — И не устал, нет!

Он чувствовал, что эти короткие, быстрые вопросы подбираются к нему всё ближе и ближе. Он даже вздохнул потихоньку...

Да, так и есть — Ленин спрашивает о родителях, о школе, в каком он классе, как занимается, как живёт...

— Конец трёхклассную школу... — упавшим голосом начал Авангард. Он страдал сейчас оттого, что

и здесь разговор пришёл к этой неизбежно тягостной теме. — Потом в городском четырёхклассном училище. Перешёл в четвёртый класс... И потом как раз произошла революция... А потом...

— Захватила политическая деятельность! — закончил за него Лёнин.

— Да! — растерянно согласился Авангард и весь как-то сник в своём мягком кресле. Следующий вопрос может превратить его просто в неуспевающего ученика, который два года числился в четвёртом классе.

Но вопросы, устремлявшиеся к нему, точно стрелки на карте, висевшей перед глазами, вдруг побежали в стороны. «Есть ли саботажники¹ среди учителей? — спрашивал Лёнин. — Получают ли учащиеся завтраки? Каков состав учащихся? Какая политическая работа ведётся среди учеников и кто её возглавляет?»

У Авангарда заблестели глаза. Да это же его жизнь! Он всё знает здесь!

Но опять быстрые и точные вопросы направили его к главному.

Когда он рассказывал, как они, комсомольцы-учащиеся, демонстративно порвали с ОУЧем, Лёнин нагнулся, переспросил:

— С кем порвали?!

Авангард объяснил, что ОУЧ — это Объединение

¹ С а б о т а ж н и к — человек, который уклоняется от исполнения своих обязанностей или умышленно недобросовестно относится к своей работе.

учащихся, но там засели скауты¹, бывшие гимназисты, которые только и знают, что устраивать танцульки с фантами...

Он вспомнил фразу из резолюции, принятой уком комсомола: «ОУЧ портит наше классовое сознание и уводит в сторону от пролетарской революции!»

Ленин сощурился:

— Кто это сказал?

— Это мы сами! — с самолюбивой ноткой в голосе ответил один из авторов резолюции — Авангард.

— Мысль верная, но шаг неверный! — серьезно сказал Ленин. — Не надо было выходить из объединения! Наоборот, на каждом собрании нужно разоблачать всю эту обывательскую² чепуху... Разъяснить молодёжи, с кем ей идти... Вы согласны?

Авангард молчал. У него начали гореть уши.

— Позвольте нескромный вопрос, — чуть улыбнулся Ленин. — Сколько вам лет?

Опять стрелки повернулись в его сторону, подобрались вплотную.

— Скоро шестнадцать! — ответил он с затаённой грустью.

— Скоро шестнадцать! — повторил Ленин. — Чудесно!.. Начало жизни. Но уже многое пережито и понято! Найден верный путь! — Глаза его заискри-

¹ Скаут — член детской буржуазной организации в дореволюционной России и капиталистических странах.

² Обывательский — мещанский, отсталый, косный.

лись. — С белогвардейцами скоро покóнчим, начнём восстанáвливать, стрóить... Вы уралец, да? — бýстро спросил он. — Знáете, кем вы должны стать? — Он торжествóюще посмотрёл на Авангáрда и сам отвéтил на свой вопрос: — Гóрным инженером! Обязáтельно! Учítься бýдем! — сказáл он со стрáстной настóйчивостью. — Все пойдём учítься!

Авангáрд смятénно улыбу́лся.

Он вспóмнил о своих друзьях, о своих ребятах, увéшанных ору́жием. И сам он думáл тóлько об однóм: конь, грызúщий мундштúк¹, роняющий не-терпеливóю пéну, казáцкая бýрка и́ли гимнастёрка в тугих ремня́х, са́бли и планшét через плечó, как у того краскóма², котóрый принимáл в Торцóве парáд всеóбуча...³

Низким бáсом загудёл на столé телефон. Лéнин снял тру́бку.

— Хорошó! — сказáл он и покосился на часы. — Сейчáс тридцать семь минут двенáдцатого... Давáйте рóвно в двенáдцать. Предупредите, чтóбы никаких опоздáний.

Гóлос прозвучáл рéзко, повелительно. Авангáрд невóльно съёжился в крэсле: «Чегó я сижú? Нáдо ухóдить».

Лéнин положил тру́бку, поверну́лся к нему́. От не-дávней стрóгости и следá не остáлось.

¹ Мундштúк — здесь: металлический прибор для управления верховой лóшадью.

² Краскóм — сокращёние слов: красны́й командёр.

³ Всеóбуч — сокращёние слов: всеóбщее обучéние; здесь: всеóбщее военное обучéние в пёрвые гóды револю́ции.

— А вот продукто́в вы мне привезли́ сли́шком мно́го, сто́лько и не съесть! — Глаза́ его́ ве́село сощу́рились. — Но я не протестую́... У нас есть сла́бые, больные́ де́ти... Вот мы их и подкормим. А вам не холодно́ в э́той ку́рточке? — вдруг спроси́л он. — Вы не замерза́ете?

— Кто? Я? — Аванга́рд усмехну́лся. — Мы, ура́льцы, приви́чные к морозу́!

— Э́то хоро́шо! — улыбу́лся Ле́нин. Придвину́в блокно́т, он стал что́-то пи́сать, не прерыва́я разгово́ра. — Я тут пишу́ ма́ленькое пи́сьмецо́ То́рцевскому́ ревко́му, това́рищам красноарме́йцам и рабо́чим. Их по́мощь для нас бесце́нна. И за э́ту чуде́сную вещь... — он посмотре́л на черни́льный прибо́р, — больша́я благода́рность... При́ятно знать, что она́ сде́лана на на́шей, сове́тской фа́брике.

Запеча́тав конве́рт, он взял со стола́ бума́жку и проче́л вслух:

— «То́рцевский ревко́м... ходата́йствует...¹ газе́тного шри́фта, клише́...² пи́шущую маши́нку... литера́туру, плака́ты! Гм!...»

Он задума́лся, осторо́жно обмакну́л перо́ и написа́л не́сколько слов.

— Все́ ещё адре́сию това́рищу Свердло́ву... — глу́хо сказа́л он и положи́л перо́. В кабинéте слы́шалось то́лько тика́нье часо́в. — Он то́же ура́льский рабо́тник... Повида́лся бы с ва́ми обяза́тельно!

¹ Хо́д а т а́ й с т в о в а т ь — про́сить.

² Клише́ — рисуно́к, сде́ланный на металличе́ской, дере́вянной или ка́менной доске́, для печа́тания.

Мѣдленным движеніем Лѣнин отложилъ в стѣрону листокъ и вѣрвал из блокнота другой.

— Так! — сказалъ он, крѣпко потирая высокій лоб. — Отдайте это в секретариате. Постараемся удовлетворить все ваши просьбы...

Авангард поднялся с кресла. Пора прощаться, пора уходить.

Лѣнин встал из-за стола, подошелъ к нему:

— Хотите отдохнуть под Москвой? Отдышаться немного...

Авангард посмотрѣлъ на человека, стоявшаго рядом, на его усталое, желтовато-смуглое лицо с зоркими, поблѣскивающими глазами.

— Нет... Владимір Ильич. (Как просто и легко сказалося вдруг это!) Надо обратно ехать! Меня ждут!

Лѣнин подошелъ еще ближе:

— Когда доберешься к себе, — сказалъ он тихо, — передай товарищам, чтобы учились! Скажи, что я их прошу...

— Скажу! — отвѣтил Авангард и заторопился. Что-то задрожало в горле, горькая, щиплющая влага наполнила глаза.

Лѣнин дошелъ с ним до двѣри, крѣпко сжал ему руку.

— До свиданія, урадец! Счастливого пути!

Леонід Радіщев

Ленин у детей

Это было зимой 1919 года. Здоровье Надежды Константиновны ухудшилось, и врачи советовали ей пожить за городом. Решено было устроить её в Сокольниках, в лесной школе для туберкулёзных детей, которой я тогда заведовала. Однажды вечером меня вызвали к телефону и сообщили, что к нам приедет Владимир Ильич.

Необычайное волнение охватило всех. Начались суетливые приготовления к встрече. Ребята поминутно выбегали в переднюю, я дежурила у стеклянной двери. Наконец мы увидели, как во двор въехала машина и остановилась у подъезда.

Я впервые видела Ленина...

Ленин со всеми приветливо поздоровался за руку. Вдруг неистово¹ залаяла вбежавшая с ребятами собачка Бобка. Владимир Ильич нагнулся к собачке и весело сказал:

— А-а, позвольте познакомиться: как вас зовут?

— Бобка! Бобка! — закричали дети.

— А, товарищ Бобинский! — и взял Бобку за лапку.

Когда Ленин снял шубу, ребята обступили его со всех сторон.

Тут появилась вторая любимица ребят — кошка Муська. Владимир Ильич с увлечением начал играть с Бобкой и Муськой, ребята хохотали, началась веселая возня. Всем стало так весело и легко, а сам Владимир Ильич был так обаятелен и прост, что смешными и ненужными показались все наши приготовления к торжественной встрече.

Мы обошли все комнаты, я предложила Надежде Константиновне лучшую спальню с балконом, но Владимир Ильич категорически запротестовал. Ленин не хотел лишать ребят хорошей комнаты и выбрал маленькую, скромную спальню.

¹ Неистово — необычайно сильно, буйно, безудержно.

Когда мы обходили спальни, Владимир Ильич спросил:

— Чем вы, собственно, лечите ребят?

Я показала висевший на стене график режима дня. Огромное место в нём было отведено пребыванию на свежем воздухе. Владимир Ильич одобрил это.

Дети пригласили Владимира Ильича посмотреть мастерскую, где они готовили игрушки к ёлке; как-то незаметно одна из девочек оказалась у него на плечах. Девочка была маленькой, толстенькой, и Владимир Ильич называл её «Колобок».

Девочка, мастерившая лису из меха, спросила Владимира Ильича:

— А вы бы могли так сделать?

— Не знаю, мудрёная штука! — ответил он.

Уезжая, Владимир Ильич тепло, как старый знакомый, со всеми попрощался и предупредил, что завтра же приедет с Надеждой Константиновной.

На следующий день они приехали. И Владимир Ильич прежде всего вручил мне продовольственные карточки Надежды Константиновны...

...Владимир Ильич при всей загруженности часто навещал Надежду Константиновну, хотя бы совсем ненадолго — на полчаса. Он ежедневно осведомлялся о её здоровье и просил меня звонить ему.

Владимир Ильич очень любил слушать пение наших ребят. У нас был хороший хор в школе, и, когда он приходил к Надежде Константиновне, ребята пели для него. Больше всего любил Владимир Ильич в

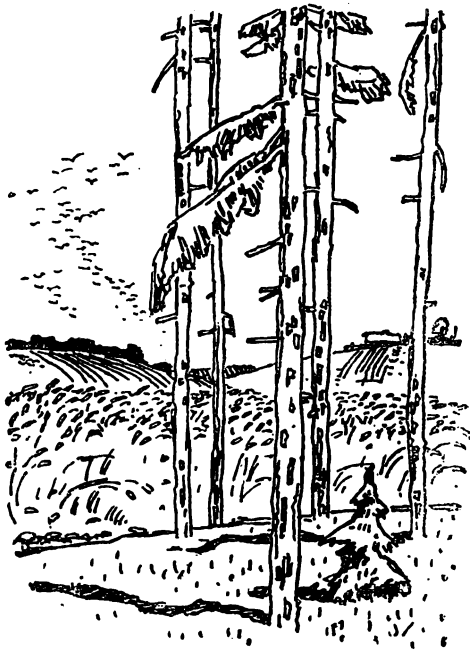
исполнѣнии нѣшего хѣра старѣнную рѣсскую пѣсню «Уж как вѣ поле калинушка стоѣт», расказывающую о пленѣнном солѣвушке. Куплѣт о том, как «солѣвушка в невѣле не поѣт, он воды не пѣт и зѣрен не клюѣт», осѣбенно трѣгал Владѣмира Ильичѣ. Ребѣята ѣто замѣтили и повторѣли егѣ с большѣй выразѣтельностью.

19 январѣ в школѣ устраивали ѣлку, приготовили пѣску «Сѣнки-самокѣтки». Ребѣята пригласили Владѣмира Ильичѣ. По поручѣнию Лѣнина привезли мнѣго гостѣнцев: ѣблок, чернослива, конфѣт. Всѣ было готовѣ, гѣсти собрались; с нами была Надѣжда Константиновна. Уже врѣмя начинѣть, а Владѣмира Ильичѣ всѣ нет. Позвонили в Кремль, оттѣуда ответили, что Лѣнин давнѣ выѣхал. Уже сыграли спектакль, как вдруг вошли Владѣмир Ильич и Марѣя Ильѣнична. Оказываѣтся, в путѣ задержались.

Ребѣята повторили свою программу. Владѣмир Ильич был ѣчень оживлѣн, шутил, играл с ребѣятами. Вѣчер закончился выступлѣнием приглашѣнных артистов.

В пѣмѣть ѣтого дня в нѣшей леснѣй школѣ ежѣгодно устраивали ѣлку 19 январѣ.

Ф. Л. Халѣвская

Ленинская десятина

— Лёнина, Лёнина не забудьте, Володимира Ильича! — кричал при разделе барской земли Иван Переплётов.

Да разве крестьяне забудут! Ещё с вечера они решили включить в число наделяемых Лёнина.

— Правильно.

— От него всё пошло.

— Пусть и он землицей попользуется.

Долго выбирали участок. Старались, чтобы получше. Спорили, где, с какой стороны селá. Выбирали так, чтобы не очень сыро, чтобы не очень сухо, чтобы суглинок¹ с примесью чернозёма. Измерили десятину. Написали в Москву: мол, приезжай, Владимир Ильич, вступи́й во владение.

Вскоре прибыл ответ.

Ленин благодарил крестьян за внимание. Просил его извинить. Не сможет он сейчас заняться хлебопашеством. В Совете Народных Комиссаров много у Ленина разных дел. Кончалось письмо тем, что Ленин советовал крестьянам поступить с десятиной по собственному усмотрению.

— Это верно, ему сейчас не до земли, — говорили крестьяне.

— Нельзя отрывать от дел государственных.

— А всё-таки жаль — хорошее было б соседство.

Успокоились мужики. Вот только задал задачу Ленин: «поступить по собственному усмотрению». Нет бы написать точно, что с десятиной сделать.

Решали крестьяне, решали, думали, думали...

Наконец порешили так: десятину никому другому не отдавать, не делить. А оставить её для общего пользования. Обрабатывать её сообща, сообща собирать урожай. А затем хранить его в общем амба-

¹ Суглинок — почва, содержащая глину и значительное количество песка.

ре. Умно́ получилось. Есть в крестьянских запасах общественный фонд зерна. Случится какая беда — общественный фонд выручает.

Недорóд¹ у Пахóмовых. Голодáть бы им, залезáть в долги, а тут получáй подмóгу от Лéнинской десяти́ны.

Мáло ли нужд у крестья́нства! Решили купитъ мо-
лотилку. Не náдо бéгать по íзбам — рубли выколá-
чивать. Прóдали общественный хлеб — везут моло-
тилку.

Или, скáжем, соберутся крестья́не:

— А не послáть ли рабóчим гостинец?

— Послáть, непременно послáть!

Грúзят мешки, пишут письмó: «Хлеб не простóй,
с Лéнинской десяти́ны».

Прошлó дéсять лет. Стáли возникáть в сёлах кол-
хóзы. Обобщили крестья́не зéмлю и скот. В óбщем
колхóзном пóле тепёрь десяти́на. Да не затерялась
онá. Не забыта. Вéчна нарóдная пáмьять.

¹ Недорóд — неурожáй.

Сергéй Алексеев

На субботнике

Первое мая — день боевой международной пролетарской солидарности — в 1920 году в нашей стране было объявлено днём Всероссийского субботника. В этот день работали всюду.

В то время я был курсантом Первых кремлёвских пулемётных курсов. В Кремле, кроме нас, курсантов, работали на субботнике сотрудники ВЦИКа и Совнаркома.

...Нашей группе пришлось работать на Ивановской площади, у памятника Александру II; здесь же работал и Владимир Ильич. Вначале Ленин работал с комиссаром курсов Борисовым, потом напарником у него стал курсант Пермяков. Они носили пяти-шестиметровые брёвна. Курсант, зная состояние здоровья и возраст Ленина, старался брать утолщённый конец бревна. Ильич это быстро заметил и стал опережать курсанта. Тогда курсант сказал Владимиру Ильичу:

— Зачем вы это делаете? Ведь я моложе вас, и для меня эта тяжесть больших трудов не составляет.

Ленин, усмехаясь, ответил курсанту:

— Вот вы и не спорьте со мной, если я старше.

Когда перенесли брёвна, стали носить огромнейшие дубовые кряжи¹. Их переносили на палках по шесть человек. На этот раз мне посчастливилось несколько раз работать в одной группе с Лениным. Почему несколько раз, а не всё время? Да потому, что каждому хотелось поработать с Ильичём, и почти после каждого перекур² курсанты менялись.

Когда мы носили дубовые кряжи, со всех лил пот: кряжи были очень тяжёлые, а день был жаркий. Однако Владимир Ильич всегда старался быть впереди и брать то, что тяжелее. Мы не могли равнодушно смотреть на это, но он и слушать не хотел

¹ Кряж — толстый короткий обрубок дерева.

² Перекур — перерыв для того, чтобы отдохнуть, покурить.

В. Цыпلاكóв. В. И. Лéнин с крестья́нами.

наших уговоров. Тогда один из нашей группы подошёл к Ленину и сказал:

— Владимир Ильич, зачем вы это делаете? Идите лучше в Совнарком. Ведь вас там, наверное, ждут, а здесь мы и без вас управимся.

Владимир Ильич сильно обиделся. Он несколько раз прошёлся туда и обратно, потом подошёл к этому товарищу, взял его за плечи, громко рассмеялся и сказал:

— Зря вы, батенька мой, выпроваживаете меня. Всё равно ничего из этого не выйдет: я не уйду. Сейчас эта работа самая важная.

Работать с Владимиром Ильичём было очень легко и хорошо. Он был очень внимателен и каждого из нас спрашивал:

— А вы, товарищ, не устали?

Ильич много шутил и заразительно смеялся. Наши робость и стеснительность, появившиеся вначале, исчезли. Мы чувствовали себя с ним совершенно свободно.

Как-то во время отдыха все сели на бревно. Сел с нами и Владимир Ильич. Мы закурили. Ильич посмотрел на нас и сказал:

— Ну, что вы в этом куреве находите хорошего? Ведь табак — это яд. Он разрушает ваше здоровье.

А мы, в свою очередь, спросили его:

— А вы, Владимир Ильич, когда-нибудь курили?

— Да, в юношеские годы как-то закурил, но бросил и больше этим не занимался.

Владимир Ильич ушёл с работы до окончания суб-

бóтника, так как за ним пришли и сказа́ли ему́, что порá ехать на закла́дку па́мятника Ка́рлу Ма́рксу. Уходя́, Ильи́ч попроща́лся с на́ми, пожела́л успе́шно за́кóнчить рабо́ту.

Так рабо́тал Ле́нин в э́тот истори́ческий день, подава́я ли́чный приме́р дисциплини́рованности, трудолю́бия, настоя́щего това́рищества.

Ф. Со́лодов

В простой крестьянской избе

Это было 15 декабря 1920 года. Много времени прошло с тех пор, а я, как сейчас, помню все радостные события того зимнего праздничного дня. В памяти, словно живо́й, встаёт человек, который перевернул нашу жизнь.

Началось всё это просто. Из Москвы по деревне

Модёново ёхал легковóй автомобíль. Хотя маши́ны в то вре́мя и бы́ли в ре́дкость, но никто́ не обрати́л на э́то о́собенного внима́ния. Автомоби́ль подъёхал к до́му охóтника И. П. Но́викова, остано́вился. Из маши́ны вы́шли три челове́ка. Дво́е ушли́ в лес, а тре́тий — в чёрном пальто́, в ша́пке-уша́нке, в простых ва́ляных сапога́х — пошёл по дере́вне. Встреча́ясь с крестья́нами, он заговáривал с ни́ми, расспра́шивал, как они́ живу́т. Никто́ и не подозрева́л, что с ни́ми говори́т сам Ле́нин.

Весть о том, что э́то Влади́мир Ильи́ч, пе́рвыми разнесли́ ребя́тишки. По дере́вне из до́ма в дом с быстротóй мо́лнии прошла́ ра́достная весть:

— Ле́нин приё́хал!

— Ле́нин!

— Вон он хóдит по дере́вне.

Вскóре об э́том узна́ли и в соседних селёниях.

Бы́ло решено́ посла́ть ему́ записку, пригласи́ть на собра́ние сде́лать докла́д. Написа́ли ко́ротко и прóсто: «Вождю́ всеми́рной револю́ции това́рищу Ле́нину от и́мени гра́ждан дере́вни Модёново. Прóсим вас к нам на бесе́ду» — и посла́ли с на́рочным¹. Ждём, волну́емся: согласи́тся Ильи́ч и́ли нет, а где-то в глубине́ души́ у ка́ждого те́пилилась уве́ренность — приде́т, ведь он для простых люде́й всё равно́ что о́тец родно́й. Вскóре вороти́лся на́рочный. Глаза́ его́ свети́лись сча́стьем:

¹ На́рочный — челове́к, посыла́емый с ка́ким-нибудь спёшным и ва́жным поруче́нием.

— Придёт. Только сказал, чтобы народу собрали побольше да избу выбрали попросторнее.

Не много было тогда в Модёнове просторных изб. Бедно жили крестьяне. Самым большим оказался дом Прасковьи Афанасьевны Кочетовой (Шандаровой). В него и собрались мы. Пришли модёновские люди, люди из других деревень. Многие не поместились в избе, большая толпа стояла на улице. Сидим, ждём.

Владимир Ильич вошёл быстрыми шагами, поздоровался со всеми, обходя скамейки, пожал каждому руку.

— Ну что ж, начнём. Выбирайте председателя и секретаря.

Меня выбрали секретарём, а Василия Гагарова — председателем. В повестку дня включили четыре вопроса: 1. Доклад товарища Лёнина о текущем моменте; 2. О ходе революции; 3. Продовольственный вопрос; 4. Текущие дела.

Лёнин разделся, снял шапку, положил на стол карманные часы и начал доклад. Он говорил о том, что положение в стране улучшается, что мир с Польшей скоро будет подписан окончательно, что сейчас нужно взяться за восстановление промышленности и транспорта, что партия разработала план электрификации страны, и о многом другом.

Перед нами вставала картина большой обновлённой страны, картина грядущего народного счастья.

Собрание кончилось. Все сидели взволнованные. Лёнин простился и вышел. Тогда я вспомнил о про-

токо́ле: как же быть? Ведь Лёнин не подписа́л его́. Пожа́луй, нам и не пове́рят, что у нас он выступи́л.

Мы с Гага́ровым вы́шли на у́лицу. Влади́мир Ильи́ч встрети́лся нам в сенях до́ма Но́викова.

— Влади́мир Ильи́ч, протоко́л не подпи́сан.

— А ра́зве э́то ну́жно? — спра́вился¹ он и тут же бы́стро реши́л: — Ну, е́сли ну́жно, дава́йте подпишу́.

Он положи́л протоко́л на стёнку и написа́л:

По́дпись докла́дчика —

Сов. Нар. Ком. *В. Улья́нов (Лёнин)*

...Внима́тельный, отзы́вчивый челове́к — таки́м он и оста́лся в на́шей па́мяти.

¹ Спра́виться (разговóрное) — спроси́ть, узна́ть.

П. И. Козло́в,
крестья́нин дере́вни Модёново

Встреча в Кремле

Лéнин стоял у окнá, заложив рúки глубоко в кармáны брюк. В кабинéте с двумя óкнами и высóким потолкóм бы́ло хóлодно и сы́ро. Послédние недéли зимы́ вы́дались студёными, жестóкими.

Владíмиру Ильичу́ виден был Арсенáл, изрешё-
ченный оскóлками снарядов; Трóицкая бáшня с

огрѳмным, чѳтко вырисѳвывающимся на сѳром небѳ орлѳм, отсѳда казавшаяся мѳнее высѳкой, чем со стороны Манѳжа; кусѳчек кремлѳвской стѳны и зданье казарм. На плѳщади, где осѳл булѳжник, образовав ямы, вдоль Арсенала тянулсѳ к Никѳльской башне ряд тѳненьких фонарѳй, похѳжих на былѳнки, загнутое квѳрху крѳчѳчком.

На дорѳгах к Трѳицкой башне и к Арсеналу, на ширѳкой плѳщади с фонарями снег был потѳптан и замѳсорен. Тѳлько на крышах и на кремлѳвской стѳне он лежал рѳвно, нетрѳнутый и чѳстый.

За Кремлѳм стѳли скѳванные морѳзом каменные домѳ. Вон там, за музѳем и библиѳтекой Румянцова¹, ѳле виднѳются трѳбы. Но скѳлько ни смотри, не заметишь дымка: нѳчем топѳть.

Зимѳ обложила Москвѳ кольцѳм хѳлода. К врагам, навалившимся на обескрѳвленную, истѳрзанную в граждѳнской войне страну, — гѳлоду, разрухе — прибавился ещѳ одѳн: хѳлод.

Свирѳпствует тиф.

Лѳнин вздохнул. Потѳм он неожѳданно рѳзким движѳнием вынул правую рѳку из кармаѳа и сел за стол.

Простѳя, похѳжая на учѳническую рѳчка, не дописывая и сокращѳя слова, бѳстро забѳгала по листѳ бумаги, оставлѳя неразбѳрчивые фрѳзы. Мысли обгоняли друг друга, и он стремѳтельно записывал неотлѳжные дела.

¹ Библиѳтека Румянцова — так называлась до 1924 гѳда Государственная библиѳтека ѳмени В. И. Лѳнина.

Среди дел, которые поглощали время и силы Лёнина, были и забота о детских садах, порою оставшихся без дров, и выпуск книг для деревни, распределение пайков рабочим и положение на фронтах, тревожные сводки с которых он получал днём и ночью...

Перо на мгновение остановилось.

Тихо открылась обитая белой клеёнкой дверь, ведущая в зал заседаний, и в ней показался секретарь.

— Владимир Ильич, — тихо позвал он.

Но Ленин не ответил, занятый работой.

— Владимир Ильич!..

Ленин поднял голову, сказал:

— Да, да, — и взял другой листок бумаги — для записки.

— Владимир Ильич, к вам товарищ Коршунов.

— Хорошо, — сказал Ленин.

Секретарь ушёл, неслышно прикрыв за собой дверь, а Владимир Ильич продолжал писать, торопясь закончить записку. Ленин знал, что за время, пока секретарь пройдёт зал заседаний, войдёт в приёмную, скажет посетителю: «Владимир Ильич просит вас», пока посетитель встанет, поправит причёску или что-нибудь в своей одежде, пройдёт зал заседаний, — за это время, какую-нибудь минуточку-полторы, можно прочесть письмо, пробежать глазами заметку в газете, написать, наконец, записку. Можно сделать много, очень много полезного и необходимого. Владимир Ильич писал, но, едва в две-

рых показáлась худощёвая, невысокая фигу́ра учёного, ста́рого знако́мого, немно́го смущённого и, видно, застенчивого, Лёнин встал из-за стола́ и напра́вился навстрéчу посетителю.

— Проходите, Леонид Алексеевич, проходите. — Влади́мир Ильи́ч указáл на одно́ из мягких кресел. — Садитесь, пожа́луйста...

Леонид Алексеевич Коршунов как-то неловко, быстро прошёл к креслу и спрятал но́ги под стол, под прямым углом придвину́тый к рабо́чему столу́, Лёнина. Сделал Коршунов это так поспешно, что сам почувствовал неловкость и вновь смути́лся. Но, взгляну́в на Лёнина, севшего в своё плетёное кресло, успокоился и то́лько тогда́ поверну́лся к нему́.

— Как здоро́вье, Леонид Алексеевич? — спроси́л Лёнин. — Не жа́луетесь?

— Спаси́бо, Влади́мир Ильи́ч. Не жа́луюсь...

— Хорошо́. Трудное вре́мя, Леонид Алексеевич, и нам ну́жно его́ переборо́ть.

Когда́ Лёнин умолк, Коршунов начал:

— Я относительно возмо́жной экспеди́ции в Сиби́рь, Влади́мир Ильи́ч. Вы, конечно, знаёте, что тридцáтого ию́ня ты́сяча девятьсо́т восьмо́го го́да произошло́ чрезвычайно интере́сное для учёного ми́ра собы́тие. Явление дово́льно ре́дкое, необыча́йное по своим масшта́бам и, быть мо́жет, значению. В сибирской тайге упáл метеори́т.

Здесь Коршунов взгляну́л на Лёнина и отмети́л, что Влади́мир Ильи́ч внима́тельно смóтрит на него́.

Коршунову показáлось, что Лéнин прекра́сно знаёт о метеорите, знаёт мы́сли и желáния учёного и что своим докладом он то́лько отнимáет вре́мя у зáнятого челове́ка.

Коршунов запну́лся:

— Этот метеорит... Впрóчем, вы всё это знаете...

— Зря вы так думаете, Леонид Алексеевич, — замéтил Лéнин. — Я ничегó не знал, крóме того́, что гдé-то упáл метеорит. Да, да...

Склонив гóлову náбок, он подáлся к учёному и тíхо произнёс, улыбаясь:

— Дáже гóда не помнил.

Коршунов тóже улыбу́лся.

— Стрáнное дéло! — продолжáл Лéнин ужé серьёзно. — Мнóгие почему-то счита́ют, что председа́тель Совнарко́ма, нарко́мы всё зна́ют! А мы ма́ло, о́чень ма́ло, позóрно ма́ло зна́ем! И чем бо́льше мы с ва́ми бу́дем встреча́ться, тем лу́чше! Продолжа́йте, Леонид Алексеевич. И не торопи́тесь.

Коршунов, ободрённый и повеселёвший, продолжáл, излагáя мы́сли, кото́рые он давнó хотéл пове́дать Лéнину:

— Если учéсть, что са́мым крупным метеоритом счита́ется метеорит вéсом в три́дцать шесть с полови́ной тонн, за кото́рым идёт так назывáемый мексика́нский в два́дцать семь тонн, то наш сибирский метеорит ли́чно мне представля́ется гигáнтом по сравнени́ю с изве́стными нам метеорита́ми. Но вся беда́ в том, что до сих пор то́чное местонахожде́ние э́того метеорита не определéно.

— И вы хотите ехать за метеоритом? — спросил Владíмир Ильич, когда Кóршунов сдéлал па́узу.

— Да, — отвéтил тот. — Совершенно вёрно. Хочу ехать за метеоритом. — И поспешил добáвить: — Я понимаю, что сейчас не до них... Я б́уду просить совсём немно́го. Обидно, когда за границей создаются общества по изучению нашего рýсского метеорита, а мы...

— Нет, нет, нет, — б́ыстро произнёс Лéнин. — Заграница здесь ни к чему́. Пусть и не мечта́ют. Что ну́жно для вáшей экспедиции?

— Я заготовил. — Учёный из внúтреннего карма́на пиджака́ достáл вдво́е сло́женные листки́ бума́ги. — Я старáлся скромно, Владíмир Ильич...

Лéнин стал рассмáтривать спи́сок, и чем бóльше он в него́ всмáтривался, тем бóльше хму́рился. Кóршунову показáлось, что печáль, кото́рую ни ра́зу не замечáл он у Лéнина, сейчас я́сно проступи́ла на его́ лицé.

Потóм Владíмир Ильич положи́л эти листы́ на стол, провёл по ним лéвой руко́й, разгла́живая, и обрати́л к учёному своё сурóвое и всё ещё, как ка́залось тому́, печáльное лицó.

Кóршунов мéдленно по́днял глаза́ на Лéнина и неувёренно произнёс:

— Хотя́... мóжно ещё сократи́ть спи́сок. Хлéба мёнше... Да и с приборáми... Теодолит¹ мóжно оди́н сброси́ть, крóме того́...

¹ Теодолит — инструмéнт, кото́рым пользуют́ся при землемёрных рабóтах.

Лéнин смотрéл мíмо учёного, в úгол кабинéта, казáлось, не слúшал и ужé не замечáл егó присúтствия.

— «Теодолít сбросить», — повторíл он, переводя взгляд сощúренных глаз на Кóршунова, рёзко отодвíнул своё плетёное крёсло и, как бы в недовольстве и удивлénии удáрив пáльцами по бума́ге, вы́шел из-за столá.

Старáясь не смотрéть на Кóршунова, он засúнул рúки в карма́ны брюк и, броса́я взгляды в окно́, зашага́л по кабинéту.

— Там же тайга́, — заговорíл Владíмир Ильи́ч рёзко и твёрдо, слóвно старáясь помóчь учёному уяснить положéние вещей. — Ты́сячи вёрст непрола́зной и пúтаной тайги́. Бúрные рёки. Зверьё. Бездоро́жье. И ни души́ на сотни вёрст... Вы понима́ете это?

Он остано́вился.

— Вы всё это понима́ете, — сказа́л Владíмир Ильи́ч бо́лее мýгко и, сно́ва посмотре́в на спи́сок, продолжа́л: — «Фунт хлéба в день, пять фúнтов са́хару на всех, табакú...» — чита́л он, и в гóлосе егó слышались то сурóвость, то недовольство, то удивлénие, то вдруг покрывáвшая всё это печáль.

— Са́хар мо́жно сбросить, а табáк, извините, необходим: от комарóв спаса́ет, — стрóго замéтил учёный.

Тóчно не слы́ша, Владíмир Ильи́ч продолжа́л:

— «Мéха для футля́ров под инструмéнты». Под инструмéнты! — повторíл он.

Кóршунов подня́лся, и стéкла очко́в егó, в котóрых

отразились окна, засверкали. Была в нём решимость человека, который идёт на последнее средство.

— Владимир Ильич! — громко и твердо сказал он. — Товарищ Ленин! Нужно ехать! Поймите, нам выпало счастье. Не на чью-нибудь, а именно на нашу территорию упал этот метеорит, редкий гость космоса! А мы?.. Упал он во Франции, Америке — представляете, сколько — и каких! — экспедиций устремилось бы к нему! Да, мы нищие, голодные, нас душат интервенты, но, в конце концов, редкая возможность предоставлена только нам! Нужно ехать, Владимир Ильич!

И Коршунов сел в кресло.

— Конечно же! — воскликнул Ленин и подошёл к учёному. — Конечно, нужно, необыкновенный человек Леонид Алексеевич! То, что вы просите, мы дадим. Но этого же мало! Разве с таким оснащением едут в Сибирь?! Его может хватить для экспедиции в Подмоскowie! Это же крохи! Обидно, обидно! — повторил Ленин, и Коршунов понял, почему больно было Владимиру Ильичу. — Обидно, что таким людям, как вы, мы не можем ещё дать всего необходимого, всего, чего они заслуживают! Но ничего! Дайте только нам срок!

— А-а... — растерянно произнёс Коршунов, глядя на Ленина. Хотел сказать что-то ещё, но лишь облегчённо вздохнул и провёл рукой по лбу, где выступил пот.

Ленин подошёл к учёному, участливо спросил:

— Леонид Алексеевич, а если мы дадим только

то, что написано здесь, вот в этом архиробком списке? — указал он рукой на бумаги Коршунова. — Поёдете?

— Владíмир Ильи́ч, я и не мечтаю о большем! Вот схлынет снег, подготовимся и поедем. В самом деле, больше ничего не надо. Ведь у вас и так все просят, все с вас тянут... А откуда брать?

— Поёдете? — переспросил Лёнин.

— Да, поеду.

— И больше ничего не попросите?

— Нет, ничего.

— Ничего, Леонид Алексеевич? — допытывался Лёнин.

— Да.

Лёнин недовольно кашлянул. Потом он взглянул куда-то вниз, под стол, и лукавая улыбка заиграла на его лице.

— А ну-те-с, батенька, — сказал он весело, подружески улыбаясь, — подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

— За чем, Владíмир Ильи́ч?

— Я вас прошу, Леонид Алексеевич. Подойдите к этому окну! Сделайте мне, батенька, одолжение. — И Лёнин добавил, озорно погрозив пальцем: — Знаю я вас!

— Нет, Владíмир Ильи́ч. Если вы согласны, я, пожалуй, не буду отнимать у вас время...

— Нет, — добродушно сказал Лёнин. — Я ещё не согласен. Будьте любезны, подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

Коршунов неохотно встал и в нерешительности, чего-то ожидая, смотрел на Ленина.

Но Ленин тоже не спускал с него глаз.

— Ну, — сказал он, — выходите.

— Пожалуйста. — Коршунов решил и вышел из-за стола.

Ленин посмотрел на ноги учёного и сказал:

— Ну вот. Так оно и есть. В чём же вы, батенька мой, поедете в тайгу? В этих рваных башмаках, которые расползутся на пятой версте от Москвы?

— Можно и в этих, — сказал Коршунов, — я их верёвочкой... Внутри портянки, а свёрху бечевá.

— «Можно», — повторил Ленин, раздумывая. — Ведь у вас, видно, вторых нет?

— Откуда? Были, истрепались. А эти я берегу...

— «Можно и в этих», — снова повторил Ленин. — Простите, Леонид Алексеевич. Простите.

Ленин дотронулся до плеча Коршунова и усадил его. Заглянул в лицо — не обижаются ли? — и, окончательно убедившись, что не обижаются, успокоился и зашагал по комнате.

— Есть у нас необыкновенные люди, — заговорил он. — Вот Циолковский. Представьте себе провинциальный русский город. Где-то в старом деревянном домике, наверное, на улице, поросшей травой, где бродят гуси и свиньи, живёт старый учитель математики. Он получает свой паёк — хлеб и селёдку — и занимается вопросами полёта в межпланетное пространство. Да ещё, наверное, в нетопленной квартире сидит! И вы, батенька, по той же дороге:

за ты́сячи вёрст, в тайгу́, в Сиби́рь, в рва́ных штиблѣтах!

«Ну, а вы, — подумал Коршунов, — вы, Влади́мир Ильи́ч? В странѣ, где не ка́ждый мо́жет да́же проче́сть сло́во «социа́лизм», — стро́ить социа́лизм!»

И Коршунов вдруг я́сно себѣ предста́вил, что Ле́нина и егѠ, Коршунова, что́-то родни́т, объеди́няет, что Ле́нин и он, Коршунов, соверша́ют одно́ де́ло, оно́ — гла́вное в жи́зни и Циолко́вского, живу́щего в Калу́ге и осва́ивающего Вселе́нную, и в жи́зни голо́дных рабо́чих, восстана́вливающих заво́ды, и мужико́в, подни́мающих зе́млю сохой... Оно́ сверша́ется все́ми ра́ди бу́дущего сча́стья.

Учёный ушё́л возбу́ждённый и како́й-то лёгкий. Он пробежа́л по двору́ Кремля́, вы́шел на Кра́сную пло́щадь, ду́мая о бу́дущем, о мечтѣ, кото́рая непреме́нно осуществи́тся.

...Насту́пит вре́мя, когда́ зады́мят в странѣ заво́ды, да́же те, кото́рых пока́ ещё́ нет, тра́кторные и автомо́бильные, за́мыслы кото́рых то́лько лишь рожда́ются у челове́ка, рабо́тающего в небольшо́м холо́дном кабинѣте с вы́соким потоло́ком... Всем бу́дет досту́пно сло́во Пу́шкина и Толсто́го, потому́ что те́мная, полу́дикая Росси́я ста́нет странѠй спло́шной гра́мотности... И, конечно́ же, нау́чные экспеди́ции доберу́тся до Се́верного по́люса, а мо́жет быть, кто́-нибудь опу́сится на дно океа́на и́ли подни́мется за атмосфе́ру. И руководи́телям э́тих экспеди́ций не ну́жно бу́дет беспоко́ить организа́тора но́вого огро́много госуда́рства, беспоко́ить из-за четверту́шки хлѣба в день и

табакá... И вырастут новые люди с новыми понятиями о назначении человека... Это всё будет.

А пока неубранный снег на улицах, спешащие прохожие, которых подгоняет мороз, медленно плетущаяся лошадь, на которую кричит человек в армяке¹: «Эй ты, шелудивая!», наглухо закрытые лавчонки с железными вывесками: «Мартьянов», «Оптовая торговля Гурин и сыновья», «И. В. Кошкин. Скобяные товары». Это — пока.

...Проходит небольшой отряд красноармейцев в будёновках, везут на санях гремящие на всю улицу железные трубы: что-то восстанавливают или строят, — в окне учреждения промелькнул портрет Карла Маркса и начало какого-то лозунга: «Да здравствует...» Из подъезда в подъезд перебежала женщина в красной косынке...

Среднего роста крепкий человек ходит по кабинету в Кремле, центре необъятной страны, думает, энергично и быстро что-то записывает ручкой, похожей на ученическую, и новые свершения, подвластные и уже такие близкие, которые преобразуют Россию, видятся ему.

¹ Армяк — в старину у крестьян верхняя одежда из толстого сукна.

Ленин на заводе „Динамо“

Рабочим нашим и служащим очень хотелось по-видаться с Владíмиром Ильичём. Накануне четвёртой годовщины Октябрьской революции, в 1921 году, рабочие стали особенно часто заходить в партком и завком. Спрашивали: «Кто будет докладчиком на торжественном заседании? Нельзя ли попросить то-

ва́рища Ле́нина ува́жить на́шу про́сьбу и вы́ступит с докля́дом?»

Близились дни Октябрьской годовщины. Художественно оформили внутри и снаружи здание завода. Раздали рабочим и служащим приглашительные билеты на торжественное собрание, пригласили и семьи. Вывесили плакаты, где было сказано, что 7 ноября после демонстрации состоится доклад члена правительства. Но выступит ли Владимир Ильич — не знали, всё же про себя надеялись.

После демонстрации рабочие, их жены, принарядившись, торжественно собрались в просторном, специально подготовленном помещении цеха малых моторов. Это в верхнем этаже корпуса, который во дворе.

Собралось около трёх тысяч человек. Зал был переполнен. С большим нетерпением ждали докладчика.

Позвонили по телефону из Московского комитета партии. Говорят: «Встречайте, к вам придет Владимир Ильич».

Был пасмурный вечер¹, электрические фонари на улице горели не очень ярко. Мы стояли у заводских ворот. Вдали показались огни автомобильных фар. Плавно подъехала машина. Мы подбежали к ней. Увидели Ленина. Он вышел, дружески, за руку поздоровался с встречавшими. Его пригласили на не-

¹ Пасмурный вечер — хмурый, сумрачный вечер, с небом, покрытым облаками.

сколько минут в кабинет директора — это в здании, где потом помещался завком.

Войдя в кабинет, Владимир Ильич прислонился к столу, мы окружили его полукольцом. Каждый чувствовал необычайную радость и торжественность.

Мы беседовали с Ильичём! Он смотрел на нас своим милым взглядом, весело улыбался, расспрашивал о том, что делается на заводе, как работают специалисты-инженеры, сможет ли наш завод дать оборудование для электрификации деревни.

Потом Ленин поглядел на часы, сначала на свой — ручные, затем на наши — стенные, и говорит:

— Не пора ли нам, товарищи? Нас, вероятно, ждут.

Поднялись в лифте. Отворилась железная складная дверца подъёмной машины. Владимир Ильич прошёл в зал. Мы хотели, чтобы собрание увидело Ленина, лишь когда он выйдет на трибуну. Но сидевшие на задних скамьях увидели выходящего из лифта Владимира Ильича и стали аплодировать, а за ними зааплодировало всё собрание.

Быстро прошли по залу. Владимир Ильич сбросил пальто, поднялся на сцену. Председатель собрания тут же объявил:

— Слово имеет Владимир Ильич Ленин!

Трудно выразить, что в этот момент случилось. Все в зале встали, раздалось громогласное и продолжительное «ура», вверх полетели шапки.

— Да здравствует Владимир Ильич!

— Да здравствует Ленин!

— Да здравствует партия! Да здравствует Советская власть!

Казалось, что стены не выдержат бури приветственных возгласов и аплодисментов. Овация продолжалась очень долго.

А Ленин вышел на трибуну и, слегка наклонив голову, улыбаясь, ждал, когда стихнут собравшиеся, снял с руки часы, положил их на ладонь. Наконец водворилась тишина, да какая... Ни одного покашливания, ни стука.

И Ленин начал доклад о международном и внутреннем положении республики.

Ильич говорил горячо, страстно, но не торопясь; говорил простыми, понятными словами. Он стоял на высокой трибуне, изредка во время речи выбрасывал руку.

Ленин рассказывал о Великой Октябрьской революции, о международном её значении, призывал не забывать, что враг внутри страны ещё существует, призывал к бдительности, к дружной работе для Советского государства, к смычке с крестьянством.

В зале стали перешёптываться:

— Вот он какой! Простой!

В несколько минут установилась тёплая, душевная связь между Лениным и трёхтысячной рабочей аудиторией.

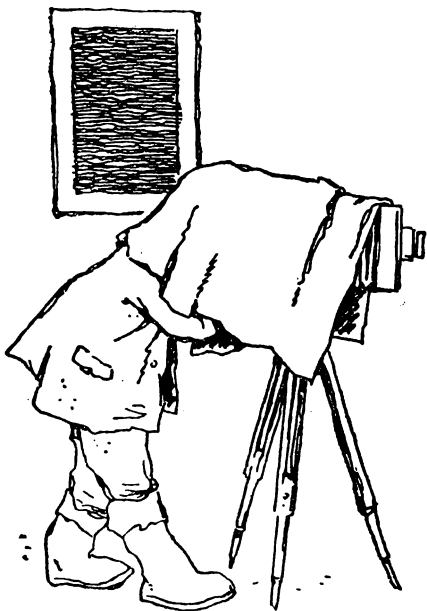
Когда Ленин закончил речь, поднялась такая бурная, такая неумная овация!.. Ну, прямо выразить невозможно.

Каждый из присутствовавших на собрании был

счастливы, что слушал Лёнина. На следующий день в цехах только и было разговоров, что о приезде Владимира Ильича; работали с ещё большей охотой и старанием. Многие рабочие после посещения Лениным завода подали заявления о приёме в партию.

В памяти каждого, кто сидел тогда в зале, этот счастливый вечер запомнился на всю жизнь.

А. Вётров,
рабочий завода «Динамо»

Незряженная кассета

Человек шёл по весенней Москве, старательно обходя голубые лужи, насвистывал и весело думал: «До чего же хорошая вещь — это самое солнце! Сколько света — и совершенно бесплатно! И никаких тебе хлопот, никаких тебе вспышек магния!.. Нет, с сегодняшнего дня определённо перехожу на иждивение солнца!»

На все блага, даруемые ранней московской весной, человек смотрел со своей, так сказать, колокольни: он был фотограф. И не просто фотограф, а «наш фотокорреспондент», как сообщали газеты под его снимками.

Нынешние фотокорреспонденты — щеголеватые молодые люди в светлых плащах, с красивыми кожаными футлярами через плечо — улыбнулись бы, наверное, при виде его странного одеяния из выцветшей лиловой портьеры¹, огромных валенок, подшитых красной резиной, а главное — его фотоаппарата, похожего на средней величины шарманку².

И всё же он наверняка не согласился бы помяться с ними: вот этой «шарманкой» он снимал самый первый советский Май, и первый субботник, и открытие первого дома отдыха, и первый танк, отбитый в бою у белых...

А сегодня газета поручила ему произвести съёмки в Свердловском университете на собрании партработников, уезжающих в деревню. В огромной аудитории Свердловского университета плавал мажорочный дым. В оттаявшие стёкла лились широкие потоки света. На возвышении стоял стол, покрытый куском кумача³. На стене висела карта бывшей Российской империи, исколотая цветными флажками.

Повестка дня этого собрания выглядела очень

¹ Портьера — плотная, тяжёлая занавеска для окна или двери.

² Шарманка — переносный музыкальный инструмент в виде ящика с лямкой.

³ Кумач — хлопчатобумажная ярко-красная ткань.

ми́рно: «О рабо́те в дере́вне». Но лю́ди, собра́вшиеся здесь, должны́ бы́ли в э́тот же день вы́ехать в райо́ны, охва́ченные кула́цким восста́нием, пробива́ясь сквозь вокза́льные про́бки, железнодо́рожную неразбе́риху...

Фото́граф поверте́лся тут и там, залёз на подоконник и щёлкнул пе́рвый ряд («Слу́шают докла́дчика»). Наце́лил аппара́т повы́ше и щёлкнул ещё раз («Общий вид за́ла»).

Он суети́лся не́сколько бо́льше, чем полага́лось бы «на́шему фотокорреспондэ́нту», но э́то объясня́лось, коне́чно, его́ мо́лодостью — вряд ли бы́ло ему́ два́дцать лет.

Сде́лав два-три снёмка, он стал выи́скивать удо́бную по́зицию, что́бы запечатле́ть докла́дчика во́зле ка́рты с ука́зкой в руке́. И вдруг где́-то в пе́редних ря́дах разда́лись несме́лые хлопкí, а пото́м аплодисме́нты гряну́ли с оглуши́тельной, всё возраста́ющей си́лой.

«Наш фотокорреспондэ́нт» расте́рянно заморга́л белёсыми ресни́цами — что́-то тако́е он пропу́стил. Он уви́дел то́лько, что все подня́лись со свои́х мест. Пришло́сь изо всех сил тяну́ться на цы́почках да ещё уде́рживать в равнове́сии громоздкую «шарма́нку» с трено́жником. С ти́хим ожесточе́нием, рабо́тая сво́бодной руко́й, он стал пробива́ться впе́рёд.

Невысо́кий плóтны́й челове́к в кори́чневом пиджаке́ торопли́во прошёл в прези́диум.

Се́рдце у «на́шего фотокорреспондэ́нта» подпры́гнуло в груди́, рука́ сжа́ла трено́жник. «Э́то же Ле́нин!» — чуть не вскри́кнул он.

Лéнин сидёл в десяти шагах от него и глядел в разбушевáвший зал, прищурившись и потирая высокий лоб.

«Бог ты мой, — смятённо думал фотограф. — Ведь это настоящий Лéнин!.. Владíмир Ильи́ч... И какой кадр!.. Какое освещение!.. Какой слúчай!»

А слúчай был трудный, очень трудный.

Владíмир Ильи́ч не любил фотографироваться и разрешение на съёмку давал чрезвычайно редко. Многим пришлось столкнуться с этим обстоятельством и отступить.

Весной двадцáтого гóда — это было известно «нашему фотокорреспонденту» — на первомáйском суббóтнике в Кремле Лéнин резко сказал людям, хотéвшим его сфотографировать: «Что за комедия? Я сюда пришёл работать, а не сниматься!»

Пришлось пойти на обман. Комиссар школы кремлёвских курсантов, работавший с Лéниным в паре, задержался на полминутки, как бы желая отдохнуть, и Владíмира Ильича осторожно и незаметно сфотографировали. Вот каким путём мир получил фотографию Лéнина, работающего на кремлёвском суббóтнике.

— Слово предоставляется товарищу Лéнину! — сказал председатель.

*

Спустя час Лéнин вышел из аудитории. Его сопровождали высокий военный, председательствовавший на собрании, и члены президиума. Продолжая раз-

говóр, Владíмир Ильи́ч надéл кéпку. Потóм взгляд егó случайнó упáл на человекá, стоявшегó поóдаль. Человек сдéлал нéсколько неуверенных, рóбких движений, тóчно желáя загородить тренóжник с чёрным ящиком. Владíмир Ильи́ч поглядéл на чёрный ящик и сказáл с явным неудовóльствием:

— Агá, поздравляю! И здесь снимáться?! Нет уж, пожáлуйста, увóльте!..

Вот и всё. Мóжно уходить.

Но «наш фотокорреспондéнт» не уходíл. Неожíданно для всех он заговорíл срыва́ющимся, просту́женным баскóм:

— Товáрищ Лéнин!.. Вáши снiмки нужны́ всей респуб́лике... Не мне лiчно!..

— Гм... Вот как! — иронiчески замéтил Владíмир Ильи́ч.

Но тут у «нашего фотокорреспондéнта» объявились защитники. Все стáли просiть Лéнина сфотографироваться вмéсте с ними.

— Ну, ёсли вмéсте... пожáлуй! — неуверенно проiзнёс Лéнин.

«Наш фотокорреспондéнт» засуетiлся. Расставляя штатiв¹, он дéлал мнóжество ненужных движений и всё врéмя бормотáл:

— Одну́ секундочку!.. Я сейчáс!.. Секундочку!..

Составить грóппу оказáлось нелегкó. Кáждый хотéл сняться рядом с Лéниным и незамéтно оттирáл своего́ сосéда. Владíмир Ильи́ч терпеливо ждал.

¹ Штатiв — подстáвка для фотоаппарáта.

Наконѣц всё б́ыло гото́во для съѣмки. Набрóсив на себя чѣрную матѣрию, фото́граф стал наводи́ть объеќтив. — «Одну́ секун́дочку! — доноси́лось егó бормота́ние. — Сейча́с поста́влю кассѣту...¹ и в одну́ секун́дочку сейча́с сниму́!»

Лю́ди сде́лали торжѣственно-неподви́жные ли́ца, то́лько у Влади́мира Ильича́ пр́яталась в глаза́х смешли́вая и́скорка. И вдруг все замети́ли, что с фото́графом происхо́дит что́-то нелáдное. Он судо́рожно сде́рнул с себя́ покрывáло, урони́л на́ пол каку́ю-то жестя́нку и схвати́лся за́ голову. Лю́ди смотре́ли на него́ с уди́влѣнием и тре́вогой. Ле́нин бы́стро подошёл к нему́:

— Что с ва́ми, това́рищ? Вам пло́хо?!

— Пло́хо! — обморочным го́лосом отве́тил фото́граф. — Я не успе́л перезаряди́ть кассѣты!.. У меня́ нет заря́женных кассѣт!

Бесси́льно опусти́в ру́ки, сгóрбившись, стоя́л он во́зле своѣй «шарма́нки», и подборóдок егó с цара́пинами от неуме́лого бритья́ вздра́гивал. Он знал, что нет ему́ прощѣния — ему́, жа́лкому челове́ку, неудáчнику, испóртившему э́ту уди́вительную, э́ту неповто́римую мину́ту.

— Ну что же, това́рищи! — сказа́л высóкий воѣнный, надева́я солда́тскую фура́жку с крупно́й а́лой звездóй. — Как говори́тся, по незави́сящим от редаќции обстоя́тельствам вкра́лась досáдная опеча́тка... Не бу́дем задѣржива́ть Влади́мира Ильича́!

¹ К а с с ѣ т а — светонепроница́емый футля́р для фотогра́фической пла́стинки и́ли плѣнки.

Но Лёнин, пристально смотревший на фотографа, как будто не заметил того, что произошло. Достав из жилётного кармана часы на ремешке, он быстро взглянул на них и спросил:

— А сколько вам нужно времени, товарищ, чтобы зарядить кассету?

— Мне?.. Минут... десять, — заикаясь, ответил «наш фотокорреспондент», и его изжелта-бледное лицо покрылось розовыми пятнами.

— Минут десять я ещё побеседую с товарищами, — спокойно произнёс Лёнин.

Фотограф схватил пачку пустых кассет, коробку с пластинками и побежал, неловко вскидывая ноги в огромных валенках.

Он бежал, как лошадь, сорвавшаяся с привязи. Он бежал по длинному коридору, тыкался в двери аудиторий и бежал дальше. Ему нужна была тёмная комната, абсолютно тёмная комната, а солнце, на иждивение которого он перешёл с сегодняшнего дня, светило с потрясающей, ослепительной щедростью.

Выскочив на лестницу, он взметнулся наверх, хватая ртом воздух. Но трепещущие солнечные зайчики настигали повсюду.

Сердце бешено стучало в груди, когда он домчался до последнего этажа. И тут он увидел, что на лестничной площадке стоит большой деревянный ящик. Не раздумывая ни секунды, «наш фотокорреспондент» рванул крышку. Какие-то толстые шланги лежали там, похожие на свернувшихся удавов, душно запахло резиной.

Он прыгнул в ящик, и при этом его ударило крыш-
кой по голове, но он не почувствовал боли.

Согнувшись в три погибели (вот, оказывается, что
означает это ходячее выражение!), он быстро распеч-
татал коробку с пластинками, схватил кассету, но тут
лицо его исказилось, и он поспешно сунул коробку за
пазуху: тонкий прямой лучик сумел пролезть и сю-
да — нашёл какую-то дырочку.

Мимо проходила женщина с метёлкой — должно
быть, уборщица. Вдруг она вскрикнула, выронила
метёлку.

Из ящика высунулся человек, чихнул и сипло ска-
зав, облизывая губы:

— Товарищ, это я!.. Одну секундочку!.. Прошу
вас... сядьте на крышку... здесь есть щёлка, проходит
свет!..

Женщина смотрела на него, округлив глаза.

— Товарищ, я вас умоляю, сядьте!

Женщина села на крышку, соображая, что это
означает и не следует ли, опустив щеколду, сходить
за комендантом.

В ящике слышалась какая-то возня, фырканье,
потом сдавленный голос крикнул:

— Тётенька, откройте, я задыхаюсь!

Она встала. Человек выскочил из ящика, как
игрушка на пружине, потный, покрытый пылью, сияю-
щий.

— Абсолютный мрак! — крикнул он. — Спасибо,
тётенька! — И побежал вниз, перескакивая через три
ступеньки.

Дерёвья протягивали к солнцу ещё не отогретьшиеся, голые коричневые лапы. На бульварах бесформенными кучами лежал снег, серый и ноздреватый, как губка. Ветер залихватски трепал отставшие от стен афиши. Водосточные трубы низвергали кусочки зеленоватого льда.

Человек шёл по весенней Москвѣ. На щеках его рдел малиновый румянец. Иногда он останавливался, разводил руками и улыбался. Редкие прохожие смотрели на него с удивлением.

Дома было холоднее, чем на улице. В промёрзшей кухоньке с окном, закрытым фанерой, пахло оттаивающей штукатуркой — единственный пока признак весны. Он нащарил выключатель на стенке, и в темноте загорелась лампочка рубиново-красным огоньком. Здесь помещалась его лаборатория.

Фотокорреспонденты в светлых плащах, с красивыми кожаными футлярами через плечо опять, навёрное, улыбнулись бы при виде такой лаборатории. Но уж теперь-то он никогда бы не поменялся с ними — ни за какие блага мира!

Он поставил на табурет ванночку с проявителем и долго дышал на него, стараясь согреть хоть немного. Руки у него дрожали, когда пластинка погружалась в жидкость. Присев на корточки перед табуретом, он осторожно покачивал ванночку. И вот на молочно-белой эмульсии стал проступать отчетливый чёрный рисунок. «Наш фотокорреспондент» увидел знакомый контур большого лба, бровь, изогнувшуюся

над прищуренным глазом, и вдруг громко запёл своим простуженным, хриловатым баском.

Утром он долго выбирал среди отпечатанных снимков самые отчётливые, без пятнышек и царапин. Наконёц отложены были два наилучших. Медленно, точно смакуя каждое движение, он вложил их в конверт и старательно заклеил его.

Оставалось написать адрес. Чиркая с трудом загоравшиеся спички, он подогрел заледеневшую чернильницу, обмакнул перо и вдруг задумался, не отрывая глаз от конверта. Потом, улыбаясь своим мыслям, вывел печатными буквами: «Ленину».

Вот и всё! Готов адрес!

Письмо с этим адресом можно опустить в любом месте земного шара — где-нибудь в Калькутте, или в Гренландии, или на острове Кипр, — и оно обязательно дойдёт до своего адресата...

Через некоторое время «нашему фотокорреспонденту» рассказали: известный художник, которому посчастливилось рисовать Ленина в его совнаркомовском кабинете, спросил однажды, не имеет ли Владимир Ильич фотографий. Ленин ответил, что своих изображений обычно не хранит, но вот, кажется, есть одно... Он открыл ящик и протянул художнику аккуратно распечатанный конверт:

— Это меня снимал один молодой товарищ в Свердловском университете.

Говоря это, он улыбнулся. Вспомнил, должно быть, историю с незаряженной кассетой.

Леонид Радіщев

Справедливость

Есть в нашей стране знаменитый учёный Александр Степанович К-ов, автор многочисленных статей и исследований по электрификации, действительный член Академии наук. Когда решаются какие-либо важные вопросы, связанные со строительством новых электростанций, то дело редко обходится без его участия. Не раз бывал Александр Степанович и на Ангаре, и на Иртыше, и в Каховке.

Я познакомился с ним на строительстве Куйбышевской ГЭС.

В резиновых сапогах и брезентовой куртке, он ходил от одного бетонного блока к другому среди сварочных огней, рёкота бетононасосов и виброхоботов, свистящих ударов паровых копров.

При словах «знаменитый учёный» мы склонны представить себе этакое почтенное старца в черном академическом колпаке. Поэтому я очень удивился, когда начальник участка, знакомя меня с Александром Степановичем, назвал его фамилию.

— Как, вы тот самый К-ов? — невольно воскликнул я.

— Тот самый, — подтвердил он и простодушно рассмеялся.

На вид ему можно было дать лет сорок, ну, сорок пять, не более. Смуглое от загара и ветра лицо, рабочая кепка, брезентовая куртка — всё делало его похожим скорее на прораба¹, чем на академика.

Несколько дней спустя я встретил его совсем неожиданно на палубе теплохода, которым возвращался в Куйбышев.

Был вечер. Солнце только что зашло. В спокойной поверхности реки медленно потухала заря. Сидя в плетёных креслах на корме теплохода, мы долго любовались уплывавшими от нас Жигулями. Потом зашёл разговор о будущем Волги, и я к слову заметил,

¹ П р о р а б — сокращение слов: производитель работ. Руководитель работ на строительстве.

что у электрификаторов хорошая профессия, и притом — самая ленинская.

Александр Степанович, не отвечая, смотрел на одинокую звезду, засиявшую над рекой, и, казалось, о чём-то думал.

— Да, профессия хорошая, — отозвался он наконец. — И что касается меня, то я действительно многим обязан Владимиру Ильичу. И не потому только, что электрификация России — это его идея. Получилось так, что мне в детстве посчастливилось видеть Ленина. И вот, хотя был в те годы совсем ещё, как говорится, неоперившимся птенцом, я потом много раз возвращался в мыслях своих к тем дням, и теперь мне кажется, что и в выборе профессии и во всём главном в моей жизни было какое-то влияние этой далёкой встречи с Ильичём, озарившей особым светом всё моё детство.

Я молча слушал, боясь перебить, и Александр Степанович продолжал, сам оживляясь постепенно этим воспоминанием.

— Жил я тогда у тётушки, солдатской вдовы, в деревне, под Москвой. Родители мои умерли от тифа. Трудное было время, голодное. Мы с моим тогдашним приятелем Андрейкой Сизовым всё на огородах бегали в соседнюю «экономия»¹ к сторожу дяде Даниле. То ему хвосту для костра наберём, то чем другим поможем.

Однажды дал он нам по кочану капусты. Я скорее

¹ Экономия — здесь: бывшая усадьба помещика.

домой: «Вот тётушка обрадуется!» Бегу, гляжу: возы стоят на дороге, и тоже с капустой. Думаю: «Ещё скажет кто-нибудь, что я кочан стащил», — и скорее шмыг¹ с дороги в кусты.

Гляжу: выходит из-за куста возчик. В брезентовом плаще нараспашку, с кнутом за голенищем. «Ты что, сорванец, с возов воровать задумал?» Да ко мне. Я зажал кочан под мышкой и что было духу в лес. Он за мной. Схватил за рукав и дернул так, что я с ног долгой. И капусту выронил.

Но я сразу вскочил, бросился животом на кочан, вцепился, держу и не то реву, не то рычу от обиды.

А возчик тоже, видно, вошёл в раж² — кнут схватил:

— Я тебе покажу, как безобразничать!

Вдруг слышу:

— Это что за экзекуция?³

Голос гневный, твёрдый. А тут ещё и слово такое незнакомое.

Смотрим, стоит человек с ружьём за плечами, видно, охотник. Руки в карманы засунуты. Лоб нахмурен, и глаза такие суровые, словно вся его сила не в ружье и не в руках, а вот в этом взгляде.

— Капусту с воза украл, — ещё сердито, но уже как бы оправдываясь, проговорил возчик. — Нельзя так спускаться, учить надо.

¹ Шмыг; шмыгнуть — быстро уйти, убежать.

² Раж (разговорное) — сильное возбуждение, злость, негодование.

³ Экзекуция — телесное наказание.

Трудно переда́ть, како́е го́рькое чу́вство охвати́ло меня́.

— Не крал я! — кричу́. — Мне де́душка Дани́ла дал! Спроси́те кого́ хотите! Провали́ться мне сквозь зёмлю, е́сли не так!

— Чего́ врёшь, чертёнок? Вон возы́ на доро́ге сто́ят! — Во́зчик был уве́рен в своёй правоте́, и э́то кра́йне уси́ливало мою́ оби́ду.

— Все́ равно́ не крал!

И я запла́кал навзры́д от отча́яния, от бо́ли, от несправедли́вости.

— Не плачь, ма́льчик, встань, вы́три слёзы. — Охо́тник помо́г мне встать и сам по́днял с земл́и ко́чан. — Э́то кто же тако́й дядя́ Дани́ла? — мя́гко спроси́л он.

— Сто́рож с «эконо́мии». Я ему́ хво́рост таска́л, и Андре́йка Сизо́в то́же. Он нам по кочану́ дал.

— Да врёт он, — возрази́л во́зчик, одна́ко ме́нее уве́ренно.

— Подожди́те, как вас зову́т?

— Да что вам? Ну, Митрофа́ном зову́т.

— А по ба́тюшке?

— Ну, Саве́льичем.

— Так вот, Митрофа́н Саве́льич, вы соверше́нно убежде́ны в том, что не ошиба́етесь? Вы проверя́ли? Наказа́ть неви́нного — э́то, в су́щности, то́же преступле́ние.

— Так вот же о́ни, возы́, сто́ят, посмотре́йте, — расте́рянно повто́рял во́зчик. — Сам же я капу́сту вожу́.

— Но ведь не вся капуста на свете находится на этих возах. Есть тут экономия? Есть дядя Данила?

— Есть-то есть, — протянул возчик.

Все вместе мы вышли на дорогу. Страсти постепенно угомонились¹. Я уже не плакал. Возчик тоже успокоился. И охотник продолжал уже без гневной нотки в голосе:

— Видите ли, Митрофан Савельич, справедливость в каждом, даже маленьком деле — это одно из главных завоеваний нашей революции. Ведь правда? Ведь наша сила именно в справедливости. Не так ли?

— Справедливость, она, конечно, нужна, — соглашался возчик. — Без неё разве можно?

На дороге охотник с нами простился. Отдал мне кочан и опять пошёл к лесу. Мы оба долго смотрели ему вслед.

— Это кто же такой? — спросил возчик. — Что-то вроде как лицо его мне знакомое.

Я, разумеется, не знал и молча рассматривал оцарапанную при падении босую ступню.

— Ты подорожник привяжи, — посоветовал возчик, — затянет, а то засоришь ещё.

Придя домой, я вручил тётушке злополучный кочан и, помня совет возчика, привязал к царапине подорожник. Нога моя быстро зажила.

И вот вскоре после этого Андрейка Сизов зазвал меня в бывший господский парк обследовать старые дупла.

¹ Угомониться — утихнуть, успокоиться.

Но сторож нас шуганул оттуда. Мы пошли на ручей, набрали сухих сучьев, развели костёр. Сидим под вербой у огонька, греемся. Смотрим: идут от усадьбы через поле двое. Один высокий, в плаще и шляпе, а другой пониже, в кепке, в курточке с карманами и руки назад держит. Прошли близко от нас, ничего нам не сказали, между собой разговаривали. А когда возвращались, к нашему костру повернули.

Высокий говорит:

— Как, ребята, примете погреться?

Мы молчим. Не жалко нам, да стесняемся.

Подшли они. Высокий начал сухие ветки обламывать и в костёр класть.

— Люблю, — говорит, — огонь, часами могу на него смотреть.

А другой присел на чурочку, положил мне руку на голову, потрепал волосы и вдруг говорит:

— Да ведь мы, кажется, знакомы?

Я смотрю, он улыбается, и в глазах у него весёлые такие искорки так и мечутся.

— Не узнаёшь? — спрашивает. — А капуста-то вкусная была?

И тут я понял: это тот самый охотник, что меня от вёзчика защитил.

— Ой, — говорю, — спасибо вам, дяденька. Теперь, — говорю, — я вас тоже узнал.

Он засмеялся. Потом обнял нас с Андрейкой обоих за плечи и так всё и сидел на чурочке у костра.

А высокий поднялся, посмотрел из-под руки вдаль и говорит:

— Велика́ Россія!.. И хорошо́ сказа́л про неё поёт: «Россія, сло́во-то како́е — и роса́ в нём, и си́ла, и си́нее что́-то».

Я запо́мнил э́ти слова́, должно́ быть, потому́, что как раз посмотре́л на да́льную по́лосу ле́са и поду́мал, что действительно́ есть там вдали́ что́-то си́нее-си́нее.

Они́ попроща́лись с на́ми и ушли́. А верну́вшись в дере́вню, я узна́л, что в бы́вшее имение́ приехал из Москвы́ Ле́нин, что он уже́ ходи́л на охоту́ и что некото́рые из на́ших мужико́в встреча́лись с ним, да́же оди́н пожа́ловался: «В ла́вках ниче́го нет, купи́ть ниче́го нельзя́», — и что Ле́нин сказа́л: «Вот когда́ пу́стим фа́брики, всё у нас бу́дет».

По́сле э́того стал я ду́мать, уж не Ле́нин ли э́то был с на́ми у костра́.

И когда́ мне показа́ли его́ портре́т, я срáзу узна́л чуть сощу́ренные, ла́сково-внима́тельные глаза́, неда́вно смотре́вшие на меня́.

Узна́л я пото́м, то́же по портре́ту, и Го́рького, что был тогда́ с ним.

Кста́ти, в изве́стных воспомина́ниях Го́рького о Ле́нине есть одна́ фра́за, на кото́рую вы, быть мо́жет, не обраща́ли внима́ния. Он там пи́шет: одна́жды в Го́рках, ласка́я чьи́х-то дете́й, Ле́нин сказа́л:

— Вот э́ти бу́дут жить лу́чше нас...

И, когда́ я читаю́ э́то ме́сто, мне всегда́ чу́дится: э́то про нас с Андрёйкой...

Алекса́ндр Степа́нович ка́к-то неожиданно замолча́л, нахму́рился и доба́вил ти́хо:

— Андрей Сизов командовал партизанским отрядом в Белоруссии. Там и погиб в бою в сборок втором году...

*

Вернувшись из командировки домой, в Москву, я достал с полки томик Горького, раскрыл воспоминания о Владимире Ильиче и нашёл то место, о котором говорил Александр Степанович.

Вот оно:

«...однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А всё-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Всё будет понята, всё!»

Н. Жданов

Родной и близкий

Дóма у меня хранится значóк с изображением Кáрла Мáркаса. Этот значóк мне подарил Лéнин.

С Владíмиром Ильичём я встречáлась три рáза. В пёрвый раз это произошло в 1918 году на Всерос-сийском съезде жёнщин-рабóтниц. В президиуме, куда вьб́рали и меня, говор́или, что на съезд обеща́л приехать Лéнин. Все б́ыли рáдостно взволнованы, все

нетерпеливо поглядывали на дверь, в которую он должен был войти.

Я представляла себе Лёнина каким-то великаном. Он оказалcя невысоким, скромным человеком.

О том, чтобы самой поговорить с Лениным, я никогда и не мечтала. Поэтому, когда он неожиданно обратился ко мне, я немного оробела и не знала, что отвечать. Но моё смущение скоро прошло. Владимир Ильич был простой, душевный человек.

Узнав, что меня послали на съезд глуховские текстильщики, он ещё более оживился, стал спрашивать о том, как мы живём и работаем. Вопросы он задавал так, будто сам всю жизнь провёл у нас на Глуховке. Хорошо знал Владимир Ильич интересы и нужды рабочих!

Прощаясь с Ильичём, я попросила у него на память фотографию. Он лукаво усмехнулся, что-то достал из кармана и протянул мне. Это был значок с портретом Маркса. Я берегу его как зеницу ока.

Второй раз я увидела Владимира Ильича в 1919 году на Московском областном съезде работников. Удивительная была у него память! Он сразу узнал меня, улыбнулся, как старой знакомой, начал спрашивать о делах на Глуховке. Я отвечала, что мы начинаем «размораживать» фабрики. Уже пущена отбельно-красильная, скоро начнут работать и остальные. Выслушав меня, Владимир Ильич сказал, что самое главное — сколотить на фабрике крепкий партийный коллектив, который вёл бы за собой массы.

Послѣдний раз я видела Лѣнина в ноябрѣ 1923 года. Владѣмир Ильич был тяжело болен, и вся страна с напряжённым вниманием следила за состоянием его здоровья. Глуховцы решили направить делегацию рабочих в Горки — повидать Ильича. Среди посланных была и я.

Выехали на грузовой машине. Помню, всё время торопили шофера: так хотелось скорее увидеть родного Владимира Ильича. Но, как нарочно, машина то и дело застревала в рывтинах.

В Горках мы были примерно часа в четыре. Встретила нас Марья Ильинична. Вместе с ней мы поднялись на второй этаж и прошли к Ленину.

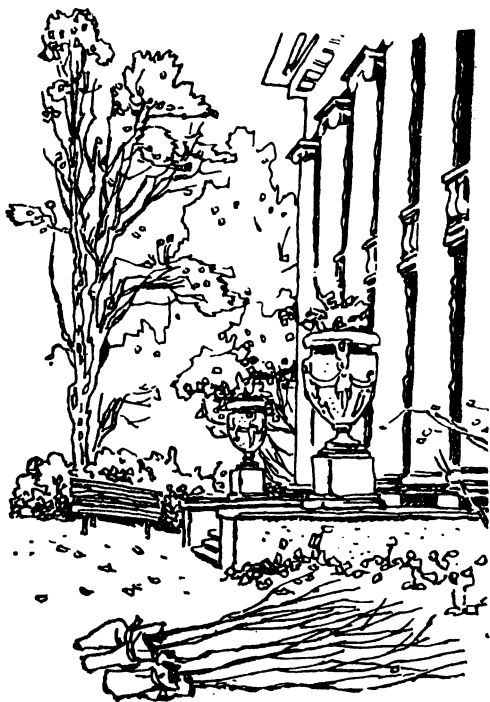
В то время врачи запретили Владимиру Ильичу много говорить. Но он не утерпел и забросал нас вопросами о комбинате, о жизни рабочих.

После беседы с Ильичём нас пригласили в столовую. Когда мы сели за стол, Марья Ильинична принесла тарелку грибов и сказала:

— Владимир Ильич просит вас попробовать грибы, которые он сам собирал. Кроме того, он интересуется, накормили ли вы шофера.

Родным и близким Ленин всегда будет жить в памяти народа.

П. А. Хободова,
работница Глуховского хлопчатобумажного комбината

Вишни

Надёжда Константиновна непримётно глянула на часы, дочитала фразу и закрыла книгу.

— На сегодня хватит, я устала, — сказала она.

Владимир Ильич понял — время, предписанное врачами на чтение, истекло. Он встал с кресла, подошёл к окну. Моросил дождь, холодный, ноябрьский. На чёрных замшевых ветках липы дрожали

прозрачные капли. По мокрой дорожке прыгали взъерошенные, сердитые воробьи. Вот их словно ветром подхватило, они стайкой взлетели и уселись на опустевшем скворечнике.

На дорожку вышли люди — впереди две женщины с накинутыми на головы капюшонами из мешковины, в высоких, зашнурованных до колен ботинках; позади — двое мужчин в кепках, в грубошерстных пиджаках. Видно, эти люди пришли сюда впервые: остановились перед большой клумбой и раздумывают, как подойти к дому.

— Кто-то к нам приехал, — сказал Владимир Ильич.

Надежда Константиновна сошла вниз, на первый этаж. Навстречу ей спешила Мария Ильинична.

— Глуховцы приехали к Ильичу, — сказала она.

Надежда Константиновна опасливо посмотрела навёрх — врачи строжайше запретили Владимиру Ильичу встречаться с людьми.

А Владимир Ильич, перегнувшись через перила, уже нетерпеливо спрашивал:

— Кто приехал? Кто?

— Делегация от глуховских рабочих, Володя. Письмо тебе привезли, — откликнулась Мария Ильинична. — Сейчас принесу.

Владимир Ильич поспешно застегнул воротник косоворотки.

— Я очень прошу их подняться ко мне.

— Но врачи... — начал было Надежда Константиновна.

Да правы ли врачи? Почему они полагают, что лучшее лекарство для Ильича — не видеть людей, не чувствовать биения жизни? Эта встреча его порадует, а радость никак не может повредить здоровью.

Надежда Константиновна переглянулась с Марией Ильиничной и решительно сказала:

— Хорошó, Волóдя.

С глуховцами у Ильича дружба давняя, и не видать их делегатов он не может. Вот они поднимаются по лестнице. Владíмир Ильич идёт навстрéчу, внимáтельно всмáтривается в лица.

Впередí — пожилáя рабóтница. Седáя голова повязана крáсной косы́нкой. Одно́й руко́й она́ прижимáет к груди́ па́пку, друго́ю протя́гивает Ильичу́:

— Пряди́льщица я, Пелагéя Хóлодова, — и степенно клáняется.

— Пóмню, пóмню, — улыбну́лся Владíмир Ильич.

За ней молодáя жéнщина с застенчивой улы́бкой, лицо́ чуть припóднято, слóвно гóлову оття́гивают тяжёлые рúсые кóсы.

— Сновáльщица Клáвдия Гúсева.

Осторо́жно ступáет по коврú в гру́бых сапогáх старíк, большóй, крéпкий, нелóвкий и, навéрное, óчень лáдный в рабóте.

— Молотобóец Дмíтрий Васíльевич Кузнецóв.

Владíмир Ильич любóется молодым белозúбым паренькóм в сине́й косоворóтке.

— Пряди́льщик Герáсим Козлóв.

Кáждому Владíмир Ильич пожимáет рúку, кáждому заглядывает в лицо́ и приглашáет сесть.

Пелагэя Хóлодова изо всех сил старáется вспомнить все торжéственные словá, котóрые она́ придумала за дорóгу, и вдруг совсём прóсто спрашивает:

— Как здорóвье, Владíмир Ильи́ч? Как чу́ствуешь себя́?

— Хорошó, óчень хорошó, — отвечáет Ильи́ч.

И это́ прáвда — сейчáс он не чу́ствует себя́ больным. У него́ мно́го вопро́сов к эти́м лю́дям, мно́го мы́слей, котóрыми не тёрпится поделиться.

— Постановлéние мы прíняли, все двенáдцать тýсяч рабóчих проголосовáли, — продолжáет Хóлодова, — чтóбы ты берёг себя́ для нас, для рабóчих, чтóбы не переутомля́лся.

— Я постара́юсь, — отвечáет Владíмир Ильи́ч.

Марья́ Ильи́нична и Надéжда Константи́новна сто́ят в дверя́х сосéдней ко́мнаты и ви́дят, как дóбрая улы́бка трóнула гúбы Ильичá.

Хóлодова протяну́ла Владíмиру Ильичу́ па́пку:

— Письмо́ мы тебе́ привезли́ от нáших.

Владíмир Ильи́ч раскры́л па́пку, уви́дел большо́й лист бума́ги, испи́санный крупными́ бúквами чёрной и красной тúшью. Привы́чным цéпким взгля́дом схватил напи́санное, чуть задержáлся на стрóчках:

«...ты ну́жен нам тепёрь, в момéнт развивáющей-ся герма́нской револúции, как ну́жен ты нам во дни труда́, во дни го́ря, во дни ра́дости...»

— Спаси́бо! Большо́е спаси́бо за доверéие.

— И ещё́ мы привезли́ тебе́ подáрок, — говорит Хóлодова.

Владíмир Ильи́ч нахму́рился.

— Не сердись! Мы тебе вишнёвый сад привезли, — поспешил объяснить старик Кузнецов. — Перед окном твоим посадим. Зацветут вишни весной — залюбуешься. Цвет у них чистый, белый, запах свежий, для здоровья полезный. Взгляни-ка в окно...

Владимир Ильич идёт к окну. Возле клумбы, как звено юных пионеров, расставлены восемнадцать молодых вишнёвых саженцев. Корни аккуратно обернуты рогожей и перевязаны красными полосками материи. Владимир Ильич любовно смотрит на маленькие голые кустики, трепещущие на ветру, и словно видит их в пышном цветении...

Старик Кузнецов вглядывался в побледневшее не то от болезни, не то от волнения лицо Ильича и думал: «Дорогой ты наш человек! И в тюрьме и в ссылке за нас маялся, и на чужбине в тяжких условиях для нас работал, и стреляли в тебя отравленными пулями, и на работе за нас надорвался».

— Чистый, белый цвет, — сказал как бы про себя Владимир Ильич. — Спасибо! Славный подарок.

И тут не выдержал старый кузнец. Шагнул вперёд, широко развёл руки и осторожно и нежно обнял Владимира Ильича.

— Я — рабочий, кузнец, Владимир Ильич, мы скуем всё, намеченное тобой...

Владимир Ильич тоже обхватил Кузнецова, и они словно застыли. Холодова кончиком косынки смахивала со щёк непрошенные слёзы.

Внизу, в большой комнате, обставленной цветами и пальмами, был накрыт стол, шумел самовар.

Марія Ильїнична предложїла делегáтам поужїнать. Но никому́ не хотѣлось есть. Мы́слями все ещѣ бы́ли там, наверху́, с Ильичѣм.

— Ку́шайте, товарищи, ку́шайте, — угощáла Марїя Ильїнична, самá взволновáнная до слѣз. — Попрóбуйте грибки́, их сам Ильич собирáл.

На столѣ перед Марїей Ильїничной лежáла стопка газѣт. Наверху́ — «Правда». Бросáлись в глаzá крупны́е заголовки: «Наступлѣние германской буржуазїи», «Гóлод в Германїи», «Бѣлый террóр в Болгарїи», «Забастóвка лóдзинских рабóчих в Пóльше».

— Лютует мирováя буржуазїя, — кивнул Кузнецóв на газѣты. — Лютует. Но придѣт день — бóдет прázдник и у германских рабóчих, и у болгар, и у поляков.

— Ильич в э́том убеждѣн, — подтвердїла Марїя Ильїнична.

— Рабóтать вам нáдо, — сказáла Хóлодова, — мы поѣдем.

Марїя Ильїнична запротестовáла:

— В такую́ распу́тицу¹, на ночь глядя, я вас не пущу́. Ночевáть бóдете у нас. Утром и сáженцы поса́дите.

Глу́ховцы перегляну́лись. Онї бы́ли довольны, всем хотѣлось побы́ть ещѣ ря́дом с Ильичѣм.

— Мóжет, вам пóмощь какáя нужна́? Как живóт сейчáс глу́ховские рабóчие? — поинтересовáлась Марїя Ильїнична.

¹ Распу́тица — время, когдá доро́ги станóвятся малопроѣзжими от грязи (рáнней весной или óсенью).

У рабочих в те годы было много нужд. Военная разруха ещё давала себя знать.

Но ни о каких своих бедах делегаты не говорили.

— Прóсьба у нас одна и мечта заветная: чтобы поправлялся Ильич, чтобы здоров был.

Всю ночь делегаты не спали. Сидели и говорили шепотом, прислушивались. В доме было тихо.

Утром пришла Марья Ильинична.

— Как спал Ильич? Спокойно ли? — был первый их вопрос.

— Хорошо спал, — ответила Марья Ильинична. — Встал в отличном настроении. Утром опять читал ваше письмо. Очень оно ему дорого.

Утро было солнечное, ясное. Мороз прикрыл лужи тонко расписанным стеклом. Ночью выпал снег, и вишнёвые саженцы стояли будто в весеннем цветении.

*

Каждую весну, когда просыпается к жизни земля и прозрачная на солнце зелень окутывает поля и леса вокруг дома с колоннами, где жил последние годы Владимир Ильич Ленин, зацветают вишнёвые деревья и, словно юные пионеры в своих белых чистых рубашках, разбегаются отсюда, из Горок Ленинских, по всей земле.

3. Воскресенская

На Красной площади

Это было в мае, много лет назад. В Москвѣ, на Красной площади, только что прошёл парад. Парад закончился, но народ не расходился. Потому что все знали: после парада выступит Ленин. И все хотели увидеть Ленина. Все хотели услышать его.

Вдруг на Красную площадь въехал грузовой автомобиль. В автомобиле стояли дети. Лица у ребят

были обыкновенные — русские. А вот одежда на них была необыкновенная. На одном мальчике красовался индусский тюрбан¹. На другом — турецкая феска² с кисточкой. Голова третьего была украшена лихой будёновкой. У четвертого на голове — китайская шапочка с красным шариком на макушке. Здесь же стоял мальчик в блузе рабочего. В его руках был молот. Рядом стоял мальчик в лаптях. В его руках был серп.

А в центре грузовика, на возвышении, все увидели девочку. На ней развеялась пунцовая мантия³. Девочка держала в руках красное знамя. На знамени было написано: «Угнетённые народы! Рвите цепи рабства!»

— Что за дети? Откуда они? — удивились люди на площади.

— Из Индии, — говорили одни. И показывали на мальчика в тюрбане.

— Из Турции, — говорили другие. И показывали на мальчика в феске.

— Из Китая, — уверяли третьи. И показывали на мальчика в шапочке с красным шариком.

Тогда кто-то из толпы спросил:

— Откуда вы, дети? Кто вы такие?

Мальчик в будёновке сказал:

— Мы — отряд юных коммунистов!

¹ Тюрбан — мужской головной убор восточных народов из куска лёгкой материи, обмотанной вокруг головы.

² Феска — шапочка, похожая по форме на усечённый конус.

³ Мантия — широкая длинная одежда в виде плаща.

— А почему вы так одёты?

Отвѣтила дѣвочка в пунцово́й ма́нтии:

— Я одѣта так, потому́ что я изобража́ю Револю́цию.

А ма́льчик с мо́лотом сказа́л:

— Под зна́мя Револю́ции собрали́сь все угнетѣнные наро́ды: кита́йцы, индúсы, ту́рки. Негр у нас то́же был, то́лько с него́ стёрлась са́жа, пока́ мы е́хали.

— Хорошо́ придумали, молодцы́! — похвалили взро́слые. — Жаль, что Влади́мир Ильи́ч не ви́дит вас. Он сейча́с бу́дет речь говори́ть. Вон с той трибу́ны...

— Реба́та! — закрича́л ма́льчик в лаптя́х. — Здесь това́рищ Ле́нин! Позовѐм его́ к нам!

Все на грузовикѣ закрича́ли:

— Позовѐм! Позовѐм!

И тогд́а два ма́льчика — ма́льчик в тюрба́не и ма́льчик в кита́йской ша́почке — спры́гнули с грузовика́ и исчѣзли в толпѣ.

— Не пробѣться им, — усомни́лись взро́слые. — Вон там ско́лько наро́да у трибу́ны!..

И ве́рно, путь ребя́т оказа́лся нелёгок. Пока́ они́ пробира́лись к трибу́не, Ле́нин уже́ нача́л говори́ть. Наро́д вокру́г трибу́ны стоя́л сплошно́й стено́й. Пробѣться сквозь э́ту стѣну не́ было никако́й возмо́жности.

От огорче́ния ребя́та гото́вы бы́ли запла́кать. Они́ не зна́ли, что им де́лать. Неужели́ возвраща́ться наза́д?!

Но вдруг все закрича́ли «ура́», и ребя́та догада́-

лись: Лёнин кончил выступать. И мальчики снова начали протискиваться к трибуне.

Люди смотрели на них, улыбались и говорили:

— Мальчик в тюрбане, конечно, приехал из Индии. А этот мальчик, конечно, из Китая. Пропустите их. Он, вероятно, хочет посмотреть на товарища Лёнина.

И все расступались, и все давали мальчикам дорогу.

Наконец ребята оказались у трибуны. Здесь их остановил военный в кожаной тужурке.

Он посмотрел на тюрбан, на китайскую шапочку и спросил:

— Кто такие будете? Вам на эту трибуну нельзя. Понятно? Нельзя!

Ребята сказали:

— Мы угнетённые народы.

— Что же вам здесь нужно, товарищи угнетённые?

— Мы хотим пригласить товарища Лёнина... Мы на грузовике... Недалеко... Здесь... На площади...

Военный даже руками замахал:

— Нет, нет, нет! Владимир Ильич выступал сегодня три раза. Он устал! Дайте ему отдохнуть!

Мальчики сказали:

— Тогда позвольте нам только посмотреть на товарища Лёнина. Мы только посмотрим на него и уйдём.

Вдруг совсем близко ребята услышали голос:

— Это что за публика?

Воённый взял под козырёк и доложил:

— Это угнетённые народы, товарищ Лёнин. Хотят на вас посмотреть.

Мальчики закричали:

— Мы не угнетённые! Это мы только изображаем... Мы — отряд юных коммунистов!

Быстрыми шагами Лёнин спустился с трибуны.

— Здравствуйте, товарищи юные коммунисты, — сказал он. — Я слышал о вашем отряде...

Мальчики заговорили разом, перебивая друга друга:

— Ребята поручили нам пригласить вас... Нам много... Мы на грузовике... А в середине — Революция со знаменем...

— Очень интересно! — сказал Лёнин. — С удовольствием встречу с Революцией. Пошли! Показывайте мне дорогу.

И он взял ребят за руки.

Так они и шли. В середине — Лёнин, а по бокам мальчик в индийском тюрбане и мальчик в китайской шапочке.

Когда Лёнин подошёл к грузовику, все ребята закричали изо всех сил «ура». Лёнин покачал головой и спросил:

— Для чего же вы меня пригласили? Чтобы я послушал, как вы умеете громко кричать «ура»?

— Это мы от радости! — объяснили ребята. — Оттого, что вы к нам пришли...

— Ну тогда давайте знакомиться, — сказал Лёнин. — Ага! Вот и самая Революция со знаменем...

Лéнину óчень понрáвилась Дáша. Так звáли дéвочку, котóрая изображáла Револúцию. Онá стояла на возвышéнии и высокó над головóй держáла крáсное знáмя. Вéтер так трепáл егó, что Лéнин никák не мог прочéсть, что напíсано на знáмени. Тогдá ребята придержáли полóтнице, и вéтер надúл егó слóвно пáрус. Издали казáлось, что по Крáсной плóщади плывёт корáбль под крáсными парусáми. А на парусах напíсано: «Угнетённые нарóды! Рвите цéпи рáбства!»

Юные коммунисты думали, что Владíмир Ильич тóлько посмóтит на них и уйдёт. Но Лéнин не ушёл. Он стал бесéдовать с ребятами.

Лéнин сказа́л:

— Помéщики и фабриканты хотя́т отнять у нас свобóду. Онí хотя́т, чтóбы рабóчие и крестья́не снóва стáли рабáми. Но э́того не бóдет! Ва́ши отцы́, ва́ши стáршие бра́тья, не щадя́ жízни, бы́ются на всех фронта́х с найми́тами капита́листов, с белогварде́йцами. И мы победíм!

И ещё Лéнин сказа́л, что юные коммунисты должны́ всегдá и во всём помогáть большевика́м.

Когдá Лéнин кончил говорíть, ребята снóва крикнули «ура́». Но онí тут же спохватíлись и рáзом умóлки.

Наступíла тишина́. Одна́ко тишина́ длíлась не бóлее секундý. Потому́ что Дáша подняла́ ещё вы́ше крáсное знáмя и запéла:

Вставáй, прокля́тьем заклеймённый,
Весь мир голо́дных и рабóв!

Ребята подхватили:

Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов...

Дети пели «Интернационал». Гимн коммунистов.
И вместе с ребятами пел Лёнин.

Юные коммунисты не верили своему счастью.
С ними поёт Лёнин! Сам Лёнин!

Но вот прозвучали последние слова гимна. Дети поняли: Владимир Ильич сейчас уйдёт. Как же им проводить его? Мальчик в китайской шапочке не выдержал и сказал:

— Товарищ Лёнин, позвольте нам тихонько крикнуть «ура». Мы тихонечко-тихонечко...

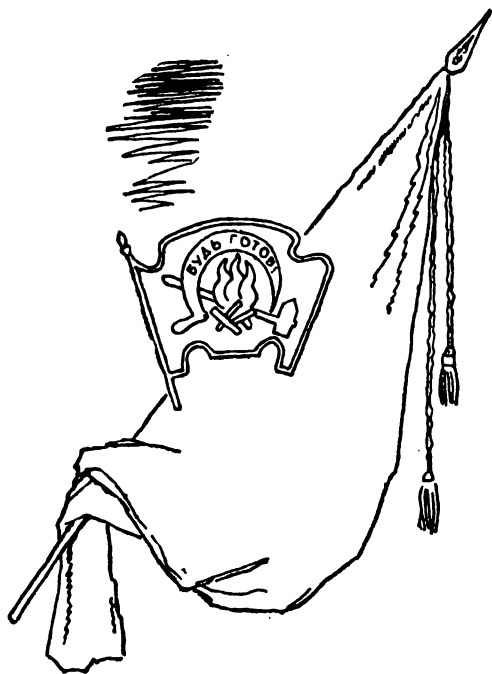
Владимир Ильич улыбнулся:

— Ну, уж если вам так хочется...

И тогда счастливые ребята закричали «ура». Сначала они закричали тихо, а потом не выдержали и закричали громко.

Но Лёнин не рассердился на них. Он даже почему-то рассмеялся, махнул рукой и поспешно пошёл к своей машине.

Н. Х о д з а

Письма детям

Дорогие ребята!.. Продолжайте дело Ленина — делайте всё, что можно, для того, чтобы жизнь для всех становилась всё более светлой, культурной, зажиточной. Побольше читайте, хорошо учитесь, — много надо вам знать. Учитесь жить как можно дружнее, помогая друг другу в работе, учёбе. Надо, чтобы было настоящее товарищество между вами, между ребятами разных национальностей, между мальчиками и девочками, между старшими ребятами и младшими.

Более сильные, более знающие, более умелые должны помогать тем, кто слабее, кто меньше знает.

Надо также, чтобы была забота об общем имуществе. Видят ребята — забор завалился, надо поправить; видят — бумага грязная набросана, надо убрать; видят — огонь зря горит, надо потушить; видят — малыша кто-нибудь обижает, надо заступиться...

Надо помогать старшим, надо учиться, надо вглядываться и вдумываться в жизнь, распознавать, кто друг Советской власти, кто враг. Надо крепкую волю иметь, уметь самим с собой справляться, быть выдержанными, стойкими, мужественными, готовыми к труду и обороне.

*

...Многие из вас пионеры. Ваши вожаки, верно, рассказывали вам о том, что быть пионером — это значит не только носить красный галстук. Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать. И каждый пионер должен принимать участие в этом не только в школе, но и вне школы.

...Многие ребята неясно себе представляют, что такое общественная работа. Это работа, направленная на то, чтобы улучшить сообща окружающую жизнь.

...Будьте помощниками общественников-взрослых, и тогда вы на этой работе вырастаете настоящими общественниками, умеющими бороться за дело Ленина!

Н. К. Крупская

СОДЕРЖАНИЕ

Н. К. Кру́пская. Влади́мир Ильи́ч Ле́нин	3
В. Бо́нч-Бру́евич. О де́тстве Влади́мира Ильи́ча	6
Н. Богда́нов. След челове́ка	10
В. Си́доров. В семье́ Улья́новых	12
С. Анто́нов. В ночно́е	16
А. И. Улья́нова. В гимна́зии. (Из кни́ги «Де́тские и шко́льные го́ды Ильи́ча»)	24
Л. Ради́щев. Гребí вперёд!	30
А. Ко́нонов. Май	43
А. Ко́нонов. Ле́нинская бума́га	49
З. Воскресе́нская. Ко́льца дру́жбы	53
П. Макруше́нко. Ми́нька	61
З. Воскресе́нская. В те́мную ночь	75
З. Воскресе́нская. Моче́ные я́блоки	84
Б. Рае́вский. Большо́е и ма́лое	94
Н. Хо́дза. В гора́х	104
А. Ко́нонов. Встре́ча	111
Н. Хо́дза. Пого́ня	119
А. Ко́нонов. У о́зера Разли́в	124
А. Ко́нонов. Кочега́р по́езда № 71	128
П. Ка́пица. Ночь в Лесно́м. (Из по́вести «Това́рищ Ивано́в»)	131
А. Ко́нонов. На мосту́	140

П. Ка́пица. Нача́лось. (Из по́вести «Това́рищ Ива- но́в») :	143
А. Ко́нонов. В Смо́льном	152
С. Алексе́ев. Граждани́н Росси́йской респу́блики .	157
В. Бонч-Бруе́вич. Советский герб	162
А. Ко́нонов. Рожде́ние Армии	165
В. Бонч-Бруе́вич. Солда́тский хлеб	169
Я. Пиня́сов. Обыкновенные ва́режки. Перево́д с мор- дóвского и обрабо́тка <i>Н. Богда́нова</i>	173
Е. Мар. Не по уста́ву	179
А. Ко́нонов. Вы́стрел врага́	182
Тимофе́ев. По́мощь ива́ново-вознесе́нцам	186
Л. Ради́щев. Делега́т с Ура́ла. (Из одноимённой по́вести)	189
Ф. Л. Хале́вская. Ле́нин у дете́й	200
С. Алексе́ев. Ле́нинская десяти́на	204
Ф. Сло́дов. На суббо́тнике	207
П. И. Козло́в. В простóй крестья́нской избé	211
С. Анто́нов. Встре́ча в Кре́мле	215
А. Ве́тров. Ле́нин на заво́де «Дина́мо»	227
Л. Ради́щев. Неза́ряженная кассе́та	232
Н. Жда́нов. Справедли́вость	242
П. А. Хо́лодова. Родно́й и бли́зкий	251
З. Воскресе́нская. Ви́шни	254
Н. Хо́дза. На Кра́сной пло́щади	261
Н. К. Кру́пская. Пи́сьма дете́ям	268

*Издательство просит учителей и уча-
щихся нерусских школ свои отзывы об
этой книге посылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом
детской книги.*

*Рисунки
А. Кадушкина*

Для восьмилетней школы

РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ

Сборник

Ответственный редактор *Е. С. Карташова*. Художественный редактор *Е. М. Гуркова*.
Технический редактор *М. А. Кузцова*. Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *Т. Ф. Юдичева*.
Сдано в набор 9/IV 1964 г. Подписано к печати 18/VI 1964 г. Формат 60 × 84^{1/16} — 17,75
веч. л. 16,206 усл. печ. л. (9,4 + 6 вкл. = 9,47 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1954
№ 611. Цена 45 коп.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Суцневский вал, 49. Заказ № 529.

Цена 45 коп.